

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Общая тетрадь

Москва 2010

Общественно-политическое издание
Выходит раз в квартал
Наш электронный адрес:
e-mail: msps@msps.su
http: //www.msps.su

*Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № 77-7311 от 19.02.2001 г.*

Редакционный совет:

*А.Н. Архангельский
Е.В. Барабанов
Р. Брейтвейт (Великобритания)
И.М. Бусыгина
С.А. Васильев
Н.В. Злобин
М. Мертез (ФРГ)
С.В. Мошкин
Е.М. Немировская
Д. Пинто (Франция)
Б. Рубл (США)
В.А. Рыжков
Ю.П. Сенокосов
А.Ю. Согомонов
А. Хиль-Роблес (Испания)
Дж. Хоскинг (Великобритания)*

Главный редактор: *Ю.П. Сенокосов*

Ответственный секретарь: *С.А. Максимов*

Художественный редактор: *Людмила Иванова*

Верстка: *Ольга Козак*

Фото: *О. Начинкин*

*Издание этого номера журнала осуществлено при поддержке
Института «Открытое общество», Фонда Ч.С. Мотта,
Шведского агентства международного сотрудничества для развития (SIDA),
группы компаний «Рольф».*

Содержание

№ 3–4 (53) 2010

К читателю 5

Семинар

- Проблемы правоохранительной системы в современной России* 7
Елена Лукьянова
Дискуссия 13
Свобода слов 23

Тема номера

- Коррупция: масштабы катастрофы* 24
Елена Панфилова
Фатальный закон для власти 28
Надежда Лисицина
К вопросу об оппозиции 30
Леонид Седов

Вызовы и угрозы XXI века

- Проблемы мусульманского мира* 34
Алексей Малащенко

Кризис

- Перспективы глобальной экономики* 44
Росс Уолкер

История и современность

- «Судьбу наций определяет ум интеллигентский»* 49
Сергей Магарил

Точка зрения

- Две параллельные реальности* 63
Андрей Колесников
Цена бесценности 68
Светлана Бабаева

Гражданское общество	
<i>Что такое гражданское общество?</i>	81
<i>Гасан Гусейнов</i>	
Региональный семинар	
<i>Местные сообщества и власть: опыт Франции</i>	99
Город и горожане	
<i>От городской политики к политике городов</i>	111
<i>Александр Согомонов</i>	
<i>Нестолчный Нижний</i>	119
<i>Константин Барановский</i>	
Региональная и муниципальная жизнь	
<i>«Придворная общественность»</i>	123
<i>Елена Никищенко</i>	
Зарубежный опыт	
<i>Европейское правосудие: единство в многообразии</i>	128
<i>Эммануэль Барб</i>	
<i>Историческая память и правосудие</i>	131
<i>Луис Бикфорд</i>	
<i>Глобальный капитализм и социальное благополучие – шведский опыт</i>	135
<i>Гуннар Веттерберг</i>	
Горизонты понимания	
<i>Наша культура и необходимость просветительской деятельности</i>	139
<i>Игорь Харичев</i>	
Наш анонс	
<i>Раздор между народами. Порядок и хаос в XXI веке</i>	148
<i>Роберт Купер</i>	
<i>Геополитика эмоций</i>	150
<i>Доминик Моизи</i>	
<i>Истоки гражданских прав в России – год 1785</i>	154
<i>Ричард Пайпс</i>	
Книги	
<i>Скверный анекдот</i>	157
<i>Андрей Захаров</i>	
<i>Региональное книжное обозрение</i>	159
<i>Максим Васюков</i>	
<i>Контрапункт</i>	161
<i>Владимир Рыжков</i>	
Nota bene	
<i>Трофейное искусство в российской провинции</i>	168
<i>Керстин Хольм</i>	

В оформлении этого номера использованы работы авторов из Австрии, Великобритании, Мексики, Польши, США, ФРГ, Франции, Швейцарии, Южной Кореи.

К читателю

Известно, что либерализм как политическое течение, придававшее особое значение обеспечению свободы личности в обществе, появился в Европе в конце XVI — XVII веке, во время борьбы за религиозную веротерпимость. Позднее (не без влияния политической теории Джона Локка) либерализм стал ассоциироваться с идеей свободного рынка и невмешательства государства в экономику. Тогда как идеология консерватизма (от лат. *conservare* — охранять, сохранять) оформилась лишь после Великой французской революции, когда Эдмунд Бёрк и Жозеф де Местр резко осудили революционные преобразования, ведущие к разрушению общественных ценностей. Однако это не остановило сторонников либерализма, боровшихся в XIX веке за продолжение социальных реформ и формирование законодательства, направленного на создание государства всеобщего благоденствия. Современные либералы, опираясь на классическое наследие, несмотря на разногласия, в общем едины в защите свободы личности от посягательств государства, а также в требовании конституционного правления, предоставления гражданских прав и неприкосновенности частной жизни.

Фактически то же самое мы видим и в лагере западных консерваторов (в современных христианско-демократических партиях Европы и в Республиканской партии США), которые приветствуют конституционное право как способ сохранения власти и организации общественно-политической жизни. Их экономические взгляды с течением времени тоже претерпели изменения. Если первоначально консерваторы склонялись к протекционизму, то в XX веке приняли модель свободного рынка как наилучший способ организации экономической деятельности. Таким образом, синтез консервативных и классических либеральных установок явно свидетельствует об

Юрий Сенокосов,
главный редактор журнала
«Общая тетрадь»

исчезновении партий, исповедующих чисто либеральные или консервативные идеи. Не говоря уже о том, что, выступая поочередно во время выборов в роли оппозиционных сил, приходя к власти, они опираются на одни и те же сложившиеся институты и силовые структуры для поддержания и сохранения существующего порядка.

Другими словами, история последних двух столетий показала, что, хотя представительная демократия не «лучшая форма правления», она более эффективна с политической и экономической точек зрения. Если в стране существует развитая партийная система, работает «система сдержек и противовесов», в основе которой разделение властей, а в обществе формируется понимание демократии как некой универсальной (общечеловеческой) ценности и укореняются общие моральные ценности. В сегодняшних российских условиях это ценности человеческой жизни и демократии, которые представляются наиболее важными, ибо только они могут привести в действие процесс оздоровления социальных институтов и экономических отношений. Без этого россиянам, независимо от этнического происхождения, не стать гражданами государства-нации, как это происходило в целом ряде стран Запада в эпоху строительства полиэтнических государств гражданского типа. «Культур много, а цивилизация одна», — заметил М. Мамардашвили в одном из своих интервью в конце 1980-х годов*.

Почему он рассуждал именно о цивилизации как объединяющей силе? Потому что культуры в широком смысле несовместимы. Соприкасаясь, они начинают «искривляться», подобно электрическим проводам. То есть прямой, непосредственный контакт между культурами практически невозможен, учитывая к тому же, что сегодня они ориентированы на «эффективность любой ценой». Соперничество и конкуренция в мире будут продолжаться, это очевидно. Принципы «производство ради производства», «экономика для экономики» и «искусство для искусства» как мотивация для развития не исчезнут. Свобода порождает свободу. И, собственно, поэтому мы можем утверждать, что война безнравственна, поскольку интуитивно *все принадлежим* к человеческому роду и продолжаем стремиться к миру, не считая невежество ценностью. Это и есть цивилизация. Только общаясь и сознавая себя гражданами, мы начинаем жить в цивилизованном мире. Или, другими словами, в гражданском обществе, которое на самом деле не имеет границ. А если они есть, то — условны.

Конфликты ценностей и интересов внутренне присущи, как известно, всем обществам. Но только демократия, оставаясь «царством неопределенности» (А. Пшеворский) и являясь одновременно универсальной ценностью, позволяет вести диалог, договариваться, преодолевать конфликты, в том числе и военные, при посредстве гражданских институтов.

* Мераб Мамардашвили. *Как я понимаю философию.* - М.: «Прогресс», 1992. — С. 334.

*Проблемы правоохранительной системы в современной России**

Все, о чем пойдет речь, наверняка известно большинству слушателей. Тем не менее угол зрения, под которым эти известные факты рассматриваются, может показаться любопытным.

Когда мы произносим слово «государство», мы имеем в виду совокупность государственных органов, объединенных в единую систему, в которой каждый орган выполняет определенную функцию. Все вместе они выполняют функции государства в целом. Мы не знаем точно, когда и каким образом было создано государство, — по этому поводу есть много разных теорий. Наиболее правдоподобной мне представляется та из них, которая утверждает, что однажды группе лиц потребовалось охранять от соплеменников свою собственность, и они создали для этого принудительный аппарат, который впоследствии стал называться государством.

С тех пор прошли тысячелетия. Но по большому счету ничего не изменилось. За исключением того, что государства стали выразителями воли и защитниками интересов гораздо более широкого круга лиц. Мы, живущие на сегодняшнем этапе развития мировой государственности, нанимаем государство, чтобы оно исполняло целый ряд функций, и содержим его за счет налогов. Это всего лишь разделение труда, как в обычной семье, где один зарабатывает, а другой занимается хозяйством и воспитывает детей. Так и договорились, что одни должны строить дома, выращивать хлеб, заниматься наукой, писать книги и снимать кино, а другие — принимать законы, оборонять границы, охранять порядок, расследовать преступления и вершить правосудие. Постепенно даже функцию «учить и лечить» люди частично пере-

*Елена Лукьянова,
член Общественной
палаты РФ,
доктор юридических наук,
профессор МГУ
им. М.В. Ломоносова*

** Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в Голицыно 23 июля 2010 г.*

дали государству, потому что развивать эти отрасли централизованно оказалось и эффективнее, и дешевле.

При этом везде и во все времена одной из самых важных функций государства является правоохранительная. Это непреложная его функция, естественно, наряду с правосудием — инструментом, с помощью которого происходит разрешение споров между субъектами права, между отдельными гражданами или их группами. Мы заспорили, мы не согласились друг с другом или с кем-то третьим по вопросам, для которых государство установило правовое регулирование. Мы не можем сами разрешить возникшее противоречие. Для этого государство (которое, как мы помним, наняли) предоставляет нам арбитра (суд), который на основе закона принимает то или иное решение, обязательное к исполнению, и выносит его от имени государства.

И вот с этой функцией в современной России произошли очень серьезные проблемы. Потому что сама по себе, будучи функцией мирной, она при определенных обстоятельствах может быть использована в совершенно иных целях — как механизм борьбы за власть и способ расправы с соперниками. Именно это и произошло: система государственных органов, которая должна выполнять правоохранительную функцию и функцию разрешения споров, перестала работать. Вернее, она продолжает функционировать, но отказывается выполнять свое изначальное предназначение — установление истины и справедливый суд на основе закона.

Итогом стала ситуация, когда во время переговоров с президентом России о привлечении иностранных инвестиций в наукоемкие технологии, потенциальные инвесторы в первую очередь попросили его решить вопрос о создании для них особого правового статуса.

И президент (профессиональный юрист) был вынужден развести руками, потому что правовое пространство у нас одно — российское. А инвесторов его качество категорически не устраивает, потому что практика правоприменения существенно отличается от тех правил, которые установлены самим российским законодательством.

Все это вместе — и качество права, и состояние правоохранительной системы в России сегодня — надо бы оценить. Каково качество правил, по которым государство взаимодействует с обществом, и как эти правила исполняются? Какие трансформации претерпевает вступивший в силу закон до момента его претворения в жизнь и почему? Постараемся разобраться в этом максимально коротко.

Неправильная, на мой взгляд, экономическая политика в отношении бюджетников и государственных служащих за 20 лет привела к тому, что государственная служба перестала нормально функционировать. Государственные служащие оказались в неравном положении по сравнению с другими профессиями. При этом большинство не захотело эту службу оставить и стало использовать государственно-властные полномочия в личных целях. То есть возник конфликт интересов — главный признак коррупции.

Правда, это не относится к судьям. Потому что о качестве принимаемых неимуществными судьями решений в свое время задумались. И улучшили им материальное обеспечение. Сегодня они зарабатывают на уровне среднего класса. Казалось бы — что еще надо? Работай и суди по закону. Но — это же Россия! Должность судьи стала престижной, и на нее немедленно распространилась коррупционная составляющая. Началась покупка (в прямом смысле) судейских мест. При назначе-

нии на должность судьи расцвели пышным цветом протекционизм и его особая российская ипостась — кумовство. У нас есть регионы, где значительная часть судей — родственники или члены одного клана. Как только это произошло, сразу резко упал профессиональный уровень судей, потому что отбор производился не по принципу профессионализма, а по совсем другим критериям. В результате уровень коррупции превысил все мыслимые

пределы, а нетерпимости к коррупции в обществе не прибавилось.

Мы можем жалеть сотрудников МВД — дескать, «нищие», потому и бесчинствуют — хоть какое-то оправдание (хотя и не нищие они вовсе, и оправдания им нет и не может быть). А для судей и такого оправдания нет. Зарплата судьи выше зарплаты профессора МГУ в 3–5 раз. Но и этого оказалось мало — коррумпированность в судейской системе очень высока.

Государство, в котором не работает правосудие, обособливается от общества, теряет доверие граждан. А доверие граждан — это право на власть, это уровень поддержки населением политики государства и лояльности к правителям. Только доверяющее государству население будет выполнять те правила, которые установлены этим государством. А не доверяющее население приходится принуждать. Поэтому все диктаторские государства вынуждены держать огромный аппарат принуждения.

Россия на протяжении своей тысячелетней истории была страной правового нигилизма. Достаточно вспомнить российские пословицы и поговорки о праве. Сегодня все сошлось в одной точке: и традиционный российский правовой нигилизм, и снижение про-

фессионального уровня судей, и высокий уровень коррупции в государственном аппарате. Так что понятно, почему государство буксует, и многие его действия особого энтузиазма у граждан не вызывают. Они видят, как скверно работает правоохранительная

Беззаконие и беспредел со стороны правоохранительных органов приобрели системный характер

система, что она вместо охраны общественного порядка и закона работает против них, что система стала карательной. Но только не в отношении настоящих преступников, а в отношении обычных граждан. Главной же ее целью стало сохранение статус-кво значительного числа (одной десятой части населения) государственных чиновников, озабоченных отнюдь не качеством работы, а извлечением прибыли из своего положения.

Иначе говоря, мы их наняли, мы им платим, чтобы они освободили нас от части функций, необходимых для жизнедеятельности общества, а они и этих функций нормально не выполняют, и еще нас же обкрадывают. Постепенно граждане начали осознавать это, потому что беззаконие и беспредел со стороны правоохранительных органов приобрели системный характер. Многократно увеличился уровень критики правоохранительной системы, возросло недоверие граждан к государству. Видя, что никто не собирается их защищать, граждане постепенно сами начали защищаться. То есть начал происходить переход правоохранительной функции от государства к обществу. И вполне закономерен при таком рас-

кладе вопрос: «А зачем нам такое государство?»

Из этого же разряда и феномен так называемых дальневосточных партизан. Одни их называют бандитами, другие считают этих совсем небезупречных с точки зрения закона парней героями. Хотя я думаю, что и те и другие неправы. В любом случае, самосуд вершить нельзя. Но стоит ли удивляться произошедшим, если в условиях небольшого поселка облеченные властью и имеющие оружие сотрудники милиции ведут себя как абсолютно обнаглевшие отморозки, творящие произвол вплоть до издевательств над населением и даже пыток.

Практически каждый из нас за последние двадцать лет хоть один раз да столкнулся с нераскрытым или умышленно не расследованным преступлением. Отсюда увеличивающееся количество обращений российских граждан в Европейский суд по правам человека. Если в России правосудие не работает, то надо же хоть где-то искать справедливости. Кратно выросло число адвокатов, работающих в области защиты прав человека. Произошел раскол юридического сообщества на тех, кому важен и дорог закон, и на тех, кто манипулирует законом для удовлетворения личных потребностей.

При этом многие решения судов выносятся на основе извращенного толкования законов, когда судебный прецедент используется как источник права. При принятии решения судьи руководствуются не столько законом, сколько образцами судебных решений, сумевших закон обойти. То есть мы можем констатировать наличие двух параллельных антагонистических правовых систем в рамках одного государства.

Как только государство начало осознавать опасность ситуации, оно стало с

ней бороться, но встретило сопротивление системы. Квалификационные коллегии судей ревностно оберегают сообщество от ответственности. В свое время такая процедура вводилась в России как гарантия от государственного вмешательства в деятельность судов. Теперь же эти правила обратились в свою противоположность — они стоят на страже неправосудных правовых обычаев. Такое ощущение, что судебная система живет сама по себе и сама себя судит. Вот один особо показательный случай — в квалификационную коллегию судей принесли видеозапись, на которой судья, проигравший в казино 100 тысяч долларов, заявляет, что снова придет завтра и отыграется. На следующий день он был отправлен в отпуск по уходу за ребенком, а через два года спокойно вернулся на свое судейское место.

Это означает, что система не работает в принципе. На сегодняшний день каждый восьмой мужчина в России либо сидит в тюрьме, либо уже отсидел. При этом суды практически не выносят оправдательных приговоров — их всего 0,8%. В нормальном суде так не бывает. Такого нет ни в одной стране мира.

И в первую очередь это, конечно, отражается на бизнесе. Потому что именно из бизнесменов с помощью неправосудных решений проще всего вытягивать деньги. Именно в отношении членов предпринимательского сообщества очень удобно возбуждать заказные уголовные дела, коррупционные способы разрешения которых составляют сегодня основу благосостояния сотрудников правоохранительных органов. Количество таких дел перешло критическую черту и стало реальной опасностью для экономической системы страны.

В этих условиях президент вынужден был выступить с законодательной ини-

циативой о частичной декриминализации экономических преступлений. В соответствии с внесенными поправками в отношении 29 уголовных составов правонарушений было запрещено применять такую меру пресечения, как содержание под стражей до приговора суда. В принципе при нормальном правосудии эти поправки можно было бы и не вносить. Потому что закон предусматривает самые разные варианты мер пресечения, которые могут применяться по усмотрению суда. Но на практике суды практически никакими из них, кроме ареста, не пользовались. Действительно, ведь как удобно расправляться с конкурентом или осуществлять рейдерский захват собственности, когда ее собственник находится под стражей и не может полноценно защищаться.

Соответствующие поправки в УК и в УПК были приняты в начале апреля 2010 года. Однако с самого начала, еще

на этапе обсуждения этих поправок в парламенте возникли трудности. В обеих палатах парламента значительное по численности лобби правоохранительных органов делало все возможное, чтобы воспрепятствовать их принятию. Когда поправки все же были приняты, прокуратура и суды немедленно начали изобретать разные способы, чтобы не исполнять вступивший в силу закон.

Таких способов несколько. Назову два из них. Первый — прямой саботаж. Например, если человек уже находится под стражей, то срок содержания можно периодически продлевать. По новому закону такое продление невозможно. Всех содержащихся под стражей обвиняемых по 29 экономическим составам должны были выпустить на свободу и избрать иные меры пресечения. Но суды, не моргнув глазом, продолжают продлевать ту же меру с формулировкой: «Обстоятельства не изменились».

Как это не изменились? Изменился закон! Если в отношении материальных норм права мы еще можем рассуждать, имеют или не имеют они обратную силу, то по отношению к процессуальному закону правило одно — действует в том виде, в котором существует на момент его применения.

Следующий способ — это искусственный перевод экономических преступлений в разряд общеуголовных. Понятно, что мошенничество, например, может быть разным. Мошенники, которые подходят к очереди в кассы на вокзале и предлагают билет без очереди, а потом с деньгами исчезают, совершают общеуголовное преступление. Но при этом именно мошенничество является «любимой» статьей для заказных дел. Этой статьей удобнее всего манипулировать. Большинство предпринимателей осуждены именно по этой статье. И так, суды продлевают меры пресечения по указанным составам, обосновывая свои действия тем, что это, мол, не экономическое, а общеуголовное дело, хоть и экономическая статья. Закон однозначно запрещает держать до суда под стражей обвиняемых в мошенничестве. Но количество дел, возбужденных по этой статье, таково, что проще, не разбираясь, никого не выпускать. Понимая, что правоохранительная система не поможет, люди сами начали фиксировать такие случаи. Сейчас есть несколько центров, куда мы просим присылать подобные дела.

Принятие поправок о декриминализации экономических преступлений совпало по времени с очередным продлением меры пресечения Михаилу Ходорковскому и Платону Лебедеву. И, конечно же, они столкнулись с той же проблемой, которую я назвала, по сценарию «саботаж». Но в отличие от многих других, терпящих бедствие на

нашем правовом корабле, Ходорковский, понимая, что в его ситуации все равно ничего не изменится от изменения меры пресечения, потому что он отбывает срок по первому уголовному делу, решил заступиться за всех остальных. Он объявил голодовку, которая привлекла всеобщее внимание. Он обратился к председателю Верховного суда с требованием разобраться, почему суды, вопреки вступившим в законную силу поправкам в УПК, продолжают их игнорировать. Председатель Верховного суда был вынужден ответить, тем более что эта история дошла до президента. В итоге Верховный суд дал официальное разъяснение понятия предпринимательской деятельности в России.

Мы в Общественной палате договорились, что будем внимательно наблюдать за развитием ситуации. Пока что она такова, что по не заказным делам суды с огромным удовольствием начали отпускать из-под стражи людей и проводить переквалификацию приговоров. Но там, где был хотя бы намек на административно-ресурсный или коррупционный интерес, ничего не изменилось. Саботаж продолжается.

Теперь о том, что делать. Я абсолютно уверена, что единственный способ — это кардинально менять судейский корпус. Когда президент разводит руками и говорит о том, что у нас нет такого количества новых судей, — это неправда. Есть много по-настоящему квалифицированных юристов, есть десятки судей, которые были лишены своих полномочий за справедливое судейство и нежелание нарушать закон. Многие специалисты ушли сами, не желая потакать беззаконию. И они готовы вернуться на свои рабочие места. Есть такое замечательное выражение: «Эту прическу можно исправить, только отрубив голову».

Дискуссия

Джамал Рахаев, Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований:

— Спасибо за исключительно интересное выступление. Некоторое время назад мне удалось прочитать переписку Людмилы Улицкой и Михаила Ходорковского. Для Ходорковского эта ситуация превратилась фактически в миссию. У меня такой вопрос: что вы лично для себя вынесли из этого дела как гражданин?

Елена Лукьянова:

— Первое и главное, что я вынесла из этого дела, — убеждение в том, что такие люди, как Михаил Ходорковский и Платон Лебедев, не должны сидеть в тюрьме. Именно таких сегодня очень не хватает в экономике и в управлении. Они ведь одни из самых ярких представителей российского бизнеса. Несмотря на все разговоры о том, что у них «руки по локоть в крови», все в России прекрасно понимают, что в отношении компании «ЮКОС» имел место рейдерский захват и перераспределение активов. Можно долго гадать, почему это произошло, кто кому не угодил. Я думаю, что все гораздо проще и циничней — хорошо работающий бизнес является лакомым куском. Обратите внимание, аналогичная ситуация произошла с компанией «Евросеть», которую уж точно нельзя упрекнуть ни в каких приватизационных тендерах. Чичваркин и Артемьев — это ребята, сами построившие блестящий бизнес. Повторяю, такие люди не должны сидеть в тюрьме. Они стране нужны.

Сергей Терехин, член координационного совета «Федерации автовладельцев России»:

— В начале 90-х годов, когда у нас образовалось то государство, в котором мы живем, нас часто пугали тем, что у нас время рэкетиров, которые рано или поздно придут к власти. Сегодня эти рэкетеры во власти. Сегодня говорят, что потерянное поколение, которое мы воспитывали в начале двухтысячных годов, скоро придет во власть. Какую оценку вы можете дать тому поколению, которое будет нами руководить спустя какое-то время.

Елена Лукьянова:

— Спасибо за вопрос. Я вообще не верю в термин «потерянное поколение». Меня тоже можно было бы отнести к потерянному поколению. Считалось, что мы — это послевоенные дети, дети оттепели. Не

бывает потерянных поколений. Я 27 лет преподаю в Московском университете. Все эти годы, в том числе и в переломные девяностые, я наблюдаю за сменой поколений. Я абсолютно уверена в том, что все они — совершенно нормальная молодежь, которая была, есть и будет всегда. Никакой потерянности. Просто каждый живет в свое время. Сегодняшний студент не похож на студента 1990-х годов. Студент 90-х был счастлив прогулять лекцию. А студент сегодняшний бежит за тобой и говорит: «У нас из-за праздников пропало несколько занятий. Когда вы сможете это восполнить?». У них конкуренция. Нет, не верю я в потерянные поколения.

Что касается рэкетиров и бандитов. Здесь вопрос не в этом, а в профессионализме власти. Во власти очень сильно снизился профессиональный уровень. Серости много. Если мы не повысим общий уровень, ничего хорошего не будет. Все страны об этом задумываются. А мы, помимо того, что допускаем к управлению непрофессиональных людей, еще и образование рушим.

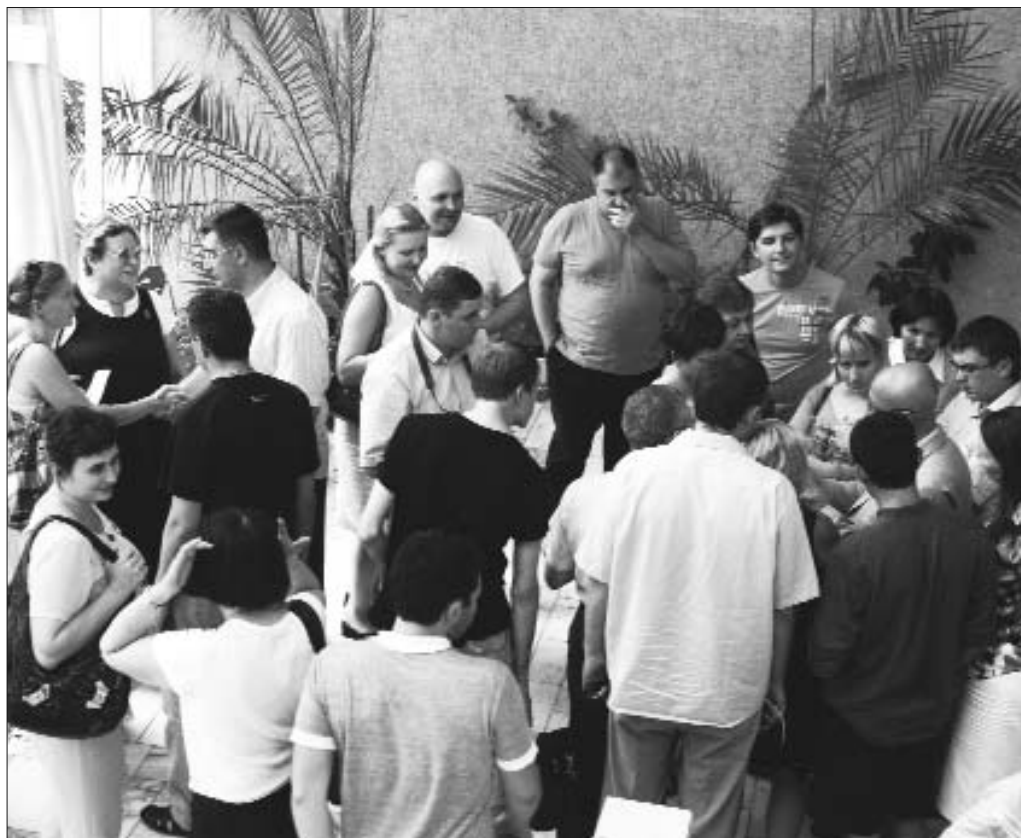
Дмитрий Тюрюханов, депутат Законодательного собрания Забайкальского края (Читинская область):

— Как вы считаете, не будут ли прямые выборы судей и начальников милиции, как в США, решением большинства описанных вами проблем в правоохранительной системе России?

Елена Лукьянова:

— У нас же были раньше прямые выборы судей. Но избиратели не имели возможности в должной мере оценить профессионализм кандидатов. Для этого им просто не хватало информации. Так что прямые выборы — это вовсе не оптимальный вариант. Ходорковский много размышлял на эту тему. Я всем рекомендую прочитать его работу «Россия в ожидании суда». Это дискуссия, которая с его подачи началась в журнале «Коммерсант-Власть» и продолжалась все лето. Но вопрос действительно важный. Нужно хорошо подумать о том, как нам формировать судейский корпус. Первое и главное, что надо при этом учитывать, — это гарантии независимости судьи, которые гораздо важнее любых выборов. Как минимум, судья не должен в течение жизни подниматься по карьерной судейской лестнице — от мирового судьи до члена Верховного суда. Условия такого подъема категорически противоречат его профессиональной независимости.

Обязательно надо ограничивать полномочия председателей судов и порядок их назначения. Вы, наверное, слышали о знаменитом волгоградском деле судьи Елены Гусевой. Там председатель районного суда письменно приказал всем судьям перед вынесением решений и приговоров согласовывать их с ним. Многие согласились, а Гусева отказалась. Она сказала: «Я федеральный судья, а не продавщица». Тогда председатель суда написал представление о лишении ее полномочий, а судебная коллегия Волгограда лишила ее этих полномочий. Гусева обжаловала

это решение и дошла до Верховного суда. Выступая в Верховном суде, представитель квалификационной коллегии судей Волгограда говорила, что Гусева противопоставила себя сообществу, забыла о том, что она часть системы. И только позже кассационная коллегия Верховного суда восстановила полномочия Гусевой. К счастью, в каждом регионе в России еще остались такие судьи.

Так что надо обязательно менять значительную часть судейского корпуса. Потому что то, что сегодня называет себя правосудием, на самом деле таковым не является. Это всего лишь некая замкнутая в самой себе корпорация, для которой главным является сохранение своей целостности и нерушимости.

Илона Довгань, журналист, телеведущая канала «1+1» (Украина):

— Как вы считаете, достаточно ли громкое слово в деле с Ходорковским и Лебедевым сказало международное сообщество. Может ли оно как-то повлиять на ситуацию, играет ли оно важную роль?

Елена Лукьянова:

— Я не считаю, что международное сообщество сказало веское слово. Единственное, что может помочь, это тот процесс, который начат после смерти Сергея Магнитского. Если в перечне лиц, кото-

рым сейчас запрещен въезд в ряд стран, появятся прокуроры по делу Ходорковского, тогда это может повлиять. Второе, что может помочь делу Ходорковского, это информирование об этом деле населения внутри России. Дело Ходорковского в течение ряда лет очень слабо освещалось российской прессой. Информация по делу была, видимо, внесена в стоп-лист отдельных СМИ, а у других редакторов на полную катушку работала самоцензура. Сейчас эта информационная блокада пробита, но тем не менее о втором суде над Ходорковским в России знает не больше 15% населения. И я думаю, что еще сильно зависила цифру. А остальные даже не подозревают о том, что его судят второй раз.

Илона Довгань:

— Почему, по вашему мнению, международное сообщество не реагирует на это дело должным образом?

Елена Лукьянова:

— А вам, например, что ближе? То, что происходит внутри страны или за рубежом? Реагирует так, как может. Задаются вопросы нашему премьеру, которого это очень сильно раздражает. Дело это, несомненно, опасное для власти как внутри России, так и за рубежом, и очень вредит имиджу России, так как противоречит международному понятию о правосудии.

Расул Кадиев, адвокат, ведущий программ на радио «Эхо Москвы — Махачкала»:

— Вы правильно поставили акцент на том, что дело ЮКОСа вредит репутации России. Когда в Европейский суд по правам человека был подан иск от акционеров ЮКОСа почти на 100 миллиардов долларов, у меня появилось ощущение, что, может быть, это даже подтолкнет Россию к выходу из Совета Европы. Не знаю, как это можно оформить юридически, но мы ведь умудрились не повысить демократические требования, когда туда вступали.

Елена Лукьянова:

— Я слышала предположения о выходе из Евросовета именно в связи с рассмотрением этого дела в ЕСПЧ. Я только хочу обратить ваше внимание на то, что дело ЮКОСа — это не дело Ходорковского. Это дело зарубежных акционеров компании. Не выйдет Россия из Совета Европы. Потому что ее руководители хотят чувствовать себя европейцами. Они хотят, чтобы тот континент, на котором расположена Россия, назывался Евразия, а не Азиопа.

Евгений Ефремов, инженер ООО «ЧОП-Русич» (Калужская область):

— Недавно было сообщение о том, что президент Медведев подписал пять законов о милиции. Какие, по вашему мнению, будут изменения?

Елена Лукьянова:

— Ну, что-то же делать надо! Общество настолько возмущено состоянием дел в МВД, что надо его реформировать. Хотя эти законы и поправки еще несовершенно. Это будет долгий процесс. Мы 20 лет говорим о том, что мы что-то реформируем. На самом деле ничего не происходит, мы двигаемся эклектически в непонятном направлении, поэтому ничего не получается. Потому что, когда говорят о реформе, нужно точно понимать, чего ты хочешь достичь, нужно видеть свет в конце туннеля. Само МВД точно не знает, как себя реформировать.

Сериккали Аубекеров, преподаватель Академии труда и социальных отношений Евразийской академии (г.Уральск, Казахстан):

— В 1993 году была принята Конституция РФ, это была конституция компромиссов. Считаете ли вы, что конституция уже выработала свой ресурс, или она еще имеет какой-то потенциал? Вы работали над юридическим сопровождением кинофестиваля в Смоленске, да? Почему-то не слышим вашей фамилии, и какая судьба у фестиваля?

Елена Лукьянова:

— Что касается конституции 1993 года. У нее ресурса не было никогда. Это изначально ущербный, очень плохого качества закон. Юридическое сообщество говорило об этом еще в ноябре 1993 года, как только текст был опубликован. Это конституция, по которой невозможно жить. Часть ее — абсолютно либеральная, но в ней не прописаны механизмы реализации. Вторая часть — абсолютно авторитарная. И разделение властей таково, что никакая это не республика. Форма правления в России со строго научной точки зрения — выборная дуалистическая монархия с институтом престолопреемства. Поэтому у нас есть два пути: либо дотягивать первую часть, то есть создавать механизмы для либеральной части, одновременно перераспределяя полномочия под республиканское правление. Либо отменять первую часть и приводить конституцию в соответствие с той действительностью, которую мы имеем.

По кинофестивалю. Он жив, просто переехал из Смоленска. Речь идет о том, что мы возродили Ташкентский кинофестиваль, который раньше назывался фестивалем союзных республик. Этот кинофестиваль немножко покатался по стране и сейчас переезжает в Ригу.

Людмила Савочкина, заместитель председателя комитета по социальной политике областной думы Саратовской области:

— Вы говорили в своем выступлении о том, что нужно менять судебский корпус. Считаете ли вы, что нужно менять и систему назначения судей, хотя бы мировых? Потому что, с моей точки зрения, при назначении мировых судей нарушается закон. Там написано, что они должны выбираться на конкурсной основе, но, как правило, мировых

судей представляет губернатор (например, в Саратовской области), а областная дума их утверждает. И в записке, которую предоставляет судебная структура, написано, что других кандидатур просто не поступало. Когда мы начинаем спрашивать о конкурсе, нам говорят, что условия конкурса были соблюдены. Получается, что конкурса как такового нет, а это нарушение закона. Говорят, что так и федеральных судей выбирают.

Елена Лукьянова:

— Вы же сами на свой вопрос ответили. Ведь в законе все правильно написано, значит, надо его исполнять. Вопрос в административном ресурсе, в том, что это коррупционным способом делается. Нужно добиваться своего.

Станимир Кайтазки, адвокат Софийской адвокатской коллегии (Болгария):

— Вы сказали, что система работает на себя, и решение в том, чтобы уволить всех судей. Возможно ли это, если не поменять саму систему? Какое время понадобится, чтобы новые судьи вновь организовали свои сети и стали коррумпированными. То есть проблема в системе или в судьях?

Елена Лукьянова:

— И там, и там есть проблемы. Моисей водил евреев по пустыне до тех пор, пока не умер последний раб. Здесь возможно все только в комплексе. Я заметила, что молодежи все меньше и меньше нравится коррупция. А это уже дает надежду на успех. Хотя, конечно, в такой тяжелой коррупционной ситуации и новый судейский корпус не поможет. Может быть, стоит подумать хотя бы о полной переаттестации действующих судей и о призыве значительного числа новых. Но без смены большинства ничего не получится.

Анна Дерина, сотрудник международного отдела Самарского государственного университета:

— Существует мнение, что в нашей ситуации, возможно, было бы полезно перенять чужой, например европейский, опыт. Как вы думаете, нужно ли это делать и хотя бы частично внести какие-то изменения? Приживутся они на нашей почве или нет?

Елена Лукьянова:

— Во-первых, мы этим занимаемся уже несколько веков. И за эти несколько веков у нас накопились некоторые выводы о том, как этот опыт применять. Чужой опыт должен применяться, но не в абсолютном своем виде. Потому что любой иностранный камзол у нас быстро приобретает черты традиционного русского кафтана. Если эту специфику учитывать, то он отлично приживется. Если же просто брать за основу иностранную норму, не адаптируя ее к российским особенно-

стям, то ничего не получится. Нам же не приходит в голову высаживать тропические растения в нашем климате.

Анна Скудаева, корреспондент газеты «Костромские ведомости»:

— В своей статье в журнале «Коммерсант-Власть», о которой вы упоминали, Ходорковский, в частности, говорит о реформе конституционного суда в связи с отменой в свое время выборов председателя суда. Ваше отношение к этому вопросу? И еще, если можно, ваш профессиональный комментарий к недавно принятому закону о расширении полномочий ФСБ.

Елена Лукьянова:

— По первому вопросу. Для меня этот вопрос особый, я являюсь одним из самых жестких критиков Конституционного суда в научном сообществе. Я абсолютно уверена, что нельзя назначать председателя Конституционного суда сверху. Я также абсолютно уверена, что способ формирования Конституционного суда, каким он был до 1993 года, правильный. Именно эти судьи, избранные Съездом народных депутатов СССР по предложению депутатских групп, показали нам очень высокий профессиональный уровень. Сейчас их остались единицы. Вы знаете Тамару Георгиевну Морщакову, Виктора Осиповича

Лучина, Николая Васильевича Витрука — все это судьбы первой волны. Конституционный суд сегодня — это наша боль. Студенты говорят о нем так: «Российский конституционный суд самый неконституционный суд в мире».

По ФСБ. Вы знаете, в этом законе есть одновременно и недостатки, и достоинства. Я против этого закона, потому что генетическая память нашего народа нехороша в этом отношении. И этот закон опасен. Хотя подобные законы есть в других странах. Этот закон с юридической точки грешит тем, что в нем не определено, для каких целей расширяются полномочия ФСБ. Если бы шла речь только о борьбе с коррупцией или с терроризмом, то это пошло бы на пользу. Может быть, нескольких зарвавшихся чиновников и правоохранителей удалось бы взять за шкирку. Но пока это не отнесено к конкретным составам правонарушения, это очень опасно.

Егор Кожаев, депутат Магнитогорского городского собрания:

— Сейчас в обществе очень активно обсуждается проблема отмены моратория на смертную казнь. Есть голоса, требующие немедленной отмены, другие против этого. Хотелось бы услышать вашу позицию.

Елена Лукьянова:

— Тут мне придется раздвоиться. Обычный человек считает, что если убили ребенка, то казнь — это справедливое и единственно возможное возмездие. Я же как ученый юрист считаю, что смертная казнь — это насилие со стороны государства, распоряжение жизнью человека со стороны тех, кому эта жизнь не принадлежит. Это недопустимо. Хотя наши тюрьмы страшнее, чем смертная казнь. И президент, и другие органы просто завалены письмами от людей, которым смертная казнь заменена на пожизненное заключение, с просьбами привести в исполнение смертный приговор. Я думаю, что в XXI веке пора уходить от этой средневековой меры. Но такие вопросы никогда, ни в каких странах не решались и не могут решаться референдумом, особенно в России, где категория справедливости — одна из важнейших. Пусть пока будет мораторий, а там посмотрим.

Батыр Джанкёзов, преподаватель Северо-Кавказского юридического института Саратовской государственной академии права (г. Черкесск):

— Как вы относитесь к принципу судебного прецедента как источника права? Способно ли заимствование элементов практики судебного прецедента компенсировать в нашей реальности недостатки конституции?

Елена Лукьянова:

— Я нормально отношусь к этому способу, как развитию теории и практики права. Как и к конвергенции в широком смысле, которую, к

сожалению, в свое время не воспринял Советский Союз, но воспринял Китай и показал блестящие результаты. Как восприняла Швеция, которая сумела совместить преимущества социалистической системы с буржуазной экономикой. Так и Европейский суд ввел конвергенцию в систему источников права, соединив в ней нормативный акт и судебный прецедент.

Наталья Ковалева, редактор издательства Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург):

— Нет ли опасности, что в ходе реформирования правоохранительной системы наше государство не справится с притоком безработных, которые появятся после смены корпуса судей?

Елена Лукьянова:

— Проблемы, конечно, будут. Но это не значит, что из-за них надо реформу останавливать. Надо предусмотреть переходный период. Я думаю, что эта проблема решается. Но в таком виде государство погибнет. Тут — или—или.

Магомед Магомедомаров, предприниматель, ведущий авторских программ на радио «Эхо Москвы — Махачкала» (Республика Дагестан):

— Я не буду говорить о других регионах, я о своем. У нас милиция достаточно серьезная корпорация и во время службы, и после службы. Это люди, которые держатся друг за друга. Раньше они контролировали ворованную из трубы нефть и обналичивание средств через Москву. Сейчас они немножко отжаты от нефти, но они всегда чего-нибудь придумают. Есть другая история. Можно по-разному относиться к мэру Махачкалы, но есть практика, когда мы очень тесно работаем с администрацией города. И знаете, чего боимся? Какой-нибудь жалобы. Даже если реклама какая-то не так повешена, бабушке какой-то что-то не понравилось, любая жалоба в любом виде очень быстро доходит до адресата. И только чтобы чего-нибудь не сказали, мы стараемся работать очень аккуратно. Я это к чему говорю? К тому, что вы тоже, наверное, не верите, что что-то поменяется сверху. Наверное, не надо ждать, что поменяется судебный корпус. Наверное, надо самим что-то предпринимать?

Елена Лукьянова:

— Если ничего не поменяется сверху, то перемены все равно произойдут. Только по-другому. И это «по-другому» может оказаться гораздо более жестким способом решения проблем. Этому нас и мировая, и собственная история учат.

Алексей Рыков, ответственный секретарь газеты «Абзац», Смольный институт свободных искусств (г. Санкт-Петербург):

— Как вы думаете, что, в итоге, напишет судья Данилкин в приговоре по делу Ходорковского и Лебедева?

Елена Лукьянова:

— Давайте подождем. У него тяжелейшая миссия. Я на него смотрю, и мне кажется, что он сможет сформулировать только обвинительное решение. Ему больше ничего не остается...

Юлия Лебедева, ведущий специалист в правительстве Воронежской области:

— Я писала диссертацию о традициях в политической культуре современной России. К сожалению, не нашла ни одной, которая благоприятно повлияла бы в будущем на развитие РФ. Могли бы вы назвать какие-то традиции, которые нужно сохранять.

Елена Лукьянова:

— В силу разных причин некоторые традиции сохраняются, пусть даже в трансформированном виде. Правовой нигилизм — это тоже традиция, которую надо учитывать при создании любого закона. Мы должны понимать, что если правовая норма включает длинный перечень чего-либо, в жизни тут же появится антиперечень. Именно поэтому надо создавать короткие и емкие определения. Или, например, такая традиция, как коллективизм... Вряд ли сугубо индивидуалистский закон, без признаков коллективизма, будет успешно работать в нашей стране, потому что страна такая — с демократией снизу и жестким авторитаризмом сверху. Это все то, что нам наша тысячелетняя история диктует. Плюс еще соборность, плюс поиски национальной идеи. И все это на законодательстве отражается.

Павел Сиротин, юрист, помощник депутата Законодательного собрания Воронежской области:

— Мне кажется, что у нас и конституция нормальная, и законы худо-бедно терпимые. Проблема наша в правоприменении.

Елена Лукьянова:

— Можно я вас обрадую? Мы ждем указа президента о мониторинге правоприменения в РФ. Планируется, что президент будет делать ежегодный публичный доклад именно о состоянии правоприменения. Сведения будут собираться по всей стране. Отдельно этим будет заниматься Общественная палата. Постепенно мы начнем наводить тут порядок. Вы правы, здесь у нас беда в большей степени, чем в законодательстве.

Свобода слов

Из выступлений на семинаре
(Голицыно, июль 2010 года)

- # Государство как разлеглось на дороге, так и лежит, никуда не движется.
- # Я сдуру решил, что выборы должны быть честными.
- # Россия — развитая страна, но она неправильно развитая.
- # Позвольте вам выразить уважение без комментариев.
- # Хорошо в Сколково будет только в том случае, если вокруг Сколково будет все плохо.
- # В разведке все имеют право на голос.
- # В лице данного президента отсутствует вектор.
- # Я хочу вас страшно поблагодарить.
- # У нас свобода слова есть, только места надо знать.
- # Партия бабла против партии зла. Но в партии зла много сторонников бабла.
- # В Америке придет скорее к власти президент — гей, чем президент — атеист.
- # Я надеюсь, что переводчик понял, а то я не очень.
- # Спасибо, Эмануэль. У вас очень красивое, романтическое имя.
- # У него была безумная популистская популярность.
- # Я очень прошу: эксперту во время выступления не подсказывать!
- # Никто в лесу уже не сидит, все сидят в городах.
- # Израиль подставился. Там тоже есть дураки.
- # То, что вы говорили, это все про меня, и у меня мурашки по телу.
- # Роль жизни советского человека — это алиби.
- # Владивосток — это город сбывшихся китайцев.
- # В бизнесе мозги сами разберутся.
- # Вы слышали о городе-папе, и мы хотели бы напомнить, где ваша мать.
- # Вам надо рубить капусту на туристах.
- # От Ирландии до Монголии все пьют.
- # Коллега из Калуги еще до сессии поднял руку.
- # Вы представляете всю Западную Европу, поэтому примите от меня глубокие соболезнования.
- # Я вам благодарен за то, что вы абсолютно фантастически противоречите себе.
- # Им сказали: «Воруйте, но восстанавливайте страну». Они воруют, но страну не восстанавливают.
- # Он никогда не дает взятку, поэтому всегда находится в милиции.
- # Чтобы в России все было, а нам — политической элите — ничего не было.

Записала Людмила Савочкина

19–22 ноября 2010 г. Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр) провел опрос по репрезентативной выборке 1593 россиян в возрасте 18 лет и старше в 127 населенных пунктах 44 регионов страны. При ответе на вопрос: «Что сейчас, на ваш взгляд, прежде всего необходимо для укрепления законности и порядка в стране» — россияне хотят, чтобы наказания за нарушение законов стали более жесткими (так считают 37% опрошенных; в 2000 г. было 38%) и неотвратимыми для всех — 42% (в 2000 г. — 34%). При этом 40% населения считает, что необходимо бороться с коррупцией, взяточничеством и произволом в госорганах (в 2000 г. — 31%).

*Елена Панфилова,
директор Центра
антикоррупционных
исследований и инициатив
«Трансперенси Интернешнл —
Россия»*

Коррупция: масштабы катастрофы

Как только мы начинаем говорить о коррупции, выясняется, что у каждого по этому поводу есть собственное мнение. Переубедить или каким-то образом изменить эти мнения, особенно если они основаны на личном опыте, например таком, как общение с сотрудниками ГИБДД, довольно сложно. Поэтому остановлюсь вначале на подмене понятий и логических ошибках, которые мы совершаем в разговорах на эту тему.

Главная ошибка — терминологическая. Существует стойкое убеждение, что коррупция равнозначна взяточничеству, и, соответственно, борьба с коррупцией ошибочно сводится к борьбе с взяточничеством. Такое понимание сложилось в силу того, что до декабря 2008 года в России не было законодательного определения коррупции. Говорили о подкупах, об административном ресурсе, о приватизации, о той же ГИБДД, об олигархах. Но единого знаменателя в этих разговорах не было. До сих пор никто не представляет, как правильно толковать коррупцию и какой посыл должен быть у антикоррупционной рекламы. Призывать «не берите взятки» — смешно, «не давайте взятки» — еще смешнее.

Несколько лет назад я выступала во ВНИИ МВД России, где рассказывала о коррупции, и среди прочего упомянула такую популярную у нас форму этого явления, как «откат». После выступления ко мне подошел некий государственный деятель, который сейчас является депутатом, и поправил, что «откат» — это не коррупция, а «экономический инструмент». С ним

трудно спорить, действительно, откат стал у нас коррупционным экономическим инструментом. И приведу еще один термин, который не переводится ни на один язык мира, — «норма отката». Наверное, этот феномен можно определить как договоренную процентную ставку от суммы сделки, которую отдают чиновнику, чтобы получить контракт. В результате действия этой нормы товары народного потребления поставляются либо худшего качества, либо становятся дороже на 10–15%, строительство — на 40%, дороги — на 50% и т.д.

Согласно исследованию 2005 года «Диагностика российской коррупции», проведенному фондом ИНДЕМ, коррупционный рынок в России составляет порядка 300 миллиардов долларов в год. Отдать такую сумму в конвертах невозможно. Соответственно, речь идет об огромных деньгах, которые не являются взятками в традиционном понимании. Это те самые откаты, платежи, заложенные в стоимость конечных продуктов или услуг, которые мы не видим и не можем потрогать. Поэтому когда опросы населения выявляют, что лишь 15% россиян сталкиваются с реальной коррупцией — это великое лукавство. Коррупция вокруг нас и абсолютно везде. Это образ жизни. Она проникла практически во все сферы общественных отношений. И что самое неприятное, далеко не все хотят от нее избавиться.

Она в муниципальном жилье, квадратный метр которого стоил в 2000 году 300 долларов, а сейчас, во время кризиса, — 1500. Она в литре молока, которое выходит с фермы за 8 рублей, а доставляется в магазин по 40. Экономического объяснения этому феномену не существует, только житейское. Бизнес — не благотворительность. И за все откаты и проверки, от которых плачут предприни-

матели, в конечном итоге платит потребитель. Либо продукцию делают поуже, чтобы компенсировать затраты, либо коррупционную ренту ставят непосредственно в ценник. А государство получает коррупционный же налог от продаж.

Открытие нашего Центра 10 лет назад совпало с приходом молодого президента с правоохранительным прошлым. Когда он заговорил о прозрачности и подотчетности и о том, что коррупция в стране грозит перерождением демократических устоев общества в их противоположность, мы подумали, что Центр появился вовремя, и наконец удастся переломить ситуацию. Но дальше слов дело не двинулось. Борьба с коррупцией была, но она была вербально-риторической. О ней говорили, ее признавали, а реализовывали в какие-то действия только в год перед выборами. Вспомним, когда возник термин «оборотни в погонах», — летом 2004 года. Следовательно, каждое четвертое лето некоторым следует быть слегка осторожнее.

Представим, что кому-нибудь из нас просто так, с неба, падают 10 из упомянутых 300 миллиардов долларов. Мы бы боролись за них? И коррупционеры борются. Потому что коррупция — самый высокодоходный сегодня бизнес в России. Он доходнее энергетики — нефть и газ еще надо добыть и продать. Высокая же коррупция — это сладостно-упоительный и не требующий усилий процесс, когда просто факт существования человека на определенном посту приносит доход. Этот счастливчик сидит в ресторане «Пушкин» и говорит: «Хорошо, я позвоню». И за три слова ему переводят энную сумму на указанный счет. Поэтому такие люди и «борются» с коррупцией. Реальной же борьбы с ней, по моему мнению, вообще никто не хочет. Большинство

населения РФ предпочло бы, чтобы возможность заплатить гаишнику, устроить ребенка в детский сад или быстро и в обход очереди получить паспорт осталась, но те, кто наворовал при этом, висели на Лобном месте.

Мы все приняли своеобразную конвенцию по отношениям с властью хороших парней, согласно которой предпочитаем откупаться от малоприятного общения с плохими парнями. И тогда по поддельной справке в детский сад устраивается работать человек, больной гепатитом. Он так же, как хорошие и здоровые люди, обошел закон и купил нужный документ. Казалось бы, какое нам дело до кем-то покупаемых пожарных проверок, когда других проблем полно? Попробуйте спросить семьи пострадавших в «Хромой лошади»: «Что с того что сотрудники милиции берут небольшие взятки, им ведь тоже детей кормить надо»? А каково людям, чьи дети погибли на двух самолетах в сентябре 2004 года, куда террористки-смертницы прошли без проверки, заплатив 5 тысяч рублей. Речь идет уже не о виртуальных, а реальных жертвах коррупции. Мы их не видим, мы их не знаем, но они есть.

Зазор между «я» и «они», коррупцией и коррупционерами, отношением к коррупции прикладной и теоретической создает бескрайнее поле для антикоррупционного саботажа. На его благодатной почве зреют всевозможные оправдания родной коррупции, дескать, она нам имманентна в силу культурной парадигмы, и вообще во всем виноват Иван Грозный, а с нас взятки гладки.

Если поверить в некую генетическую предрасположенность к коррупции, то надо признать, что Бог большой затейник, коль так особенно щедро наделил геном коррупции Россию.

Отечественная коррупция действительно коренится глубоко, но вовсе не в генетике, а в природе взаимоотношений власти и общества в нашей стране. Так сложилась история государства российского, что власть всегда была в первую очередь озабочена у нас сохранением самой себя. То татары набегают, то брат двоюродный поджигает. И лучшая защита в таком положении — окружить себя коррумпированной бюрократией, которая играет роль своеобразной страховки от возможных социальных потрясений. Поскольку коррумпированный бюрократ никогда не переродится в средний класс, способный на революцию. Самозащита власти разными способами и выращивание коррумпированного сословия стали нормой существования в России.

Тем, кто утверждает, что в СССР не было коррупции, я предлагаю вспомнить «Березку» и «спецмагазины» в подвалах. Или как распределялись путевки на отдых, талоны на вещи и пр. Коррупция прекрасно мимикрирует и перерождается, превращаясь в абсолютно дикое поле, как в 1990-е годы. Тогда все хватало, что есть. Просто хватать было особо нечего, и коррупция оставалась относительно умеренной в силу объективных причин. Но с ростом цен на нефть, с 7 долларов за баррель в 1990-е до 200 в нулевые, коррупция становилась более структурированной и приобрела масштабы национальной катастрофы.

В феврале 2008 года, как раз после первых антикоррупционных заявлений Медведева, меня пригласили в московское правительство прочитать цикл лекций о конфликте интересов. Стало очевидно, что чиновники в принципе вроде бы понимают, что такое «конфликт интересов», но нет концептуального понимания того, что они должны избегать ситуаций, когда их финансо-

Энрике Жезик. Упражнение (50 патронов 12-го калибра). 2006

во-экономические интересы могут реализовываться в результате их должностных полномочий. Концептуальное непонимание — не их вина, это их огромная беда. Антикоррупционный закон 2008 года подразумевает, что чиновники служат обществу, которое их нанимает, но ведь они всю жизнь воспитывались на принципах служения государству. А мера ответственности перед обществом и перед государством суть разные вещи.

Что же подвигло нашего президента к разговору о борьбе с коррупцией? Почему Дмитрий Анатольевич все это затеял? Потому что система теряет управляемость. В какой-то момент появляется 301-й миллиард, который нарушает баланс. Вдруг выясняется, что интересы личного незаконного обогащения перевешивают интересы власти, создают угрозу ее стабильности. А ведь речь идет об инновационных проектах, инвестициях... И тут

власть и общество неожиданным образом становятся союзниками в борьбе с коррупцией. Но ожидать, что общество поддержит власть, могут только легитимные органы власти. Граждане должны верить руководителям и чувствовать сопричастность их действиям. Беда, однако, в том, что честные выборы, независимый суд и свободные СМИ власть до сих пор считает угрозой для своей безопасности. Что нужно, чтобы она наконец осознала, что без реальных институциональных изменений борьба с коррупцией обречена на провал, а о модернизации страны можно забыть? Каким образом преодолеть политические препятствия, не позволяющие утвердить в стране верховенство права, поскольку они остаются самой большой помехой для осуществления модернизации? Ответы на эти вопросы я надеюсь получить от участников школьных семинаров и читателей журнала.

*Надежда Лисицина,
кандидат психологических
наук (г. Великий Новгород)*

Фатальный закон для власти

Как известно, закон есть закон. Мир живет и развивается по законам: космическим, физическим, химическим, биологическим, экономическим, социальным, государственным... Мы можем о них знать или не знать, они могут нам нравиться или не нравиться, и хотим мы или нет, но эти законы действуют. И знать их человеку надо бы. Действуя вопреки законам, человек неизбежно терпит фиаско. И это тоже закон.

Мы можем создавать сколько угодно законов, в том числе и антикоррупционных, а затем их исполнять или не исполнять. Здесь воля человека полная, все зависит от того, кем и для кого или для чего они приняты и какими механизмами обладает государство, чтобы реализовывать их на практике.

Закон, о котором пойдет речь, относится к разряду социально-психологических и напрямую влияет на нашу жизнь, причем на каждого человека, ибо наша жизнь напрямую зависит от действия или бездействия органов государственной власти. Он, этот фатальный для власти закон, неукоснительно действует в сфере власти. Причем власти любого уровня. Достаточно определенной группе людей обрести властные полномочия, как закон, который можно назвать законом «группомыслия», начинает действовать.

Группомыслие чаще всего возникает при условии сплоченности группы, когда эта группа изолируется от противоположных мнений и руководима настойчивым и властным решительным лидером, который не скрывает своих убеждений от членов группы. Поскольку возникает необходимость сохранения сплоченности группы, и это считается (на бессознательном уровне) более важным, чем реалистичный взгляд на вещи. Каковы симптомы проявления закона группомыслия?

— Группа начинает чувствовать себя неуязвимой и думать, что она просто не может допустить никакой ошибки.

— В такой группе люди избегают высказывать открыто свое мнение, чтобы «не раскачивать лодку», потому что боятся разрушить единство и корпоративные связи в группе.

— Инакомыслие жестко наказывается.

— Оппозиционные точки зрения представляются в упрощенном, стереотипном виде.

— Рядом с лидером находятся «стражи ума», задача которых предохранять лидера от возможности услышать другие точки зрения.

— И в результате создается видимость общего согласия.

Не правда ли, знакомые нам симптомы?

Все политические, военные, экономические и социальные неудачи, провалы в системе управления связаны напрямую с действием этого фатального для власти закона. Возьмите любой исторический период, любую страну и вы увидите, что

Политика централизации власти, возможно, и была оправданна в условиях переходного периода, но привела к еще большей криминализации общества и коррупции государственных органов власти

ошибки власти связаны именно с действием этого закона. Скажем, развязывание войны США во Вьетнаме, введение войск СССР в Афганистан, начало чеченской кампании или менее глобальные фиаско властных групп во внешней или внутренней политике в других странах, как на уровне регионов, так и муниципальных образований. Примеров более чем достаточно. Новгородская область при этом не исключение, она тоже может изучаться специалистами как классический пример действия этого пресловутого закона, поскольку мы продолжаем наступать на одни и те же «грабли». Например, при смене властных команд во время выборов, когда реальной оппозиции нет, за исключением узаконенной. Может быть, закон группомыслия не проявит себя в очередной раз, но пока он действует и в нашем регионе.

Не так давно президент Медведев выступил с инициативой изменить законодательство РФ, оживить условия существования оппозиции в стране. Надо отдать должное ему и его советникам: они поняли, где опасность не только для власти, но и для страны.

Проводившаяся в последнее десятилетие политика централизации власти, возможно, и была оправданна в условиях переходного периода, но привела к еще большей криминализации общества и коррупции государственных органов власти. Но где тот Рубикон, перейдя который мы не окажемся в ситуации, когда ничего уже изменить нельзя и в силу вступят другие законы?

Ответ, в том числе и на этот вопрос, надо искать вместе с народом, уважая его и слушая советы мудрых людей, которые на своем опыте знают и помнят, что значит «впасть в искушение» обладания властью.

*Леонид Седов,
кандидат исторических наук*

К вопросу об оппозиции

Известно, что формирование политической оппозиции как института гражданского общества происходит только в ходе нормального избирательного процесса. При иных условиях противостоящие властям разного уровня группы людей и организации в строгом смысле оппозицией не являются. А это порождает в бюрократической среде неизбежное чувство вседозволенности и уклонение от решения стоящих перед обществом проблем. И тогда руководство страны обычно мобилизует народ на решение хотя и амбициозных, но призрачных целей.

При этом надо отметить, что политические системы, построенные на избирательном праве, свободе слова и функционировании оппозиции, вовсе не являются достоянием всего современного человечества или всех эпох человеческой истории. Еще в 1960-е годы американский политолог Р. Даль подсчитал, что среди 113 государств — членов ООН организованная и защищенная законом оппозиция существовала лишь в 30. С тех пор эта пропорция изменилась, но не решающим образом. Что же касается истории, то представительная демократия, о которой идет речь, сравнительно поздний плод цивилизации. В обществах традиционного типа об оппозиции правящему режиму не могло быть и речи, ибо функции власти были совершенно иными, преимущественно ритуальными, при очень узком и постоянном объеме решаемых коллективных задач. А в сложно устроенных общественных системах, вынужденных взаимодействовать с меняющейся внешней и внутренней средой, достижение государственных целей без учета реальных интересов и сил, а также материальных и человеческих ресурсов приводит к катастрофическим последствиям. Свидетельство этому — судьба, постигшая в XX веке государства, подавлявшие любую оппозицию.

Алан Макколум. Утраченные предметы. 1991

Три поколения российских людей прожили в тоталитарном обществе, где выборы подменялись избирательными кампаниями, функцией которых было не создание представительных органов, наделенных самостоятельной властью и одновременно зависящих от избирателей, а демонстрация лояльности населения. Не говоря уже о самом «электоральном» процессе, в ходе которого происходил отбор людей, способных бездумно и «неукоснительно», за минимальные льготы в виде отгулов, спецбуфетов и т.п., воспринимать сверху и проводить в низах «инициативы» начальства, какими бы абсурдными они ни были. Иначе говоря, подобно тому, как в сфере экономических отношений тоталитарная система отчуждала людей от собственности, за исключением узкого набора предметов непосредственного жизнеобеспечения, в области политической она экспроприировала у них право голоса. И хотя сторонники тоталитарной идеи, по-своему сформулированной Маяковским — «единица вздор, единица ноль», вопреки очевидным законам сложения и умножения, уповали на то, что суммирование нолей может дать в итоге «громящий кулак», реального приращения могущества из операции с нулями не получается. «Из нулей очень легко образуются цепи» (Ежи Лец).

Наша сегодняшняя политическая культура, к сожалению, тоже не способствует укоренению демократиче-

ских институтов. И причина этого не только в наследии советского периода российской истории. Напомню, как относилась российская бюрократия к земским учреждениям, то есть выборным органам местного самоуправления, введенным земской реформой 1864 года. «Чиновники, — писал в 70-е годы XIX века английский наблюдатель русской жизни журналист Дональд М. Уоллес, — заподозрили, что земство питает амбиции играть роль парламентской оппозиции. Это подозрение нашло формальное выражение... в секретном официальном документе, автор которого заявляет, что “оппозиция свила себе в земстве прочное гнездо”. Если быть справедливыми к обеим сторонам в этой семейной ссоре, мы должны признать, что земство действительно питало такого рода амбиции и, возможно, для страны в настоящее время было бы лучше, если бы оно их осуществило. Но это западноевропейская идея. В России не может быть такой вещи, как “Его Величества оппозиция”. Сознанию российских чиновников это словосочетание представляется логически противоречивым. Оппозиция чиновникам, даже в рамках закона, приравнивается к оппозиции самодержавной власти, воплощением и олицетворением которой они являются, а оппозиция тому, что они считают интересами самодержавия, находится в опасной близости от государственной измены».

Особенностью политической культуры во все века отечественной истории являлся примат власти в ряду таких же регулирующих человеческие отношения ценностей. Если о западном обществе можно говорить, что оно основано

на праве частной собственности и ее неприкосновенности, то в России неприкосновенной провозглашает себя власть, и любые попытки ее ограничения воспринимаются как посягательство на святыни не только самой властью. В частности, утверждение в политической жизни России таких «посягательств» в начале девяностых сразу вызвало решительное сопротивление сторонников и идеологов так называемой русской идеи, мечтавших о поражении либералов. Образно и с детской непосредственностью это выразил в своем интервью в 1992 году А. Невзоров: «Это все фразеология: Верховный Совет, президент, мэр, мэрия, оппозиция. На самом деле есть мужики и мужики. И одни других поставили на колени и плюют им в лицо. При этом готовы разрешить подняться с колен, если ты скажешь, что твоя Родина — дерьмо и сам ты — убудок. Но мы-то не можем это сказать, потому что знаем, что это не так. Поэтому разборки между мужчинами, какой бы словесной шелухой про парламентаризм, оппозицию это ни затемнялось, будут...»*.

Большинством россиян право и закон и сегодня воспринимаются как нечто навязанное извне и необязательное к исполнению. «Можно ли жить в России, не нарушая законов», — спрашивал Левада-Центр в июле 2007 года. Более половины — 54% респондентов — ответили, что жить, соблюдая законы, в нашей стране нельзя; 36% — что можно, остальные не определились. Поэтому едва ли стоит удивляться признанию некоего управленца областного масштаба, что «мы существуем, чтобы обходить законы, а прокуроры, чтобы нас ловить».

* «Коммерсант», № 107 от 17.02.1992 г.

Стефан Балкенхол. Танцующие пары. 1996

В целом сегодня нельзя сказать, что демократические ценности преобладают в сознании общества в России, а в ближайшие годы у нас может появиться авторитетная и сильная оппозиция. А точнее, институт политической оппозиции.

Как уже было сказано вначале, представительная демократия довольно редкий плод и выращивается долго. Для ее утверждения требуются как минимум следующие условия:

- 1) уважение к закону не как к инструменту принуждения в руках начальства, а как к системе правил поведения, обязательных и для начальства;
- 2) признание принципа выборности основополагающим в политической жизни;
- 3) подчинение решениям большинства при сохранении права меньшинства на выражение своего несогласия;

4) наличие способности у людей к самоорганизации для защиты своих интересов мирным путем — через представительство в выборных органах власти или членство в организациях, способных оказывать на последние влияние (в профсоюзах, различных добровольных ассоциациях, партийных структурах и т.п.).

Мирный законопослушный характер таких организаций особенно важно иметь в виду в свете попыток рассматривать в качестве оппозиции военизированные, революционные организации, готовые для достижения своих целей прибегать к насилию. Такие организации не являются оппозиционными. Их можно назвать хунтой, заговорщиками, путчистами, но понятие оппозиции к ним неприменимо.

*Алексей Малашенко,
член научного совета,
Московский центр Карнеги*

*Проблемы мусульманского мира**

Ислам распространен среди самых разных народов, в том числе сегодня он становится привлекателен у народов, которые исторически принадлежат к другим религиям. Есть русские мусульмане, есть мусульмане-финны, французы, голландцы. Лет десять назад русские мусульмане исчислялись десятками, сейчас, возможно, счет пошел на тысячи. Складывается такое «постхристианское» мусульманское меньшинство.

В своем выступлении я буду касаться общих проблем ислама. Но и некоторых частных, естественно, не избежать.

Начну с того, что ислам очень конкретен. Мы знаем, что в Аравии, где он возник, жарко. Мы знаем, что у истоков ислама стоял конкретный человек — пророк Мухаммед. В отличие от Иисуса и Будды, он абсолютно реален. Да, мифологии вокруг него много. Но эта мифология вокруг конкретного исторического персонажа.

Он ведь не только пророк, он был еще и политиком, и выдающимся общественным деятелем. (Вот полководцем он, пожалуй, не был.) В одно время и рядом с ним жили и действовали тоже реальные люди, которые были вовлечены им в сотворение новой религии. Как ни одна другая, она обращена к мирским делам — к политике, социальным проблемам. Когда упоминают через запятую «ислам, христианство», у меня это вызывает чувство протеста. Это разные религиозные культуры.

Ислам обмирщен, политизирован изначально. Его доктрина, помимо взаимной корреляции с другими монотеизмами, была обусловлена конкретными политическими событиями. И есть четкая, я бы ска-

** Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в Голицыно 21 июля 2010 г.*

зал, жесткая преемственность между тем, что было в VII веке, как действовал пророк Мухаммед и его соратники, и тем, что происходит в мусульманском мире сейчас.

Между прочим, когда те, кого мы называем фундаменталистами, исламистами, а заодно и ваххабитами, делают отсылки к VII веку, они имеют на это право. Когда говорят: давайте отделим ислам от политики — это неправильно. Это невозможно. В Европе, в Штатах уже сообразили, что чистого секуляризма вообще не бывает. Посмотрите на РПЦ, на нашего светского, политизированного патриарха! Это, увы, нормально. Лично мне не нравится политизация религии. Но будем смотреть правде в глаза: политизация имеет место.

Подъем «исламской волны» — это реакция на экономический и политический проигрыш мусульманского мира Западу

Далее. Когда говорят о противостоянии цивилизаций по Хантингтону, то эта теория может интерпретироваться и как противостояние ислама христианству, но также и как его противостояние Западу, где религиозная компонента в сознании людей в 1940–1970-е становилась все меньше и меньше. Но вот парадокс: то, что мы сейчас наблюдаем в Европе и Штатах, это специфический религиозный ренессанс. И одним из побудительных мотивов, толчков к этому ренессансу стал ренессанс исламский. На Западе поднимается неохристианская, с политическим «гребнем» волна.

Я говорю «мусульманский мир», тот самый мусульманский мир, который начинал создаваться одним человеком — пророком в VII веке. А что такое мусульманский мир? Он что, строго очерчен? С ним можно заключить договор? С ним можно воевать? Да нет. Тем не менее мы постоянно читаем: отношения Соединенных Штатов и мусульманского мира; отношения России с мусульманским миром. О чем идет речь? Что этот мир объединяет и что его разъединяет? Есть два подхода к его идентификации.

Первый — сугубо прагматический: мусульманский мир — условность. Он сложен из более чем 40 государств, каждое из которых живет своими интересами. Мусульмане между собой воевали и воюют: Иран–Ирак, Ирак–Кувейт — самые свежие примеры. Да и внутри каждого мусульманского общества масса противоречий. Посмотрите на Палестину, Афганистан, Пакистан... Там нет единства. Повторяю: у отдельных государств национальные интересы, у каждого исламского движения свои политические, материальные, идеологические установки.

Но, несмотря на конфликты между мусульманскими государствами, есть то, что их объединяет. Во-первых, ислам. Во-вторых, мусульманские страны объединяются, так сказать, «по поводу». Вечный пример — Ближний Восток. Есть Афганистан (и при советском вторжении и при

американском), американцы в Ираке. Иной уровень — «карикатурный скандал» (не так изобразили Мухаммеда, обидели пророка), фильм о положении женщины в исламе режиссера Тео ван Гога в Голландии, «антиисламское» высказывание папы Бенедикта... Широкие — по всему мусульманскому миру — протестные выступления есть признак исламской солидарности. Все, что может быть объединено под знаком исламской солидарности — спорадической, по большей части вялой, все же есть доказательство существования реальности мусульманского мира.

Мусульман объединяет не только антизападничество. Общность мусульманского мира скрепляют многочисленные религиозно-политические и иные организации, основанные по принципу религиозной принадлежности: Организация Исламская конференция, Исламский банк развития... Есть, например, Исламская рыболовецкая организация. Вы когда-нибудь слышали о христианской организации рыболовства?

Вот это все и оправдывает второй подход к идентификации мусульманского мира — это не просто нечто виртуальное. Его существование имеет конкретные политические и экономические ипостаси. И с этим нельзя не считаться.

Наконец, мусульманский мир роднит феномен исламского радикализма. В каждой мусульманской стране есть мощные силы, которые борются за тотальную исламизацию общества, за перестройку государства на исламской основе. Иными словами, за «исламскую альтернативу». Что это такое? Зачем она нужна? Попробуем разобраться. Мусульманский мир испытывал и испытывает экономические и социальные трудности. Большая часть мусульманских стран страдает от бедности. Конечно, процветают счастливицы из нефтяных стран Персидского залива, есть успешная Малайзия, но есть и нищие Афганистан, Пакистан, Бангладеш, Судан, Йемен... Подавляющее большинство мусульман еще только ищут пути для преодоления трудностей. И, боюсь, искать им придется еще долго.

Часто можно слышать: «Мы, мусульмане, не хотим создавать западную модель, ибо это — антинародная власть, коррупция, разврат, нет социальной справедливости». В самом деле, имитационная модель, если ее и пытались где-то реализовать, провалилась. Как в свое время провалилась и предложенная в 1960–1970-е годы Советским Союзом «социалистическая ориентация». Кстати, лопнули и так называемые национальные модели развития. А раз так, почему бы не вернуться к истокам, к исламским истокам. Давайте, говорят мусульмане, попробуем воссоздать исламскую экономику и исламское государство.

Так что вера в то, что выход из затруднительного положения лежит на стезе ислама, живет в умах и душах людей. В исламскую альтернативу верят 50 процентов депутатов в парламенте Бангладеш, палестинское правительство, министры в Йемене, «братья-мусульмане» в Египте... Об этом мечтает, видимо, половина Пакистана. Этого же хотят в Афганистане. А что, на Северном Кавказе об этом не задумываются?

Стефан Балкенхол. Человек на бакене. 1992

Даже в Турции, которую всегда считали образцом исламской умеренности и прагматизма, поднимается мощная волна исламизма. Пока умеренного. Но неизвестно, чем все это кончится. Когда в 1978–1979 годах случилась исламская революция в Иране, никто не верил, что это всерьез и надолго. Иран считался «мусульманской Францией». И вот уже 30 лет революция продолжается. Выросло новое поколение, даже *поколения*.

В общем, исламская альтернатива привлекательна для сотен миллионов людей по всему мусульманскому миру, причем не каких-то изгоев, которые бегают по горам с «калашниковым». Люди верят в то, что исламское государство способно решить их проблемы. Это плохо или хорошо? Это данность, которая отражает ситуацию в мусульманском мире. Отказывать мусульманам в праве хотя бы мечтать об «исламском

спасении» не может никто. Лично я не верю ни в исламское государство, ни в исламскую экономику. Это — миф, воплотить который невозможно. Но не считаться с мнением в этот миф верящих мы не можем. Потому что это идея, которая, как говорили в коммунистическую старину, уже «овладела массами», частью масс. Похоже, ни в Европе, ни в Америке, ни в России не были готовы к такому повороту событий. Как воспринимается исламизм, если угодно, исламский радикализм? Первая реакция — «давить и не пущать». Сторонников такого мнения можно понять. Особенно после 11 сентября 2001 года, после того, что мы наблюдаем на Кавказе, в Афганистане, и т.д. Но есть и другая тенденция — «давайте понимать друг друга».

Это очень интересный момент. Давайте задумаемся: поднимается некая «исламская волна», которая есть реакция на экономический, на политический проигрыш мусульман Западу. Запад ушел вперед, и догнать его пока что мусульмане неспособны. У отставания масса причин, и обсуждать их слишком долго. Мусульмане реагируют на свой проигрыш весьма болезненно. Яркий пример — 11 сентября: наказана не просто Америка, наказан весь благополучный, агрессивный, колониалистский Запад. Мусульмане приезжают в Европу, чувствуют там себя униженными и оскорбленными; они все отчаяннее борются за сохранение своей религиозной идентичности. Борьба за рабочие места и за право носить головные платки становится неразрывной. Платок, паранджа, помимо выражения идентичности, это еще и форма протеста.

В Европе, в Америке отношение к исламу и мусульманам неоднозначное. Есть страх: кто не слышал про «исламскую угрозу»? Этот дискурс силен и уверяю вас, еще долго будет силен. Есть раздражение. Есть попытки ассимилировать мусульман, есть идея мультикультурализма.

Но есть у европейцев, у западников своего рода ощущение вины перед мусульманами, готовность идти на уступки. И некоторые мусульмане, в первую очередь радикалы, на этом играют. Они постоянно заявляют (от имени всех мусульман), что их самих, их религию обижают. При таком подходе мусульманский «комплекс неполноценности» сочетается с твердой уверенностью, что ислам все равно победит, установит свое господство над миром. А нынешние уступки европейцев и американцев есть признак их слабости. Это как-то настораживает.

Если мы говорим о диалоге между цивилизациями, то диалог должен быть равноправным. В свое время я много писал в оправдание некоторых действий мусульман. Дескать, их жесткость, даже агрессивность неизбежны, потому что европейцы платят за колонизацию, за агрессию на мусульманских землях. Но проходят годы, мир меняется. И теперь, когда мусульмане в Европе требуют от немусульман соблюдения некоторых норм исламской этики, правил поведения, возникают вопросы. Я уже говорил о «карикатурном скандале». Ну, нарисовали пророка Мухаммеда. Да, это плохо. Но бить окна в посольствах, устраивать тысячные демонстрации!.. Это перебор. У меня дома есть книжка (на русском языке), написанная мусульманским богословом из Ирака. При

желании можно подать в суд на издателя, поскольку книга провоцирует межрелигиозную рознь. Этот теолог пишет про христианство, про Троицу весьма оскорбительно. Но не бежать же бить окна в мусульманских посольствах...

Если в самолетах Эр Франс подают халяльную еду, это хорошо. Но также было бы хорошо, если бы в самолетах саудовской авиакомпании христианам наливали виски. Давайте жить на паритетных началах.

Так что ситуация очень непростая. Похоже, мы — ни мусульмане, ни немусульмане — не осознаем до конца всей ее сложности. Такое чувство, что, так же как и 30 лет назад, мы не осознаем, что

*Отказывать мусульманам
в праве хотя бы мечтать об «исламском
спасении» не может никто*

имеем дело с движением народов и культур. Это — вечный и очень болезненный процесс.

Президент США Барак Обама увидел, что все пошло не так, и задумал переломить ситуацию. И не потому, что его фамилия по бабушке Хусейн. А потому, что это действительно качественно новый политик. Наверно, он и есть то самое молодое поколение, которому уже наплевать, когда была Вторая мировая война. Да и холодная война — для него прошлое. Он посмотрел, или вынужден взглянуть, на все по-иному. Первое, что он увидел, — «мезальянс» с исламом. Еще не понимая толком, что такое мусульманский мир, Обама провозглашает новый курс. Свою международную карьеру он начинает не с Европы, а с визита в Каир, где излагает свою версию американо-исламского будущего.

Как вы думаете, ему поверили в мусульманском мире? Похоже, что нет. А почему ему надо верить? Все знают, что у Америки есть национальные интересы. Но, будь я мусульманином, все же постарался бы уловить его искренность, его позитивное намерение. От того, как американцы будут выстраивать новый курс с *мусульманским миром* (выделяю, с мусульманским миром, ибо он в голове Обамы, похоже, существует), очень много зависит. Американцы действительно, в силу своих национальных интересов, хотят нормальных отношений с мусульманством. Получится? Если нет, то шансов победить на следующих выборах у Обамы станет меньше.

Трагедия в том, что Штаты проваливаются, когда пытаются решать «частные» мусульманские проблемы — и на Ближнем Востоке, и с Ираном, и в Афганистане. Есть ли абсолютно ясный выход из афганского кризиса? Нет! Отсюда и разговоры: дескать, конечно, надо уходить из Афганистана, но сначала давайте пошлем туда еще 40 тысяч солдат. Потом разберемся. Есть выход из ситуации на Ближнем Востоке? Боюсь, в обозримом будущем его тоже не предвидится. Есть выход из конфликта с Ираном? И так далее...

Тем временем в Афганистане, Пакистане, на Ближнем Востоке, в Иране (в конце концов повсюду) консолидировалось, набралось сил ради-

кальное направление и его ударная часть — экстремистское движение. В нем десятки тысяч людей, которые приобрели военный, политический опыт и готовы сражаться под лозунгом джихада. Эти люди заведомо чувствуют себя победителями. Да, их убивают, их взрывают, против них воюет НАТО, Америка, Россия — и ничего! Очень хороший тому пример — операция в Афганистане, в провинции Гильменд (2010 г.). Две недели американцы писали, что это был их потрясающий успех. Потом выяснилось, что это было их поражение.

Можно слышать, что мусульманские экстремистские организации создаются спецслужбами США, Пакистана, Израиля... Что вообще «исламский терроризм», включая «Аль-Каиду» и самого Бен Ладена, это «проект» ЦРУ и его партнеров. Один человек убеждал меня, что Бен Ладен — полковник ЦРУ (почему именно полковник, а не майор, например, не сказал). Да, спецслужбы действительно действуют в мусульманском мире, порой пытаются создавать и использовать в своих интересах различные радикальные группировки. Появлению ХАМАСа способствовала израильская контрразведка, которая рассчитывала использовать его против Ясира Арафата, движение Талибан возникло не без пакистанских спецслужб. Но спецслужбы действуют на заранее подготовленной почве. А эта почва, если угодно, ландшафт, формируется в силу определенных социально-экономических, политических обстоятельств. Не в Воронеже и не в Польше появились талибы. Исламские радикальные и экстремистские организации авторитетны и эффективны только при определенных условиях. К тому же практика показывает, что исламских радикалов крайне трудно, если вообще возможно, поставить под контроль. Может ли Израиль контролировать «свой» ХАМАС? А пакистанцы — талибов? Нет, конечно. Исламисты всегда действовали, только исходя из своих интересов, и не желают быть ничьим инструментом.

Кто виноват в ситуации в Афганистане? Если я скажу, что Советский Союз, вы со мной согласитесь. Была нормальная «афганская Финляндия», потом пришли «шурави»... Но поверьте, приди мы в Афганистан, не приди мы в Афганистан, все равно исламский радикализм уже «встал на рельсы», сценарий его глобального развития остался бы неизменным. Советская интервенция подтолкнула, стимулировала исламский радикализм, но не создала его.

В начале нулевых годов Россия хотела занять особое место в отношениях Запада и мусульманского мира, быть мостом, медиатором. Отсюда ее вступление в Организацию Исламская конференция, особые отношения с Ираном, желание быть посредником на Ближнем Востоке. Ничего этого толком не получилось. Не получилась и попытка вступить в продуктивный контакт с исламскими радикалами из ХАМАСа. Задумано-то было неплохо. К сожалению, не получилось. Не знаю, как Россия будет выстраивать отношения с мусульманским миром в дальнейшем. Думаю, в Москве на этот счет каких-то последовательных решений не принято, даже несмотря на существование специального комитета по отношениям с мусульманскими странами в

Джефф Уолл. Прохожий. 1989

Госдуме, многочисленные реплики российских дипломатов, обещания премьера и президента.

Не могу не затронуть проблемы российского Северного Кавказа. Кавказ — часть и России, и мусульманского мира. У живущих там людей три идентичности: этническая, религиозная, гражданская. Гражданская идентичность часто приходит в противоречие с исламской. Если я не прав, поспорим...

Откуда на Северном Кавказе исламский радикализм? Здесь две причины. Первая — материальная, социально-экономическая: после развала СССР ситуация в регионе резко ухудшилась, общество было разочаровано, дезориентировано, утратило веру в возможность улучшения положения. Обращение к исламу стало следствием этой фрустрации. Протестные настроения выражались в религиозно-радикальной форме, что в принципе характерно для мусульманского мира. Вторая причина — религиозная. После падения железного занавеса в регион хлынули ранее почти неизвестные исламские идеи и концепции радикального толка. С Ближнего Востока, из стран Персидского залива пришли фундаментализм, салафизм. Появились проповедники, миссионеры, которые увлекали новыми толкованиями ислама местных мусульман, прежде всего молодежь. Новые религиозные трактовки, призывы к «чистому исламу», к основанной на исламе социальной

справедливости, к установлению справедливого исламского правления быстро обрели своих сторонников. Началась своего рода реисламизация Северного Кавказа.

Сегодня мы говорим об исламе, а не о регионе вообще. Тем не менее сказать два слова об общей обстановке необходимо. В этом году власть образовала новый Северокавказский федеральный округ, в котором полномочным представителем президента был назначен бывший губернатор Красноярского края Александр Хлопонин. Создание нового округа и направление туда нового, постороннего для Кавказа, человека явилось, во-первых, признанием Центром неуспеха всей предыдущей политики, а во-вторых, надеждой, верой, именно верой, на успешное преодоление кризисной ситуации. На Хлопонина возлагалось решение социально-экономических проблем, но что касается главного политического вопроса — стабилизации положения, противостояния исламистской оппозиции, борьбы против экстремизма, то он остался в ведении силовиков. Если деятельность Хлопонина предполагает новую стратегию, то силовики продолжают использовать старые, привычные методы. Иными словами, политика кнута и пряника остается почти исключительно политикой кнута. И эта политика не способствует наведению порядка и не создает условий для проведения нового социально-экономического курса.

Ответом исламистской оппозиции на новый федеральный курс стала активизация ее террористической активности, уровень которой в 2010 году резко возрос. Два покушения на президентов — Чечни и Кабардино-Балкарии, взрыв на Баксанской ГЭС, теракт в московском метро, об остальном вообще говорить не приходится. Можно сказать, что на Северном Кавказе идет гражданская война, факт которой признают многие кавказские политики.

Сопrotивление идет под лозунгом джихада. Это религиозно-политическое сопротивление. Наиболее заметно оно в Дагестане, Чечне, Ингушетии. Но теперь оно все заметнее в Кабардино-Балкарии. Кавказ «раскачивается». Участники религиозно-политической оппозиции не заурядные бандиты, как любят именовать их федеральные и некоторые местные политики. С бандитами должна иметь дело милиция, участковые, а не ФСБ и армейские подразделения. Признать существование оппозиции в Москве не могут, потому что тогда придется признать собственный провал, кардинально менять тактику, а на это никто не пойдет.

Как быть? Делать больший акцент на контакты, даже на переговоры, отсекал непримиримых. И, наверно, не надо причислять к пособникам радикалов и наказывать тех, кто, как говорят наши главные политики, готовит им еду. Еду зачастую готовят дети и жены. Если наказывать и их, то круг «врагов народа» будет расширяться до бесконечности. Главное — устранить пропасть между властью и обществом, убедить людей, что власть пытается исправить свои ошибки, что она готова бороться против коррупции, что она за социальную справедливость. Вот это и может вернуть к ней доверие людей, а следовательно,

значительно уменьшить резерв исламистов. Без этого борьба против террористов, как считает немало людей на самом Кавказе, только приводит к росту их (экстремистов) числа.

Часто спрашивают, кто надевает пояса шахидов? Самые разные люди. Мотивировка тоже может быть разная: и религиозный долг, и месть за убитых родных, просто отчаяние. У того, кто носит пояс шахида, должна быть особая психика. И людей, женщин с такой психикой, к тому же оказавшихся в отчаянной ситуации, можно подталкивать, воспитывать в этом направлении. Наконец, используют и наркотические средства. Есть «учебные центры» шахидов. Но шахиды — не уголовники.

*Если деятельность Хлопонина
предполагает новую стратегию,
то силовики продолжают использовать
старые, привычные методы*

Попытки общения с оппозиционерами (это слово в лексиконе российских политиков, понятно, отсутствует) уже имеют место и в Ингушетии, и в Кабардино-Балкарии, и в Дагестане. Это дается с огромным трудом. Не все в оппозиции хотят диалога. Вспомните хотя бы прошлогоднее покушение на Юнус-Бека Евкурова... Но иного выхода, по-моему, нет. Разговаривать все равно придется. Тем более что очень многие боевики в принципе не прочь вернуться к мирной жизни. Есть немало примеров, когда оппоненты власти были готовы к диалогу с ней. Вспомните хотя бы Анзора Астемирова, который в начале своей деятельности отнюдь не был боевиком, но искренне стремился к согласию. В окончательную *военную победу* верится мало. Да и в Чечне «большая война» закончилась только тогда, когда боевики стали «бывшими боевиками». Пророссийский президент Чечни Ахмад Кадыров в свое время поддержал антироссийский джихад. И ничего, потом враждующие стороны пришли к согласию.

Возможно, это мое соображение звучит неуместно, такая, знаете ли, маниловщина. Но все же: если действительно хочется достигнуть мира, надо научиться терпеть. Даже когда руки чешутся отомстить за своих убитых. Дескать, вы убили, взорвали, а мы, не глядя, будем мстить. Необходима сверхвыдержка, супертолерантность.

Чего хочет на Кавказе Россия? Чего хотят на самом Кавказе? — Стабильности и покоя. А вот как добиться этого, Москва не знает.

В конце каждого выступления обычно делаются выводы. Но, думается, здесь их можно и не делать. Я попытался представить общее состояние дел в мусульманском мире, сказать о причинах роста радикальных настроений, об исламской альтернативе, о том, как будут складываться отношения на планете между мусульманами и их соседями. Мир вступил в такую фазу, когда отношения между приверженцами разных конфессий будут играть все более значимую роль. Те, кто думает, что религия уйдет из политики, ошибаются.

*Росс Уолкер,
главный экономист
Королевского банка
Шотландии*

Перспективы глобальной экономики

Как будет выглядеть глобальная экономика в ближайшее время? Наступает ли ее оздоровление или все снова пойдет прахом? В этом плане необходимо не столько рассматривать конкретные показатели, сколько возможные сценарии развития ситуации.

Экономическая статистика, как в отношении развитых, так и в отношении развивающихся стран, фиксирует признаки роста. Промышленное производство, объем торговли, прочие экономические показатели выходят на докризисный уровень. Развивающийся мир был отодвинут кризисом назад, но он уже фактически восстановился. Что же касается развитых стран, США и Европейского союза, то их уровень производства поднимается, но пока он ниже пика 2007 года. То есть совершенно очевидно неравномерное восстановление. Западные экономики будут расти слабее, чем обычно, в среднем на 2%, развивающиеся — на 6–7%. В Китае намечается рост ВВП до 10%, это максимальный показатель, Индия тоже не сильно отстает — 8%. В России неплохой рост ВВП — 4%, но он зависит, конечно же, от цен и спроса на нефть.

Так или иначе, рост, пусть достаточно умеренный, но идет. Важнейшая проблема — это его устойчивость. Продолжит ли ВВП расти быстрее в странах БРИК, по сравнению с западными экономиками, учитывая, что этот рост в большой степени зависит от экспорта в испытывающие трудности страны Запада, а местное потребление не такое большое? В глобальной экономике существует неравновесие, и возникает проблема: как сбалансировать глобальные потребности таким образом, чтобы Китай демонстрировал рост не потому, что экспортирует свои товары, а американцы занимали деньги в Китае, чтобы купить его же товары. Очевидно, что такая экономика будет неустойчивой.

Глобализация привела в действие факторы неравновесия, потому что капитал свободно циркулирует по

всему миру, люди и страны занимают крупные суммы денег на длительные сроки. Сложилась очень странная ситуация. Если прежде богатые экономики сужали деньги развивающимся экономикам, сейчас все наоборот. Относительно бедные страны дают деньги самым богатым странам.

В США беспрецедентный дефицит бюджета, 500 млрд долларов, в мире никогда не было ничего подобного. Америка

занимает деньги по всему миру, особенно в Азии, у развивающихся государств, поддерживая таким образом внутренний рынок потребления.

Чтобы понять эту ситуацию, нужно вспомнить конец 1990-х годов — валютный кризис в азиатской экономике и, конечно же, российский дефолт 1998 года. Развивающиеся страны были привязаны тогда к американскому доллару, что создало колоссальную проблему: доллар усиливался, экономики тянулись за долларом, их экспорт становился слабее, а долговые обязательства все более жесткими. Чтобы защититься, эти страны наращивали свои резервы в иностранной валюте. Такая политика была верной, но она зашла слишком далеко, и теперь возник валютный дисбаланс, который угрожает развитию уже глобального рынка.

Шотландский экономист Адам Смит в свое время указывал, что единственная причина производства каких-либо услуг или товаров, это желание или необходимость ими воспользоваться. Если нет потребления, то зачем же что-то производить? Смит писал об этом еще в XVIII веке, когда говорил о меркантилизме. Европейские монархи накапливали драгоценные металлы, таким образом оценивая меру своего

богатства и успеха. Но это неверный способ оценки. Для чего, например, мы экспортируем что-либо? Для того чтобы к нам пришла иностранная валюта и мы могли приобрести то, что не производили. Если при этом возникает торговый профицит, он становится

*Самая крупная проблема
глобальной экономики — существенный
объем долгов в западных экономиках*

ся элементом дисбаланса. Китайская экономическая модель с ее индустриализацией и наращиванием объемов производства ориентирована на экспорт, но, чтобы продать, нужен покупатель, а у американских и европейских потребителей денег стало меньше. Поэтому самая крупная проблема глобальной экономики — существенный объем долгов в западных экономиках. Так, долги казначейства Великобритании колоссальны, они больше половины национального ВВП. Это произошло главным образом за счет покупки жилья в кредит. Поэтому однажды мы действительно можем увидеть повторение финансового кризиса 2008 года, который, как известно, начался с коллапса рынка недвижимости. Правительству пришлось вмешаться, чтобы поддержать экономику с помощью налоговых льгот, что привело к дефициту государственного бюджета. Риск просто был переложен на другие плечи — из финансового сектора в государственный, и возник так называемый суверенный долг. Похожая картина наблюдается в большинстве западных стран. В США люди одалживали деньги на жилье, на заведомо некупаемые проекты и инвестиции. Сократились

Рейчел Уайтрид. Дом. 1993

налоговые поступления, расходы увеличились в связи с повышенными выплатами пособий по безработице и т.д. И конечно, эта задолженность будет сохраняться, препятствуя серьезно оздоровлению западной экономики.

Страны блока БРИК имеют гораздо меньший уровень задолженности. Совершенно очевидно, что это хороший знак. Большая часть китайского долга принадлежит не финансовым корпорациям, а предприятиям и бизнесу, которые заимствовали деньги на инвестиции в производство. Такие займы, безусловно, будут способствовать экономическому росту и финансовому выздоровлению. Но в России не столь благоприятное положение. Здесь большую часть долга несет на себе государство, что для экономики страны, которая столь чувствительна к ценам на нефть, весьма рискованно.

Я не эксперт по России, но здесь экономический рост не настолько ощутим, как в других странах. Инвесторы нервничают, когда задумываются о том, инвестировать ли в Россию. Сумеют ли они получить деньги, которые заработают? Россия воспринимается сегодня как коррумпированная экономика, с высокими политическими рисками. Те, кто все-таки приходит в Россию, откровенно рассказывают, сколько всевозможных взяток приходится давать, чтобы успешно работать.

Что же касается стран еврозоны, то здесь одна из главных проблем — это Греция и Португалия. Речь о беде, в которую могут попасть в этой связи немецкие и французские банки, кредитовавшие Грецию, если страна ока-

жется в состоянии дефолта. Рано или поздно он произойдет, потому что деньги закончатся, и Греция не сможет даже обслуживать свой долг. Поэтому в отношении Греции высоки ставки страхования от дефолта, так называемого показателя CDS.

Худшего сценария кризиса удалось избежать, и те меры, которые были предприняты, оказались достаточно эффективными

Главный вопрос для зоны евро — останется ли евро резервной валютой, которая по-прежнему будет соперничать с американским долларом? Экономика средиземноморских стран на самом деле не может сравниться с экономикой Германии. Соответственно все финансовые операции, которые ведутся между этими регионами, также создают определенные проблемы. Думаю, что в зоне евро останется лет через 10 меньше стран, чем сейчас.

Другой ключевой показатель, за которым надо следить, как мне представляется, так называемые плохие долги или невозвратные займы. Есть специальные резервы, которые банки откладывают, чтобы потом списывать невозвратные долги. Хорошие новости в том, что Великобритания и США, по сведениям Международного валютного фонда, основной объем плохих долгов списали за счет этих резервов.

Итак, мы столкнулись с глубокой глобальной рецессией. Финансовая ситуация чрезвычайно опасная. Она похожа на ту, которую мы наблюдали в 2008 году до кризиса, постигшего американский инвестиционный банк «Lehman Brothers». Строго говоря, это был даже не банк, в силу отсутствия вкладчиков,

то есть людей, которые держали бы там свои деньги. Эта компания одалживала деньги целым финансовым институтам и своим крахом, по сути, свалила всю финансовую систему таким образом, что даже один, не самый крупный, финансовый институт в США повлек небывалый кризис.

Печатают деньги, национальные центральные банки пока не допустили коллапса. В США это называется «количественное облегчение», то есть запускается печатный станок и деньги накачиваются в экономику. Но, конечно, рецессия сама по себе не прекратится. Банки снова прибегнут к рефинансированию. Станут более жесткими условия кредитов, будет меньше свободных денег для инвестиций, создания рабочих мест, роста корпораций, и стоимость финансирования различных программ вырастет. Ужесточение условий предоставления кредитов коснется не только США или Великобритании, но всего глобального рынка. Это грозит особо тяжелыми последствиями для многих развивающихся стран, потому что их экономики более подвержены риску.

Очень низкие показатели процентных ставок привели в конце 1990-х во всем мире к тому, что ресурсы были неправильно распределены и образовались невозвратные займы. Спекулятивный рост цен на недвижимость еще больше способствовал избыточным инвестициям в недвижимость, которые не были оправданы никакими основами экономической науки. Стабильность большинства западных экономик казалась незыблемой, и политики упустили другие экономические индикаторы, в частности инфляцию многих активов, в том числе недвижимости. В ближайшие годы нам придется вернуться к основам

экономической теории и думать о настоящих инвестициях: в инфраструктуру, в образование, а не просто накачивать деньги в строительство.

Думаю, что худшего сценария кризиса нам удалось избежать и те меры, которые были предприняты, оказались все-таки достаточно эффективными. В большинстве западных стран инфляция на достаточно низком уровне. Снижение процентных ставок — это тоже мера, которой следует придерживаться для оздоровления экономики. Мне кажется, проблема бюджетного дефицита достаточно эффективно решается, поэтому издержки, которые были понесены в финансовой сфере, в значительной степени преодолены, хотя большинство экономик сейчас имеют большие задолженности.

Мой анализ перспектив глобальной экономики не самый, конечно, оптимистический. Но надо отделять преимущества глобализации от глобального кризиса. Вспомним период после Второй мировой войны, когда только закладывались основы будущих азиатских гигантов, таких как Гонконг или Корея. По уровню развития, образованию, инфраструктуре, ВВП эти страны были сопоставимы с африканскими государствами. Спустя 50 лет они стали богаче, чем многие европейские государства, не обладая при этом какими-либо значительными природными ресурсами. Как это оказалось возможным? Эти страны пошли по пути, который мы называем глобализацией: они открыты для торговли, инвестиций не только капиталов, но и людей. Поэтому, в конечном счете, я думаю, что глобализация эффективна и имеет больше плюсов, чем минусов. Но понятно, что она должна измениться.

«Судьбу наций определяет ум интеллигентский»

Интеллигенция — это слово не точно; значит не то, что хочет обозначать. Почему бы не остановиться на старом и привычном понятии «образованный человек».

В. Ключевский

*Сергей Магарил,
кандидат экономических наук,
факультет социологии
РГГУ*

Утверждение, вынесенное в заглавие, принадлежит первому русскому нобелевскому лауреату И. Павлову. Из него следует: какова интеллигенция, таково и государство. Действительно: кто учит будущую государственную бюрократию, если не университетская профессура? А каково государство — такова и судьба народа. В XX веке Россия дважды пережила распад государственности — последовательный крах двух социально-исторических проектов: имперского и социалистического, что повлекло огромные человеческие жертвы. В обоих случаях инициатором масштабных социальных сдвигов была интеллигенция. И в обоих случаях действительность оказалась бесконечно далека от ее ожиданий. Благополучия общества достичь не удалось, а слой просвещенных людей был вытеснен на социальную обочину, маргинализован и обращен в аутсайдеров. Это вынуждает признать: базовые представления образованных групп общества о российском социуме фундаментально не соответствуют реальным закономерностям существования и исторического движения этого социума. Отсюда с неизбежностью возникает вопрос: какое влияние на исторические судьбы России оказывает ее интеллигенция, претендующая на роль *носителя национального интеллекта*, гуманистических идеалов и ценностей.

Отторжение университета и «латинской» науки

Известно, что Русская православная церковь опасалась европейского рационально-критического знания. И во многом именно благодаря ее «стараниям»

первый российский университет опоздал по сравнению с первым европейским на 700 лет. Несмотря на тягчайшие последствия, этот фундаментальный факт отечественной социокультурной динамики должным образом все еще не осмыслен. Если первые 250 лет опоздания — следствие монгольского завоевания, то последующие 450 — результат противодействия церкви и находившихся под ее влиянием государей распространению знаний.

В Европе XII–XIV веков — это период массового учреждения университетов — подлинной школы национального самообразования и рационально-критического мышления. К XV веку в Европе насчитывалось уже 65 университетов, где помимо богословия изучали римское право, медицину, искусство, а в дальнейшем и естественные науки. Большинство университетов возникло на основе монастырских школ*.

В университетах переиздавали классиков античной мысли. Причем уже типографским способом, что весьма способствовало распространению знаний в обществе. Университетам, с самого их основания, принадлежала важнейшая роль в формировании и становлении рациональной правовой системы Запада; они внесли наиболее значительный вклад в преобразование исторически вчерашних варваров в законопослушных граждан правовых государств современной Европы.

Иное в России. Русская православная церковь отнюдь не стремилась воспитать в народе понимание ценности образования. Московская Русь в лице духовенства долго и упорно сопротивлялась распространению западной образованности, основы которой составляли экспериментальная наука, естествознание и философия. Церковные иерархи полагали, что обращение к достижениям человеческого разума вместо Священного писания вовлечет Россию во «тьму поганьских наук», поскольку ценность «человеческого разума несовместима с духовными ценностями православия**». Английский посланник в России в 1588 году Джильс Флетчер отмечает: священники «всеми средствами стараются воспрепятствовать распространению просвещения»***.

Верным союзником церкви в противодействии просвещению была и светская власть. В книге Ключевского «Сказания иностранцев о Московском государстве» среди двенадцати разделов, описывающих различные стороны жизни Московской Руси XV–XVII веков, образование не упоминается — нет свидетельств. Зато есть свидетельства противоположного свойства. Упомянутый Флетчер в одном из писем в Лондон отмечает: «цари... не позволяют подданным выезжать из отечества, боясь просвещения, к коему россияне весьма способны, имея много ума природного»****.

* См.: *Культурология. Под науч. ред. д.ф.н., проф. Г.В. Драча. — Ростов-на-Дону: «Феникс», 2003. — С. 230.*

** Там же, с. 522–523.

*** Д. Флетчер. *О государстве русском. // Проезжая по Московии. — М.: Международные отношения, 1991.*

**** Н.М. Карамзин. *История государства российского. Т. 3. — М., 1983. — С. 146.*

Филипп Паррено. Рабочие столы I и II. 1995

Воинствующая ортодоксия церкви препятствовала формированию в массовом сознании представлений о ценности образования. Первый русский политэконом из крестьян Иван Посошков в «Книге о скудости и богатстве», написанной для Петра I, сетуя на неграмотность крестьян, советовал реформатору «поневолить крестьян», чтобы детишек учили грамоте. В «цыфирные школы», открытые по указу Петра I, недорослей набирали с превеликим трудом, и через 15 лет по смерти императора эти школы прекратили существование. Противодействие образованию церковь оказывала и в дальнейшем. Недаром, проектируя в 1760 году привилегии Петербургского университета, М. Ломоносов был вынужден включить статью: «обязать духовенство не ругать наук в проповедях»*.

Извечные ограничения, чинимые русскими властями в деле образования, а также общественные нравы первой трети XIX века весьма выразительно изобразил Карамзин: «Гнушаясь бессмысленным правилом удержать умы в невежестве, чтобы властвовать тем спокойнее, он (Александр I. — С.М.) употребил миллионы для основания университетов, гимназий, школ... К сожалению, видим более убытка казне, нежели выгод для Отечества. Выписали учителей, не приготовив уче-

* М.И. Сухомлинов. *Материалы по истории просвещения в России.* // Журнал Министерства народного просвещения, 1865, Октябрь. — С. 42.

ников... число их так невелико, что профессора теряют охоту ходить в классы. Вся беда от того, что мы образовали свои университеты по немецким, не рассудив, что здесь иные обстоятельства. В Лейпциге, в Геттингене надобно профессору только стать на кафедру — зал наполнится слушателями. У нас нет охотников для высших наук. Дворяне служат... купцы желают знать существенно арифметику или языки иностранные для выгод своей торговли. В Германии сколько молодых людей учатся в университетах для того, чтобы сделаться адвокатами, судьями, пасторами, профессорами! Наши стряпчие и судьи не имеют нужды в знании римских прав; наши священники образуются кое-как в семинариях и далее не идут»*.

Воззрения следующего императора, Николая I, на образование характеризует эпизод, относящийся к началу его царствования. По распоряжению Николая, желавшего уяснить причины восстания декабристов, Пушкин написал записку, так и не увидевшую свет при жизни поэта. По прочтении Николай соизволил глубокомысленно на ней начертать: «...Нравственность, прилежное служение, усердие предпочесть должно просвещению... безнравственному и бесполезному»**.

О вреде элементарной грамоты для русского народа порой высказывались люди весьма достойные, чье мнение немало значило в обществе. Вот суждение классика: «Учить мужика грамоте затем, чтобы доставить ему возможность читать пустые книжонки... есть действительно вздор. Главное уже то, что у мужика нет вовсе для этого времени... Народ наш не глуп, что бежит, как от черта, от всякой письменной бумаги... По-настоящему ему не следует и знать, есть ли какие-нибудь другие книги, кроме святых»***. И действительно, народ считал «чтение грамоты между смертными грехами»****. В итоге «грамотным ко времени освобождения крестьян было менее 10% населения»*****.

В 1850 году во всех университетах России училось всего 3018 студентов. При утверждении программ курсов требовалось, чтобы в лекциях «не было ничего, не согласного с учением православной церкви». Министр народного просвещения князь Ширинский-Шихматов был убежден: «Польза философии — не доказана, а вред от нее возможен». «Впредь все науки должны быть основаны не на умствованиях, а на религиозных истинах, связанных с богословием. И потому преподавание философии было прекращено, а преподавание логики и психологии возлагалось на профессоров богословия»*****.

* Н.М. Карамзин *Записки о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях*. Интернет-ресурс.

** А. Гудзенко. *Русский менталитет*. — М.: АиФ-Принт, 2003. — С. 120.

*** Н. Гоголь. *Русский помещик*. // *Собр. соч.* — М.: Русская книга, 1994. Т. 6. — С. 127–128.

**** М.М. Сперанский. *Портреты и записки*. — М.—Л., 1963. — С. 45.

***** Б.С. Пушкарев. *Две России XIX века. 1917–1993*. — М.: Посев, 2008. — С. 18.

***** *Высшее образование в России. Исторический очерк*. Под ред. В.Г. Кинелева. — М.: НИИВО, 1995. — С. 84–86.

Известный историк С. Соловьев писал: «Начиная с Петра и до Николая просвещение всегда было целью правительства. Век с четвертью толковали только о благодетельных плодах просвещения, указывали на вредные последствия невежества в суевериях. По воцарении Николая просвещение перестало быть заслугой, стало преступлением в глазах правительства»*.

Десятилетия спустя, русский писатель и философ Ф. Степун напишет о попечении умственного развития народа: «Народ вплоть до революции был огражден от влияния культуры не только исторически сложившимся убожеством своих хозяйственных форм, но сверх того, еще и просветительской политикой власти, стремившейся по своим корыстно-династическим соображениям держать Россию в темноте. В результате, при слабости русской буржуазии и “догнивающим на корню дворянстве”, решающую роль в революции сыграло культурно никак не воспитанное, культурно бесформенное... убогое... определенно религиозное мужичье сознание»**.

*Николай I: ...Нравственность,
прилежное служение, усердие
предпочестъ должно просвещению...
безнравственному и бесполезному*

Общественная атмосфера

Анна Тютчева, дочь поэта, — фрейлина Марии Александровны, супруги наследника престола, а затем императора Александра II, — выразительно обрисовала общественную атмосферу, насаждаемую императорским двором в тридцатилетнее правление Николая I. По мнению Тютчевой, император «был Дон-Кихотом самодержавия, Дон-Кихотом страшным и зловредным, потому что обладал всемогуществом, позволявшим ему подчинять все своей фантастической и устарелой теории и попирает ногами самые законные стремления и права своего века. От своего народа он требовал безусловную пассивную покорность...

Повсюду вокруг него в Европе под веянием новых идей зарождался новый мир, но этот мир индивидуальной свободы и свободного индивидуализма представлялся ему во всех своих проявлениях лишь преступной и чудовищной ересью, которую он был призван побороть, подавить, искоренить... Отсюда в исходе его царствования всеобщая глубокая деморализация всех разрядов чиновничества, безвыходная инертность народа в целом.

* С.М. Соловьев. *Мои записки для моих детей, а может быть и для других.* — СПб., 1914. — С. 114.

** Ф.А. Степун. *Мысли о России.* // *Новый мир*, № 6, 1991. — С. 223–224.

Николай нагромоздил вокруг своей бесконтрольной власти груды колоссальных злоупотреблений, тем более пагубных, что извне они прикрывались официальной законностью, и ни общественное мнение, ни частная инициатива не имели права на них указывать, ни возможности с ними бороться»*.

Поражение в Крымской войне (1853–1856 гг.) наглядно продемонстрировало техническую и социально-экономическую отсталость Российской империи.

Вскоре после окончания Крымской войны (в августе 1856 г.) Тютчева запишет в своем дневнике: «Я не могла... не задавать себе вопроса, какое будущее ожидает народ, которого высшие классы проникнуты глубоким растрепанием благодаря роскоши и пустоте и совершенно утратили национальное чувство и особенно религиозное сознание... Низшие же классы погрязают в рабстве, в угнетении и систематически поддерживаемом невежестве»**. Дальнейший ход истории наглядно продемонстрировал: опасения фрейлины были более чем правомерны.

Славянофилы: откуда, куда и почему?

При чтении подобных свидетельств современников о характере социально-властных отношений первой половины отечественного XIX века возникают естественные вопросы. Как в этой общественной атмосфере оказались возможны представления славянофилов — интеллектуалов своего времени — о той выдающейся роли, роли интеллектуального и духовного лидера Европы, которую они в обозримом будущем пророчили России? О том, что именно России предстоит вести за собой европейские народы?

Каким образом архаика многомиллионного населения, о котором К. Кавелин писал: «огромная, несметная масса мужиков, не знающих грамоте, не имеющих даже зачатков религиозного и нравственного наставления»***, могла, в представлении славянофилов, трансформироваться в потенциал общеевропейского духовно-нравственного обновления?

Выразительны наблюдения посла Франции в предреволюционной России М. Палеолога: «Социальный строй России проявляет симптомы грозного расстройств и распада. Один из самых грозных симптомов — та пропасть, которая отделяет высшие классы русского общества от масс. Никакой связи между двумя этими группами; их разделяют столетия»****.

Чему могла научить европейцев Россия, не освоившая, как показал XX век, ни идеалов христианского гуманизма, ни идеи права, ни идеи

* А. Ф. Тютчева. *При дворе двух императоров*. — М.: Мысль, 1990. — С. 34–36.

** Там же, с. 146–147.

*** К. Д. Кавелин. *Собр. соч. в 4 томах. Т. 1*. — СПб., 1897. — Стлб. 154.

**** М. Палеолог. *Царская Россия во время мировой войны*. — М., 1990. — С. 31.

Эрвин Вурм. НЛО. 2006

развития? Малочисленные образованные группы российского общества создали величайшую культуру, всемирно признанную русскую литературу. Однако это оказалось отнюдь не тождественно освоению этой же культуры многомиллионным народом России. И потому закономерно, что выдающаяся отечественная гуманистическая литература XIX века не оказала существенного гуманизирующего влияния на российский XX век.

Славянофилы надеялись, что Европа добровольно признает «превосходство» России? И это после того, как из группы юношей, посланных Борисом Годуновым в Европу для обучения, не вернулся ни один? Или, как позднее писал Г. Котошихин: «Для науки... в иные государства детей своих не посылают, страшась того: узнав тамошних государств веры и обычаи и вольность благую, начали б свою веру отменять и приставать к другим и о возвращении к домам своим никакого бы попечения не имели и не мыслили...»*.

Приведенные соображения неизбежно приводят к вопросу о том, какие методы, способы, приемы видели и намерены были использовать славянофилы для того, чтобы неграмотная Россия убедилась, суме-

* *О России в царствование Алексея Михайловича. Сочиненье Григория Котошихина. Изд. 4-е. — СПб., 1906. — С. 53.*

ла убедить в своем превосходстве, более образованную, культурно и технически продвинутую, но, по мнению славянофилов, «загнивающую» Европу? Не оставляющие сомнений ответы дают сами носители идеи «особой исторической судьбы», особого предназначения России. Осмысливая носившиеся в общественной атмосфере идеи панславизма, Тютчев напишет:

*Москва, и град Петров, и Константинов град —
Вот царства русского заветные столицы...
Но где предел ему? и где его границы —
На север, на восток, на юг и на закат?
Грядущим временам судьбы их обличат...*

*Семь внутренних морей и семь великих рек...
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная...
Вот царство русское... и не пройдет вовек,
Как то предвидел Дух и Даниил прорек.*

Едва ли можно усомниться, что подобные соображения об особой миссии России, ее особом историческом пути опирались на патриотические воспоминания о военных успехах России со времен Петра I и в том числе о победоносных русско-турецких войнах времен Екатерины II. Однако в XIX веке никакие государства: ни на Ганге, Ефрате или Босфоре, ни даже на Эльбе и Дунае — уже не изъявляли желания добровольно войти в состав Российской империи. И если принять во внимание действия России в Царстве Польском, то единственным практическим способом основать всеславянское православное царство со столицей в Константинополе оставалась военная экспансия. Отнюдь не случайно известный историк М. Погодин вопрошал: «Может ли кто состязаться с нами и кого не принудим мы к послушанию? Не в наших ли руках судьба мира, если только мы захотим решить ее?»*.

Подлинным идеологом вселенского превосходства русских был гениальный Достоевский. Устами Шатова, одного из героев «Бесов», он заявил: «Если великий народ не верует, что в нем одна истина (именно в нем одном и именно исключительно), если не верует, что он один призван всех воскресить и спасти своею истинной, то он тотчас же перестает быть великим народом и тотчас же обращается в этнографический материал... Истинный великий народ никогда не может примириться со второстепенною ролью в человечестве и даже с первостепенною, а непременно и исключительно с первою... Но истина одна, а стало быть, только единый из народов может иметь Бога истинного... Единый народ-богоносец — русский народ»**.

* М.П. Погодин. Сочинения, т. 4, б.д. — С. 7.

** Ф.М. Достоевский. Собр. соч. в 30 томах. Т.10. — Л.: Наука, 1974. — С. 199–200.

Правда, в дальнейшем представления о русском народе как народе глубоко и искренне приверженном православию, носителе высокой нравственности и духовности подверглись переосмыслению. По мнению академика Ю. Пивоварова, реально столкнувшись с целым рядом «коренных исторических черт, психологических комплексов, утопий и пр. русского человека», интеллигенции пришлось сполна убедиться в «невысоком моральном качестве русского народа»*.

Отмеченное устойчивое воспроизводство нежизнеспособных утопий нуждается в объяснении. Одно из возможных связано с многовековым опозданием России с учреждением университетского образования.

Ректор Московской выс-

шей школы социальных и экономических наук, англичанин Т. Шанин в одном из своих выступлений отметил: «Одной из особенностей России, которая особенно видна мне как иностранцу, является та мера, в которой российская интеллигенция думала через литературу — больше через литературу, чем через социальные науки. В XIX веке очень многое из того, что в англосаксонских странах определялось через социальные науки: социологию, экономику и так далее, в России определялось через русскую литературу»**.

*Представления о русском народе
как народе глубоко и искренне
приверженном православию, носителе
высокой нравственности и духовности
подверглись переосмыслению*

Республика Советов — модификация идеи Третьего Рима

Казалось бы, итог идейному развитию славянофильства указал еще В. Соловьев, утверждавший: «Глубочайшей основой славянофильства была не христианская идея, а только зоологический патриотизм... делающий из нации предмет идолослужения»***.

Однако идее «особого пути России» предстояла еще не одна метаморфоза. Потерпев неудачу в реализации мессианской идеи в ее имперско-православной ипостаси, средневековая концепция «Москва — Третий Рим», совершив очередную мутацию, возродилась в социалистической версии: «Советский народ — авангард прогрессивного человечества; строитель коммунизма — светлого будущего всего человечества».

Все семьдесят четыре года диктатуры «пролетариата» пришедшая к

* Ю.С. Пивоваров. *Истоки и смысл русской революции. // Правовая и политическая культура России: прошлое, настоящее, будущее.* — Новосибирск: СИБАГС, 2008. — С. 62, 56.

** Т. Шанин. *Лекция «История поколений и поколенческая история России».* Прочитана 17 марта 2005 г. в дискуссионном клубе интернет-портала «Полит.ру», www.polit.ru/lectures/2005/03/shanin.html

*** В.С. Соловьев. *Соч. в 2 томах. Т. 1.* — М.: Изд-во «Правда», 1988. — С. 630–631.

власти контрэлита принудительно насаждала в обществе мифологическое сознание. В сопровождении то искреннего энтузиазма, то массового террора и постоянной угрозы государственного насилия выходцы преимущественно из маргинальных слоев вели многомиллионный народ России от утопии к утопии: ожидание мировой революции — построение социализма — созидание коммунизма — и... вновь социализма, но уже с человеческим лицом. История все эти социальные проекты отвергла. Беспрецедентный случай: советская сверхдержава рассыпалась в условиях мирного времени, в отсутствие критически значимых внешних угроз, защищенная мощным ракетно-ядерным потенциалом и обладая неоспоримым государственным суверенитетом. С тяжестью и остротой внутренних проблем не справилась ее политически-монополярная система управления. Мифологическое сознание мстит беспощадно.

Крах советского социалистического проекта наглядно засвидетельствовал: никакого духовного импульса со стороны России, как о том грезили славянофилы, Европа не получила. Более того, уже к концу XX века претензии на «особость» выглядели крайне двусмысленно. Россия проходила и проходит те же исторические этапы, что и другие европейские страны: период удельной раздробленности, создание централизованного государства; утверждение и ликвидация крепостного права; переход от аграрного общества к индустриальному; урбанизация; секуляризация; ликвидация неграмотности и создание системы высшего образования; массовое овладение технико-технологическими знаниями; создание современных средств коммуникации и т.п.

«Особость» российского пути проявляется в основном в стремлении уклониться от общеевропейской траектории исторического развития, в периодической потере темпа развития и сваливании в ловушку застоя. К реформам приступали с большим опозданием и нередко после военного поражения. С учреждением университетского образования в сравнении с Европой опоздали на многие столетия; реформы носили половинчатый, а потому затянутый характер. Неграмотное население новшеств опасалось и намерениям реформаторов противилось. Провозглашенных целей реформы, как правило, не достигали, и через весьма непродолжительное время — 30–35 лет «отстающего развития» — вновь возникала потребность в «догоняющей модернизации». Фактически в России сформировался двухтактный исторический цикл: «рывок — застой». И если до середины XX века он обеспечивал нашей стране пребывание в числе мировых лидеров, то начиная с 1970-х годов Россия все дальше откатывается на мировую периферию. Реформаторам, будь то имперская бюрократия, большевики или постсоветские радикал-либералы, ни разу не удалось запустить самоподдерживающийся процесс технико-технологической и социально-экономической динамики, обладающий эффективной внутренней мотивацией и необходимой устойчивостью.

Фабрис Ибер. Ибермаркет. 1995

Куда идти и что делать?

Семь десятилетий социальной некомпетентности, принудительно поддерживаемой коммунистическим режимом, не прошли бесследно. К концу XX века даже образованные люди России имели по преимуществу неадекватные представления о советском обществе и возможных пределах его трансформации. И потому абсолютно большая часть российской, постсоветской интеллигенции оказалась политически незначима. Реалии постсоветской России наглядно продемонстрировали: дезориентированная и политически аморфная массовая интеллигенция очень быстро утратила способность влиять на ход событий и политику властей. Социальная мифология, деформируя не только массовое сознание, но и сознание образованных групп, не проходит бесследно. Эпоха строительства коммунизма, начатая циничным лозунгом «Грабь награбленное», закономерно завершилась масштабным ограблением самих строителей коммунизма. Социально-экономические результаты преобразований убедительно свидетельствуют: постсоветская бюрократия, за ширмой демократических лозунгов, осуществила реформы в интересах собственного обогащения, успешно заместив ими интересы национального развития при полной беспомощности общества, в том числе его образованных групп.

В очередной раз подтвердился известный тезис политических наук: социальные группы, неспособные сформулировать отчетливую поли-

тику в защиту своих интересов, неспособные сформировать организационные структуры для реализации этой политики, неизбежно оттесняются на социальную обочину, подвергаются эксплуатации и деградируют. Именно это и произошло с массовой российской интеллигенцией.

Стремясь сохранить элементарно приемлемый жизненный уровень и неспособная в силу общественно-политической разобщенности про-

тивостоять аморализму, транслируемому с верхних этажей социальной пирамиды, массовая интеллигенция встала на путь негативной адаптации. Об этом свидетельствуют поборы в средней школе, системе медицинского обслуживания и в святая святых интелли-

В постсоветской России дезориентированная и политически аморфная интеллигенция утратила способность влиять на ход событий и политику властей

генции — в отечественной высшей школе. Кто же в таком случае может и должен предложить массовым слоям населения образцы социально одобряемого поведения, более того — общественные идеалы?

Что могут предъявить обществу в качестве результатов своей профессиональной деятельности носители социогуманитарного знания? Политическая культура населения находится на крайне низком уровне; общая культура и образование деградируют; правосознание — не воспитано; способность к самоорганизации, созданию структур гражданского общества и цивилизованным солидарным действиям — в зачаточном состоянии; взаимное доверие людей — и оно существенно ниже, чем в европейских странах; историческая ответственность за общенациональное будущее большинством населения отторгается; духовность, понимаемая как гуманистические идеалы и ценности, также массово не освоена. Более того, результаты постсоветских реформ отчетливо свидетельствуют: социогуманитарной интеллигенции не удалось вырастить высокоинтеллектуальную национальную административно-политическую элиту, способную взять на себя ответственность за историческое будущее России в XXI веке.

Отсюда — настоятельная задача российской интеллигенции, и прежде всего ее социогуманитарной корпорации: наращивание рационального знания о российском социуме и настойчивая трансляция этого знания в общество. В связи с этим возникает проблема качества социогуманитарного знания, предлагаемого студенческой аудитории. Нередко это так называемые политтехнологии, использование которых в обществе полуархаичной политической культуры неизбежно вырождается в манипулирование профанным сознанием. Однако никому и нигде не удалось утвердить демократию в отсутствие необходимого множества демократически мыслящих граждан. В XXI веке в

Кадер Аттия. Без названия. 2006

стенах высшей школы студенты должны получать не только актуальные знания для решения технических проблем.

В этом контексте уместно привести слова М. Сперанского: «Самые благотворные усилия политических перемен нередко сопровождаемы неудачами, когда образование гражданское не предуготовило к ним разум». Судя по результатам постсоветских трансформаций, за прошедшие 200 лет мы не слишком преуспели. И потому необходимо, чтобы студенты получали знания, позволяющие рационально-критически осмысливать сложнейшие общественно-политические проблемы современной России. Со студенческой скамьи молодежь должна отчетливо знать: без реальной политической конкуренции невозможно создать эффективную систему стратегического национально-государственного управления, а потому и обеспечить поступательное, восходящее развитие общества.

Современная ситуация внушает немалые опасения. Аналитический доклад Института комплексных социальных исследований РАН, одного из центров отечественной социологии, начала 2000-х годов зафиксировал: воспитывать у детей демократические ценности считают важным лишь в 1% современных российских семей, а формировать гражданственность и убеждения — менее чем в 7% семей*.

* *Богатые и бедные в современной России. Аналитический доклад ИКСИ РАН. — М., 2003.*

С начала постсоветской трансформации прошло без малого 20 лет. Ежегодно высшая школа выпускает порядка миллиона специалистов. Многим из них прочитаны курсы политологии, социологии, отечественной истории, права, культурологии... Полки книжных магазинов ломятся от учебной, аналитической и публицистической литературы. Казалось бы, студенческая молодежь должна нести в жизнь гражданское самосознание. Однако на излете второго десятилетия реформ апатичное общество, понукаемое «элитами», вновь послушно и безропотно повернуло в привычную, исторически тупиковую авторитарную колею. Теоретически были возможны и другие сценарии трансформации, однако, в соответствии с принципом Лейбница, «для иного развития событий не оказалось достаточных оснований». И одно из таких отсутствующих оснований — уровень отечественных социальных наук и производное от него качество социогуманитарной подготовки выпускников высшей школы. Дезориентация вузовской интеллигенции влечет за собой особо тяжелые последствия.

Архаика отечественной политической культуры не может не вызывать опасений. Анализируя причины, повлекшие гибель российской многопартийности в начале XX века, исследователи констатируют глубокую аналогию современным реалиям: отсутствие массовой социальной базы политических партий. Партии не стали реальным фактором политической жизни. Вместо многопартийности вновь возникла мелкопартийность. Лидеров партий отличала та же характерная неспособность и нежелание находить компромиссы с целью создания устойчивых политических союзов*.

В этом контексте представляет интерес сравнение российской *интеллигенции* и западных *интеллектуалов*. В общественном мнении России широко распространено представление, согласно которому коренное отличие названных групп состоит в том, что интеллигенция озабочена проблемами общества, а интеллектуалы — лишь собственным благополучием. Однако это не соответствует действительности. Интеллектуалы Запада, совместно с представителями других социальных групп, сумели создать сильные, влиятельные политические партии. Это позволяет им активно влиять на формирование законодательства, продвигая в него общественно-значимые интересы, и тем самым обеспечивать решение актуальных проблем социума, поддерживать макросоциальный баланс интересов, а потому и социально-политическую стабильность общества. Российской интеллигенции еще предстоит освоить этот общедемократический образ мысли и действия.

Ключевский предупреждал: отечественная история, в сущности, не учит ничему; она только наказывает за невыученные уроки.

* См.: Л. Сморгунов, В. Семенов. *Политология*. — Спб., 1996. — С. 170–171.

Две параллельные реальности

Современных россиян, вслед за традиционными вопросами «кто виноват?», «что делать?» и «какой счет?», все больше интересует «что будет в 2012 году?»: произойдет ли политический развод или «тандем» продолжит свое существование. Этот вопрос вписывается в более широкий контекст, поскольку раздвоением личности в России страдает не только руководство, но и общество.

Исследования российской действительности, научное и журналистское, говорят о том, что Россия живет в двух реальностях. Официальной реальностью, на мой взгляд, управляют оба наших руководителя. Они управляют с помощью законов, которые принимают Государственная дума и Совет Федерации. Они управляют с помощью налогов, которые собирают с той части населения, с которой налоги можно собрать. Они управляют бюджетниками и пенсионерами, с помощью государственного бюджета и пенсионного фонда, и в бюджете пенсионного фонда большой дефицит. Все это страна № 1.

Социальная структура России такова, что, наверное, все же большая часть граждан занимается «отхожими промыслами», работая в тех сферах, куда не доходят налоговые инспекции. В альтернативной реальности отношения с официальными властями, например с милицией, сводятся к откатам и откупам. С помощью этих механизмов функционирует отечественный малый бизнес, который не интересуют государственные проблемы, законы, налоги и бюджет. Если поговорить со среднестатистическим предпринимателем, станет понятно, что для него гораздо важнее найти свое «единое окно». В теории система единого окна призвана бороться с бюрократией и взяточничеством, но на практике в роли такого окна выступает авторитетный бандит, который «опекает» данную территорию и имеет хорошие отношения с администрацией, инспекциями и прочими заинтересованными лицами.

*Андрей Колесников,
независимый журналист,
публицист*

Просто важно платить не нескольким организациям, а одному человеку.

Если бизнесмен находит свое «одно окно», он знает, куда платить, и уверен, что его всегда защитят от любых наездов любых структур. После чего появляется возможность работать. Примерно так выглядит страна № 2, вторая реальность. Конечно, две наши страны то и дело пересекаются. Например, армия — это официальный институт страны № 1, который ведет войну с мужским населением страны № 2. Но поскольку российский человек продолжает думать, что реальность на всех одна, в соцопросах он отвечает: «Да, в армии нужно служить». А когда спрашивают того же человека, готов ли он отпустить своего ребенка на службу в армию, говорит: «Нет».

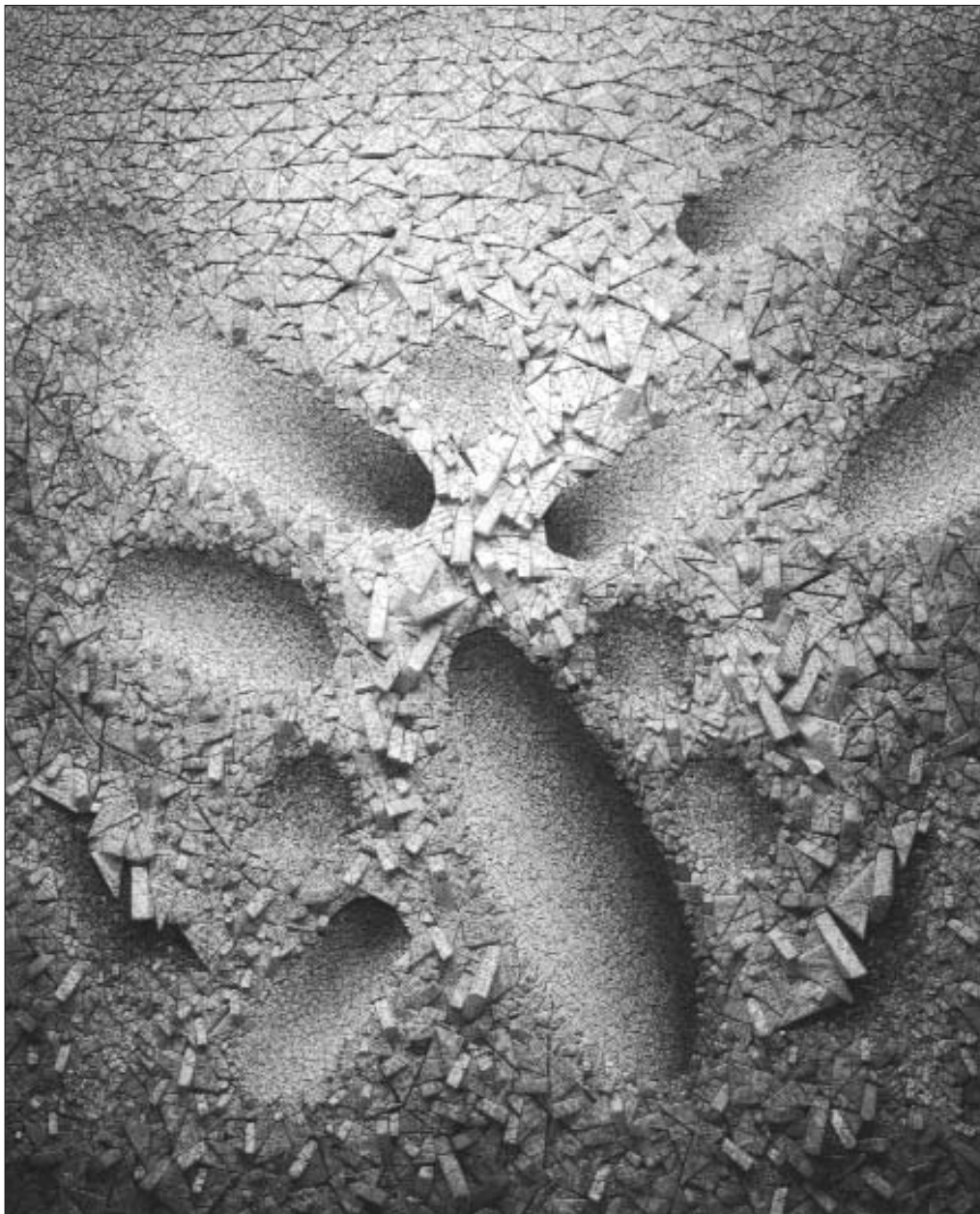
Российский обыватель склонен гордиться своей страной, заботиться о ее репутации, доверять государственным институтам. Но на деле он противится стране № 1. Он не хочет служить в армии и платить налоги, потому что не получает качественные услуги от государства взамен. Соответственно социальный контракт власти с обществом не выполняется ни одной из сторон. Именно поэтому у нас получаются две страны, две параллельные реальности. Первая страна пытается управлять страной № 2, чтобы больше людей легализовалось, служило в армии и платило налоги. Для этого в основном используются два традиционных инструмента: — официальная история, которая призвана возбуждать патриотические чувства. Все, что в нее не вписывается, объявляется фальсификацией, с помощью специально созданной комиссии; — официальная религия. Иными словами, православие, которое сейчас навязывается высшей властью. Иногда кажется, что страной правит не дуумвират, а триумвират — Путин, Медведев и патриарх Кирилл, который, на самом

деле, в этом тройственном союзе играет роль отдела пропаганды.

Эти методы работают с переменным успехом. Все же у первой, официальной, страны нет такой свободы действий, какая была у Сталина. Страна № 1 не может держать страну № 2 в страхе и массово проливать кровь, чтобы подчинить граждан. Пусть небольшая часть населения выезжает за границу, но это уже критически важная часть, которая готова бороться хотя бы за это свое право.

С другой стороны, общественное недовольство не переходит точку возврата. Даже в условиях кризиса цена на нефть остается достаточно высокой. Государственный бюджет, несмотря на дефицитность, выполняется неплохо, и власть относительно справляется со своими социальными обязательствами. Но страна № 2 перестала участвовать в мероприятиях страны № 1. Выборы, а это мероприятие первой страны, все больше теряют какое-либо значение и смысл. Политика вытесняется в альтернативную реальность. Интернет становится средством политической мобилизации, средством демократизации, средством общения. И первая реальность сама путается, где границы дозволенного. Команда управления по внутренней политике Кремля не совсем понимает, что разрешить или запретить, что усилить, а где ослабить. В той части власти, которая занимается идеологией и пропагандой, то есть попытками управления головами людей, эти колебания весьма серьезные, вплоть до истерик. Граждане, которые хотят знать новости и понимать, что эти новости означают, имеют такую возможность. Это аудитория «Коммерсанта» и «Ведомостей», «Новой газеты», сайтов «Газета.Ru», «Слон.ru», журналов «Forbes» и «New Times»...

Если человек имеет потребность высказываться, он может завести собствен-

Кван Юн Чун. Структура. 2006

ный ЖЖ и там выражать собственное мнение и спорить до хрипоты. Профессиональные СМИ все больше рекрутируют ЖЖ-журналистов и активных блогеров. А когда iPad проникнет в Россию и наиболее передовые наши издания начнут верстаться под него,

вообще никакие силы не смогут остановить распространение информации. По некоторым данным, средний пользователь iPad читает новости 60 минут в день. Это новые люди с новым мышлением. Даже сейчас в официальные новости проникает некая свободная

мысль. По той причине, что в первой реальности есть люди, которые мыслят-то правильно. Просто многие из них предпочитают встраиваться в нынешний истеблишмент и жить с раздвоенным сознанием. То есть подчиняться существующему порядку, а в кухонных разговорах ругать его. По-моему, скоро дойдет до того, что у себя на кухнях Медведев с Путиным станут ругать свой режим, настолько им самим все это надоело.

Политический строй ельцинского типа, при всех его недостатках, сохранял элементы процедур традиционной демократии, каналы обратной связи и некое единение власти и народа. Переход к суверенной демократии начался в 2003 году, после выборов, которые проиграли либералы, после ареста Ходорковского и после того как Владимир Путин определился с тем, какой вид управления ему ближе. Страна действительно управляется вручную, словно иначе нельзя решить ни один вопрос. Не работают институты, значит, работает Путин. Не позавидуешь человеку, но он привык и, возможно, не ощущает, что можно работать по-другому.

Часть экономической элиты, которая делала либеральную реформу начала 1990 годов, осталась у власти, и ее представления о том, как надо управлять экономикой, распространились на уровень заместителей министров, начальников департаментов, ведущих предпринимателей. Логика такого экономического управления, например создание Стабилизационного фонда, спасла Россию от тяжелых последствий кризиса. В какой-то степени эту логику понимает и Путин, иначе Кудрина давно бы не было в министерском кресле. Но, как и любой политик, Путин предпочитает опираться на «своих». Эти люди устроили второй передел собственности в стране. Они сделали так, что он фактически

оказался их заложником. Может быть, Владимир Владимирович и хотел бы уйти на покой, но нельзя. Потому что огромное число людей останется без работы и без активов. Силовики играют отрицательную роль в жизни страны и будут ее играть довольно долго. В большей степени, конечно, те изменения, которые должны быть в стране, касаются политической модели.

Российский авторитаризм теряет нити управления и все больше напоминает бумажного тигра. Люди из первой федеральной реальности страшатся региональных нюансов. Они столько лет не трогали Лужкова: «вдруг хуже станет?». Пример Чечни и Кадырова показывает, что Кремль напуган возможной неуправляемостью в этом анклав настолько, что отдает огромные деньги. Федеральная власть своими руками создала серьезную проблему, которая может отозваться самым трагическим образом. Иногда мне кажется удивительным, что при существующем недоверии и уровне агрессии люди не совершают преступлений среди бела дня. По-моему, этот феномен не поддается исследованию. Некая самоидентификация с Россией, словно невидимая клейкая масса, не позволяет развалиться стране и, что важнее, человеческому обществу. И народ не склонен к стихийному массовому протесту. Опасность современной политической ситуации в том, что невозможно предсказать, каким образом она будет меняться. И выдержит ли экономика предел неэффективности политической системы? Как долго она может быть неэффективной? Советский Союз был неэффективным долго. Поэтому сложно определить точную дату революции сверху или снизу.

В первой реальности понимают, что нельзя бездействовать. Отсюда и курс на

модернизацию. Но он не спасет страну. Как не спасли АвтоВАЗ гигантские денежные вложения. АвтоВАЗ, между прочим, это своего рода Сколково, только 1970 года выпуска. Рассказывают, что первая партия «Жигулей» получилась очень качественная, потому что фактически была итальянской. Наверняка история повторится. С конвейера Сколково сойдут несколько интересных гаджетов, но ожидать от него экономического прорыва и конкурентоспособности не стоит.

Реформа милиции еще более рискованное предприятие. Если сократить ряды сотрудников МВД, безработными станут молодые люди со своеобразным «криминальным» сознанием. Пока они хоть носят форму, ходят на работу, подчиняются начальству. С другой стороны, у грузин же с полицией получилось. Может, и нам с этого начать? Но тогда надо буквально выстраивать всю систему заново.

Собственно, пафос моих заметок в том, чтобы объединить две реальности. Дмитрию Медведеву имело бы смысл заняться этим, если не сейчас, то, может быть, в следующем президентском сроке. Обратная связь — это способ соединения частей, а не разъединения их, а формальные демократические институты все же эффективней неформальных.

Я думаю, что демократия более или менее начнет наступать тогда, когда Дмитрий Анатольевич отпустит Ходорковского. Можно утверждать, что суд обвиняет, адвокаты защищают, а президент не имеет к судебному процессу никакого отношения. Имеет! Сама атмосфера в стране влияет на приговоры суда и судейские мозги.

Думаю, что Медведев всерьез этим

заниматься не будет, а удовлетворится своим маленьким вольером с условным названием «Сколково». Отчасти это парадоксальным образом связано с тем, что Дмитрий Анатольевич порядочный человек. У него есть договоренность с Путиным о неприкосновенности последнего.

Опасность современной политической ситуации в том, что невозможно предсказать, каким образом она будет меняться

венности последнего. И эта порядочность очень дорого стоит стране. Потому что Дмитрий Медведев по своему уму, ментальности, происхождению, возрасту может что-то в этой стране поменять.

Но даже если сейчас провести свободные выборы, скорее всего, победят те же политические фигуры, которые были в нулевые годы. Народу не хватает понимания ситуации. Ему необходимо время, чтобы а) заинтересоваться политикой, б) разобраться в политическом ландшафте.

Соответственно, и особого ажиотажа не должно быть вокруг предстоящих выборов. Потому что реальной конкуренции в 2012 году ожидать не стоит. Выбор невелик — Путин или Медведев. А почему бы не быть Путину и Медведеву одновременно в той же самой конструкции, в которой они существуют сегодня? Кто или что мешает Дмитрию Анатольевичу оставаться президентом, а Владимиру Владимировичу оставаться премьер-министром еще на один срок? Но тогда ничего, собственно, в стране № 1 не изменится и две параллельные реальности продолжат все дальше и дальше дистанцироваться друг от друга.

Светлана Бабаева,
шеф бюро «РИА Новости»
в США

Цена бесценности

Современная Россия за 20 лет постсоветского развития не обрела ответа на вопрос, какой она хочет видеть себя. У нее нет ориентиров и ценностей существования. Такое состояние может длиться долго, но приводит оно, как показывает опыт, либо к социальному потрясению, либо к социальной деградации.

Страна возвышает голос, когда речь заходит о том, какой она хочет, чтобы ее видели другие. Ей не нравится, когда она не нравится другим. Надо, «чтобы уважали», иногда «чтобы боялись», «чтобы считались». Иными словами, России предначертано быть сильным государством, имеющим голос в мировых делах, доминирующим на евразийском пространстве или значительной его части и окруженным поясом дружественных и предсказуемых соседей.

Однако определенные геополитические отношения во многом есть следствие того, как построено государство. Что оно считает непреложными ценностями, какие цели преследует и какими возможностями располагает, что, в свою очередь, отражается на том, какую политику оно проводит вовне и как ее воспринимают другие. Как определял это американский историк Артур Шлезингер, «в каждой фазе внутреннего цикла национальный интерес формулируется согласно присущим этой фазе ценностям. В каждой фазе внешняя политика используется для продвижения этих ценностей за рубеж»*. Соответственно, успешность такой политики зависит и от привлекательности этих ценностей для других.

Таким образом, внутренние ценности первичны. Но именно здесь Россия демонстрирует отсутствие убеждений. Как говорил один из героев Достоевского в романе «Идиот», «богатства больше, но

* Артур М. Шлезингер. Циклы американской истории. Пер. с англ. — М.: «Прогресс-Академия», 1992. — С. 73

силы меньше — связующей мысли не стало». За период, прошедший с момента крушения системы советских приоритетов и ориентиров, Россия не только не сформировала, но даже не подошла к осознанию необходимости формирования структуры норм и моральных установок общества. Возможно, первопричиной является тот факт, что у сегодняшней России нет ответа на вопрос, какой она хочет быть. Вместо этого концентрация происходит на двух составляющих, которые, несомненно, важны, но не могут обеспечить осознанного будущего, поскольку не являются качественным настоящим.

Первый опорный камень национальной идентификации — достижения прошлого. Великая держава,

победившая в самой страшной войне человечества, сделавшая технологический рывок и прорвавшаяся из аграрного состояния в мировые индустриальные лидеры, все эти успехи XX века в настоящее время, как это ни парадоксально, тормозят развитие страны, а не помогают ему.

Постоянная апелляция к достижениям прошлого лишает Россию возможности видеть в реальном свете настоящее, что, в свою очередь, создает расплывчатые представления о будущем, поскольку оно не достигается путем простых экстраполяций свершенного.

Вторая особенность и одновременно трудность идентификации — Россия слишком увлечена процессами, ей недостает видения того, что она хочет получить в итоге. Эти процессы повсеместны, с разной степенью интенсивности и масштабности они запускаются в разных сферах, но не доводятся до стадии получения и осознания результатов с тем, чтобы понять, сколь предпринятое оказалось эффективным, куда двигаться дальше и необходимо ли корректировать последующие шаги.

К примерам такого подхода можно отнести программу борьбы с коррупцией, заявленную больше двух лет назад, но так и не имеющую ни понятных обществу качественных или количественных критериев, ни осязаемых обществом промежуточных результатов. Это и нацпроект «Здоровье», позволивший в период его осуществления построить некое количество медицинских центров и переоборудовать имеющиеся, но так и неизвестно чем закончившийся, поскольку он изначально не обозначал, что нация должна получить на выходе. То ли это рост продолжительности жизни, то ли сокращение смертности от определенных болезней, то ли время подъезда карет «Скорой помощи», то ли наличие врача в радиусе, скажем, 10 километров независимо от того, в какой точке страны проживает пациент.

Часто создается впечатление, что рождающиеся национальные приоритеты носят прямо-таки спазматический характер. Возникла тема здоровья, и все бросились что-то создавать вокруг системы здравоохра-

*Постоянная апелляция к достижениям
прошлого лишает Россию возможности
видеть в реальном свете настоящее,
создает расплывчатые представления о
будущем*

нения, не поменяв саму ее суть, включая главное — доступность и качество услуг. Затем возникла идея построения инновационного общества, которая, что печально, довольно быстро свелась к особому правовому и финансовому режиму для Сколково. Все эти порывы не выглядят ни продуманными, ни качественно проработанными. А главное, не создается ощущения, что они базируются на готовности общества следовать этим порывам.

Оттого заявленное, несомненно, насущное дело выглядит как декларативная программа, задуманная скорее под политические, чем под социальные цели. К таковым начинаниям можно отнести и стройки века в Сочи, и много лет ведущиеся разговоры про необходимость строительства трассы Москва — Петербург, не говоря уже о других ключевых артериях, обеспечивающих единство страны.

Эффективное достижение цели, единолично поставленной сверху, возможно лишь в тоталитарной системе, основанной на страхе невыполнения приказаний. Лишь там достигим, по выражению Гарсиа Маркеса, «прогресс в рамках порядка» («Осень патриарха»), да и то, как показал опыт Северной Кореи, Кубы или Советского Союза, далеко не всегда и не во всем. Такая страна по-прежнему сохраняет отсталую экономику, неэффективную управленческую систему, неуважение к ценности человеческих прав и даже жизни. Современную Россию даже со всеми ее «особостями» никак не отнести к тоталитарной, только осознание насущности задачи значительной и креативной прослойкой общества способно обеспечить ее выполнение.

Формальная, чисто внешняя вовлеченность в программы тысяч чиновников, бизнесменов и менеджеров, миллиардов долларов и тонн бумажных отчетов создает эффект занятости и работы над чем-то чрезвычайно важным. Однако в отсутствие критериев эффективности и понимания, ради чего и кого все это делается, создается скорее впечатление имитации настоящего дела. Кроме того, когда неизвестны цели и границы дозволенного обществом и обществу, невозможно говорить и об инструментах достижения этих целей.

Программы страны должны содержать четкие шаги, понятные средства и иметь ясные промежуточные и конечные критерии, а не расплывчатые лозунги про будущее. Кант называл людей, занятых делом без серьезной цели, «деловитыми тунеядцами»*. Возможно, это слишком жесткое определение, и его уместно дополнить словами из культовой когда-то песни («Скованные одной цепью») группы «Наутилус Помпилиус» про общество, где «можно делать и отсутствие дела», а «мерилом работы считают усталость».

Шаги в пустоте

Почему практически любая инициатива оборачивается либо выхолащенными, либо сильно искаженными результатами по ходу ее претво-

* Иммануил Кант. *Лекции по этике. Пер. с нем.* — М.: Республика, 2005. — С. 163.

Алан Макколум. Гипсовые суррогаты. 1982-1989

рения в жизнь? Система, формирующая эти приоритеты и определяющая способы их воплощения, не обладает, на мой взгляд, тремя неотъемлемыми свойствами, придающими действиям эффективность, актуальность и ответственность участников.

Первое — отсутствие в обществе осознания необходимости реализации этих действий, их насущности и, соответственно, готовности в них участвовать. Обществу следует понимать, что делается, для чего, что ожидается «на выходе» и когда. И при этом быть не просто вовлеченным в позитивные изменения в качестве пассивного зрителя или бессловесного исполнителя, но формировать их, осознавая такую потребность.

У нас же обществу, напротив, дают понять, что в нем не нуждаются как в активном участнике процесса принятия решений, навязывая то, что на данном этапе решено считать важным. А общество, делая вид, что оно поддерживает заявленное, остается в стороне, предоставляя слою принимающих решения самим разбираться с придуманным. От этого создается ощущение массового одобрения и поддержки, чего на самом деле не происходит, так как подчеркнутое молчание не означает согласия.

Однако общество, как и природа, не терпит пустоты. Оно либо возвращает ситуацию в исходную точку, потому что так ему привычнее, либо старательно обходит воздвигнутые препятствия, все больше ориентируясь на неформальные отношения. В частности, именно такими следствиями оборачивается объявленная президентом рефор-

ма МВД: сама система механически сокращает численность занятых в ней (чтобы через год-два, когда «все забудут о реформе», вернуть все на круги своя), «потребители» же ее услуг платят оставшимся еще больше. А вкуче все оборачивается взаимной обозленностью, потому что, создавая нервозность с обеих сторон, заявленные действия реально не приводят ни к каким изменениям ни в обществе, ни в органах МВД.

И это второе свойство системы — ее нечувствительность к внешним импульсам, указывающим на необходимость исправлений и корректировок. Система изначально создавалась как некий герметичный монолит, не предполагающий проявление инициативы, в результате чего все явственнее высвечивается неспособность нынешней системы к действиям и нежелание осознать, что пассивное одобрение любых действий власти, а чаще — недоверие к ним, приводит в обществе к углублению разрыва между декларациями и реальными делами.

Наконец, система не создала консолидирующих все общество идей. Социум не имеет ни курса, ни ориентиров, ни инструментов корректировки действий и исправления ошибок. Колоссальные с виду усилия оборачиваются ничтожными результатами, порождая отчужденность простых граждан в отношении правящей элиты и накапливая раздражение у политических лидеров, приписывающих неудачи искажению предначертаний, исходящих от властной вертикали.

Порок особости

Оправданием несоответствия усилий получаемым результатам зачастую служат ссылки на «особость» русской души, характера, традиций, а следовательно, и общественно-политического строя. Однако непохожесть на других не может быть целью существования. Как писал Николай Бердяев еще век назад, «отсталость России не есть своеобразие России»*. Так же и сегодня ссылка на особость выглядит скорее именно как оправдание того, что инициативы, вроде назревшие и актуальные, на деле приводят совершенно не к тому эффекту, который ожидался, или не дают эффекта вовсе. Что шаги, казалось бы, очевидные и правильные, оказываются по мере их совершения отнюдь не такими, какими предполагались.

Кроме того, разговоры о непохожести на других не дают понимания, какие же все-таки мы, а главное, какими хотим быть. Мы лишь знаем, что мы особые, но когда доходит до вопроса, в чем эта особость, ответа не находится. По целому ряду объективных и понятных критериев «они» ушли далеко вперед по размеру пенсий, качеству дорог и авто-

* Николай Бердяев. *Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности*. — М.: Изд. Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1918. — С. 58.

мобилей, продолжительности и комфортности жизни и пр. Оттого возникают злость и даже агрессия — где те результаты российской особенности, что заставляли бы ею гордиться? Наоборот, сколько ни показывай по телевизору катастрофы и пожары «там», эти сообщения оказываются все чаще не в состоянии отвлечь от далеко не благополучной ситуации «здесь».

Так трудно обретаемая и столь тщательно поддерживаемая социально-политическая стабильность оказывается не столь уж эффективной, все больше оборачиваясь деградацией управления социально-экономическими процессами. Все последние годы, поддерживаемая бюрократией с ее, по выражению Бер-

*Апелляция к силе, сопряженной
с мифологизированной национальной
«особостью», обнаруживает
несостоятельность, когда дело касается
эффективности компонентов системы*

дяева, «рабской готовностью служить чему угодно»*, она ориентирована на сохранение статус-кво. Ее механизмы не приспособлены к мобилизации общества для осмысленного решения его проблем.

Оказывается, что апелляция к силе, сопряженной с мифологизированной национальной «особостью», обнаруживает несостоятельность, когда дело касается эффективности компонентов системы. Можно красиво ходить с транспарантами, проводить эстафеты, перекрывая главные артерии города, произносить много правильных слов на съездах сторонников и предвкушать чудеса нанотехнологий. Но когда речь идет о тушении выгорающих лесов и поселений, прокладке дорог или привлечении в страну выдающихся молодых специалистов, выясняется, что вертикальная система не обладает способностью гибко реагировать на возникающие в гигантской стране проблемы, а тем более их предвидеть.

Убежденность в своем исключительном праве монополии на разумное управление государством так глубоко укоренилась во власти и в условиях, близких к ней, что нет никаких возможностей для альтернативных проектов. Механизм саморегулирования в политическую модель не встроен или атрофирован. Такой, например, как политическая конкуренция, которая в других странах даже при отсутствии ярко выраженного партийного плюрализма обеспечивает системе конкурентность и гибкость.

...До тех пор, пока в Японии не произошла смена правящей либерально-демократической партии, доминировавшей с 1955 года, многие в России любили апеллировать именно к этой стране как к примеру многолетнего господства одной правящей силы. Но знают ли они, что в одном и том же округе на выборах жестоко конкурировали между

* Там же, с. 51.

собой несколько представителей этой партии? Что регулярно возникали скандалы с разными партийными деятелями, а население — через протесты — высказывало свое отношение к тем или иным фигурам. Не говоря уже о США, где с момента создания государства не было никакой партийной дисциплины, поскольку народные избранники ориентировались на мнения избирателей и легислатур, от которых были выдвинуты.

Понятно, что любая доминирующая политическая сила вне конкурентной среды стремится выстроить под свои задачи все институты государства и ветви власти — законодательную, исполнительную и судебную, лишая их самостоятельной роли.

Концептуальные основы разделения власти между ее ветвями в США были заложены в результате рассмотрения в Верховном суде знаменитого дела Марбери против Мэдисона*. В конце XIX века англичанин лорд Брайс, анализируя американскую систему правления, констатировал: «Составители американской конституции и вообще американские государственные деятели не придерживались ни одного из общих политических принципов так же твердо, как они придерживались того догмата, что разделение трех властей необходимо для обеспечения свободы» и что «следует считать недействительным всякий акт должностного лица или законодательного собрания, выходящий за пределы их легальной компетенции»**.

...Когда Америка, будучи набором разрозненных британских колоний, вела разговоры о независимости, конвент в Аннаполисе решил внести в повестку обсуждения не только торговые, но и политические вопросы. Джордж Вашингтон, будущий основатель государства и его первый президент, отказался приехать, пояснив, что для политических вопросов время не настало: «Люди еще не доведены до такого состояния, чтобы взяться за преодоление своих ошибок»***. Но прошло несколько лет, и ошибки начали преодолеваются обществом. Отцы-основатели были уверены: лучшее время для закрепления прав — сразу после революции. Затем необходимость обращаться к народу отпадет, «его права буду преданы забвению. Он забудет о своих нуждах и о себе в единственном стремлении делать деньги и не подумает объединиться для обеспечения должного уважения к своим правам»****. Не это ли произошло в России?..

Начальный этап любого грандиозного преобразования базируется на отрицании — изменения происходят потому, что люди больше НЕ

* В заключении по делу председатель Верховного суда США Джон Маршалл сформулировал три принципа конституционного права: во-первых, конституция выше иных законов; во-вторых, Верховный суд должен толковать конституцию и определять, «что гласит закон»; и, в-третьих, Суд отменяет законы, которые, по его мнению, противоречат конституции. (Прим. ред.)

** Джеймс Брайс. Американская республика. Пер. с англ. — М.: Типография В.Ф. Рихтер, 1889. — С. 28–29.

*** В. Печатнов. Гамильтон и Джефферсон. — М.: «Международные отношения», 1984. — С. 60.

**** Там же, с. 109.

*Ева Арнольд. Без названия
(Сильвана Мангано в Музее современного искусства, Нью-Йорк). 1956*

хотят мириться с настоящим, как не желали более американцы нести расходы за британское процветание и соотносить свои экономические действия с Лондоном. Знаменитый лозунг «Никакого налогообложения без представительства» (то есть без участия американцев в делах парламента) привел в итоге к появлению нового государства. Отрицание есть движущая сила любого кардинального изменения. Но уже через несколько лет, собравшись для выработки конституции, отцы-основатели исходили не только из позиции «чтобы не...».

Отрицание должно своевременно быть заменено созиданием. В Штатах был консенсус элит в отношении базовых ценностей и принципов формирования государства, и они не сводились к стремлению удержать власть. Устойчивость институтов и гарантия их неперерождения в авторитарные кланы была важнее действующих фигур, даже и весьма значительных. Этот принцип начал действовать буквально со дня основания нового государства, скажем, когда не произошло избрания на второй срок Джона Адамса или когда конгрессмены — пусть и после мучительных голосований — отдали предпочтение Томасу Джефферсону, а не Аарону Барру, решив, что последний в своих стремлениях и поступках может перейти допустимые нормы.

Консенсус был не только в том, что отцы-основатели знали, чего они не хотят, как это в последнее десятилетие было в России, они знали и то, чего хотят. В этой связи весьма показателен многолетний жестокий

спор Томаса Джефферсона и Александра Гамильтона, ратовавших за принципиально разные экономико-политические модели Америки. Один выступал за богатое аграрное существование, другой за промышленное развитие; один панически опасался любой концентрации власти и денег на федеральном уровне, усматривая в этом первый шаг к лишению прав штатов, другой полагал, что в целом ряде сегментов только федеральная власть способна нести ответственность за всю страну. Но, расходясь в принципиальных позициях управления страной, они были едины в базовых принципах и ценностях.

Ими являлись частная собственность и непреложное уважение к ней; четкость системы кредита и взаимное исполнение обязательств; свобода слова, информации и веры; наконец, равенство всех перед законом, который, в свою очередь, вырабатываясь долгим согласованием, основывается на широком понимании его необходимости и разумности. «Сколько бы ни было разногласий по отдельным вопросам, основные политические течения разделяли веру в право собственности, философию экономического индивидуализма, ценность конкуренции», — отмечал историк Ричард Хофстедтер, оценивая ход политического процесса в США*.

Можно ли сказать, что «отцы-основатели» действующей российской системы имеют четкие и прозрачные принципы, на которых зиждется их мировосприятие и ради которых они даже готовы поступиться собственными должностями? Видим ли мы что-либо за пределами абстрактных призывов к сильному государству, мировому лидерству и модернизационному прорыву? Практика показывает, что российская система, идущая — в силу исторических традиций и национального архетипа — сверху, от элиты, не обладает единством даже в отношении базовых ценностей.

Чего же в этой ситуации требовать от общества, если ему, с одной стороны, перестали диктовать, какие ценности считать подлинными, как было в Советском Союзе, а с другой — не предлагают никакой новой системы ценностных ориентиров? Общество умиротворяют, обещая светлое завтра в публичных выступлениях лидеров, и развлекают, превращая в маргинальную толпу, если судить по телепродукции.

Все подвержено конъюнктуре сегодняшнего дня. В обществе нет согласия по таким базовым понятиям, как частная собственность, свобода слова и выражения, не говоря уже о налогах, тарифах и качестве рабочих мест. В российском обществе нет даже осознания важности этих тем и понимания, почему они столь важны для любой страны. На вопрос, «какие из прав человека, по вашему мнению, наиболее важны», российские респонденты на первое место ставят «право на образование, медицинскую помощь, на обеспечение в старости и при болезни». Право на жизнь занимает третье (!) место; право владеть собственностью — пятое, ценность свободы слова — седьмое. Право

* Ричард Хофстедтер. *Американская политическая традиция и ее создатели*. Пер. с англ. — М.: СП «Квадрат», 1992. — С. 22.

«избирать своих представителей в органы власти» занимает последнее место*.

Никаких ценностей обществу и не прививается. Насколько неприкосновенна частная собственность? Как далеко позволить критиковать власть и обернется это благом или хаосом? Все ли равны перед законом или одни все же равнее? Как защитить слабого, не располагающего ни деньгами, ни влиянием? Наконец, что страшнее — посадить одного невинного или не посадить одного виновного? Именно отношение к подобным проявлениям жизни составляет основу тех систем, которые считаются цивилизованными. Россия, невзирая на все заверения в особости, стремится быть похожей на них, но не желает формировать основы, которые проложат ей этот путь.

Практика показывает, что российская система, идущая – в силу исторических традиций и национального архетипа – сверху, от элиты, не обладает единством даже в отношении базовых ценностей

Оттого программы партий не идут дальше обещаний светлого, стабильного завтра, притом легкого и не требующего непопулярных шагов, а сами лидеры видят свое предназначение в борьбе за голоса, но не за души избирателя. Они не ощущают избирателя, не формируют его и не заинтересованы в его появлении, потому что осознающий свои интересы избиратель будет голосовать не за сакральные символы, а за конкретные цифры налогов, кредитов, протяженность дорог и число детских садов. Как это и происходит в западных демократиях, на которые с таким презрением часто призывают смотреть российских граждан.

Невыносимая стабильность

Помимо морально-нравственного разложения и появления целых поколений «полых людей», выражаясь словами Томаса Элиота, не несущих в себе никаких принципов, что само по себе опасно для любого социума, отсутствие ориентиров несет в себе другие, латентные, но оттого не менее опасные в будущем последствия.

Первое — искаженная реальность. Поскольку система не обладает встроенными или внешними индикаторами для замера своей эффективности, она не может оценить правильность собственных представлений о действительности и перспективе, а следовательно, и действий. Тот факт, что лидеры стали реагировать на блогерские сообщения, ничего не меняет. Даже самый яркий и своевременный ответ не приводит к изменению ситуации, потому что меняется она не мнениями в чатах, а свободными выборами, широкими дискуссиями и опера-

* См.: Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин, Н.А. Зоркая. *Постсоветский человек и гражданское общество*. — М.: Московская школа политических исследований, 2008.

тивной реакцией властей, когда становится очевидно, что предпринимаемые ими шаги неэффективны. Между правом говорить и способностью действовать, оказалось, лежит огромная пропасть.

Это означает, что в долгосрочном плане результаты принимаемых решений могут все более искажаться, а следовательно, оборачиваться все более тяжелыми последствиями для страны. Их можно было бы проигнорировать, переложив на плечи будущего поколения политиков и администраторов, не будь ситуация столь статична, что исключает приход какого-либо нового поколения в обозримой перспективе. Что, следовательно, несет угрозу не будущим деятелям, а настоящим. Второе возможное последствие — непродуктивность энергии общества. Свойства российского народа, описанные Николаем Бердяевым век назад, явственно проступают до сих пор. «Русский народ, — писал философ, — как будто бы хочет не столько свободного государства, свободы в государстве, сколько свободы от государства»*.

Эти вековые привычки принято ломать или игнорировать. Но им нельзя и потакать. Их надо направлять через высвобождение позитивной энергии.

Сегодня энергия российского общества направлена по большей части на выживание; она не исчезает вовсе, она либо уходит «в свисток», либо маргинализируется, либо принимает латентные и вместе с тем разрушительные формы. От пьянства до социального равнодушия, от вызывающего гламура до информационного слабоумия, поскольку, увы, лишь так можно оценивать множество телепродуктов.

С таким состоянием сознания и духа населения процветающего государства не построить. Как считают исследователи, заинтересованность человека в качестве общественного развития порождается «владением собственностью, экономическим соперничеством и участием в деловых начинаниях»**. Инициатива и свобода действий, помимо ответственности, порождают требования к социальным структурам, уважение к себе и заинтересованность в понятном будущем, осознанную заинтересованность в его формировании, а не пассивное принятие спущенной сверху неизбежности.

Сегодня же будущее смотрится печальным парадоксом при, казалось бы, полнейшей стабильности и предсказуемости. Никто не уверен, что завтра вдруг внезапно все не кончится, не исчезнут работа, деньги, возможности. Это, в свою очередь, порождает ощущение временщичества, а значит, нужно все успеть сегодня. Все живут или выживают, будто перед Апокалипсисом.

Поскольку в жизни больше имитации деятельности, чем реальных дел, то, как внутри социальных слоев, так и между ними, исчезают последние признаки доверия. На вопрос о доверии к институтам респонденты отвечают, что полное доверие испытывают лишь к президенту (более

* Николай Бердяев. Судьба России, с. 5.

** См.: Дэниел Бурстин. Американцы. Национальный опыт. Пер. с англ. — М.: «Литера», 1993. — С. 248.

Джим Шоу. Предмет воображения (Тиски в форме головы). 2006

двух третей опрошенных). Далее с большим отрывом идут церковь (40 процентов), армия (37 процентов). Всем остальным институтам доверяют менее трети опрошенных; на последних местах — суд, милиция, профсоюзы и политические партии*.

«Люди оценивают человека по двум критериям: полезен и опасен, — полагает социолог Борис Дубин. — Если он не отвечает ни одному из них, интерес к нему мгновенно пропадает». При этом налицо другой парадокс: никому не веря и ничего не ожидая, в том числе от государства, российские граждане год от года укрепляются в убеждении, что государство им «должно». Если в 2007 году таковых было 80 процентов, то в 2008-м уже 82 процента**. О том, что государство должно «устанавливать единые для всех «правила игры», говорят лишь 24 процента опрошенных. Хотя это уже не 19 процентов, что были в 2001 году.

* См.: Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин, Н.А. Зоркая. *Постсоветский человек и гражданское общество*, с. 28–29.

** Там же, с. 27.

Как можно объяснить эти цифры? Очевидно, двойко: с одной стороны, государство действительно «умиротворило» население и убедило не вмешиваться, а ждать, когда государство обо всем позаботится. С другой стороны, эти цифры могут означать, что жизнь людей реально ухудшается или как минимум не меняется к лучшему, на что они надеялись все последние годы, и никакого «достойного уровня существования» нет. Оно остается в пожеланиях, неизбывных мечтах, но не происходит в реальной жизни.

И то, и другое одинаково прискорбно для государства, поскольку налицо увеличивающийся разрыв между реальностью, которую способна обеспечить и поддерживать власть, и ожиданиями, которые она своими же заявлениями во многом порождает. Остается надеяться, что этот лаг не достигнет критических величин, за которыми в России обычно следуют социальные потрясения.

* * *

Граждане вряд ли подойдут в ближайшее время к состоянию, описанному Вашингтоном, то есть к осознанию необходимости исправлять собственные ошибки. Для этого у людей пока нет ни опыта, ни возможностей. Страх 1990-х по-прежнему доминирует в сознании, периодически к тому же умело подпитываясь напоминаниями о «лихом времени», и большинство не хочет возвращаться туда. Следовательно, сохранится социальная летаргия, уныние и неверие в лучшее будущее. Как писал Э. Фромм о группах и обществах, не обладающих возможностью или желанием творить, «в качестве ответной реакции у них развивается апатия и наблюдается такая деградация умственных способностей, инициативности и мастерства, что они постепенно утрачивают способность выполнять функции, необходимые для их правителей»*.

Каждый будет вырабатывать собственные критерии смысла и норм и мотыжить свой «огород». Возникнет, если не иссякнет экономическое благосостояние, еще большее расслоение, а значит, одни слои будут все больше маргинализироваться, а другие все дальше отрываться от понимания российской реальности. Как не знают ее уже сегодня дети тех, кто имеет возможность отправить своих отпрысков за границу.

Другие же, не обладающие такими возможностями, еще более углубятся в свои сугубо частные интересы, как это уже происходит. Блоги будут искрить воплями про власть, беспредел и гламур. Но никакого выхода в реальность это иметь не будет, потому что никому не будет дела друг до друга. Застой и ошибки будут подтачивать систему изнутри и снаружи, но и это состояние она с помощью популистских действий, финансовых средств и профилактики сможет выдержать достаточно долго. Стагнация идей станет очевидной, если не сказать, вызывающей, но этот факт будут тщательно игнорировать, делая вид, что мысль бьет ключом.

* Эрих Фромм. *Здоровое общество. Пер. с нем.* — М.: «АСТ», 2005. — С. 26.

Что такое гражданское общество?*

*Гасан Гусейнов,
доктор филологических наук,
профессор МГУ*

Какова основная трудность, как мне кажется, разговора об Энциклопедии гражданского общества в России? Разумеется, она связана не только с необходимостью нахождения общего языка. Позволю себе употребить в этой связи синонимически близкое выражение, пришедшее к нам с Запада, — «сверить часы». Нам нужно сверить часы. Мы можем говорить даже на разных языках, но должны примерно представлять, в какой точке находимся, если считаем, что на Западе есть некая модель гражданского общества, в котором есть разумное большинство, где жизнь построена по принципам человечности и т.д. Как сделать так, чтобы на нашу северную почву перевести некие универсальные правила? Я сейчас не оцениваю, я просто ставлю вопрос. И хочу сказать, что после лихих 90-х, как их называют, наступили нулевые годы, и вдруг стало ясно, что слово «гражданский» употребляется уже не совсем в том значении, в каком оно употреблялось в конце 80-х. Все чаще я встречаю в статьях и слышу, кстати, в том числе и во время нашей дискуссии, выражения «светское общество», «секуляризированное». А между тем, если помнишь, Лена, мысль о создании этой энциклопедии родилась, когда мы обсуждали три вопроса: кто мы, откуда и куда идем? Я хорошо помню этот разговор. Вернулся из ссылки Андрей Дмитриевич Сахаров. Ведь тогда нам и в голову не приходило, что «светское общество» начнет в какой-то момент вытеснять понятие гражданского общества. Но это ремарка — по ходу дискуссии, к которой я готовился и должен был говорить, как написано в программе, про три лингвистики и четыре культурных слоя, а сейчас

** Окончание публикации материалов круглого стола. См. предыдущие номера журнала: Язык гражданского общества (№ 51), Поиск общего языка (№ 52), а также в Интернете по адресу <http://msps.su>*

попробую перестроиться и начну с такого сюжета.

Не так давно на чтениях памяти Сергея Аверинцева выступал заведующий редакцией издательства «Энциклопедия» и рассказывал, что в пятом томе «Философской энциклопедии» должна быть статья «Мао Цзэдун». Но потом стало понятно (это было в конце 60-х), что статью про Мао Цзэдуна писать не надо, и надо чем-то заполнить гигантский запланированный на статью объем. И тогда вставили Томаса Манна. И написать статью попросили Аверинцева и его близкого друга Александра Михайлова. Такова история происхождения этой прекрасной статьи. Однако в нашем случае опасность, я думаю, не в технических издержках, что в какой-то момент какое-то важное понятие придется заменить на другое или вообще исключить из словарного списка, а в драме, с которой мы сейчас сталкиваемся, это драма и экзистенциальная, и научная, и драма активистов. Она состоит в том, что исчезает адресат. Книга как событие, книга как руководство, книга как документ, которая всегда была точкой роста культуры в обществе, в ближайшие несколько лет, по моим ощущениям, вообще может перестать существовать. Тем более под названием «Энциклопедия». Как бы она ни выглядела, и какой бы интересной ни была. Сошлюсь на свой преподавательский опыт.

У меня есть три курса, три разные группы. Одна группа — студенты филологического факультета МГУ, которым я читаю античную литературу. Другая — в Высшей школе телевидения, там же в университете. И третье учебное заведение — Академия народного хозяйства, где мы занимаемся русским политическим языком, языком СМИ. Это три разные группы

молодых людей, которым сейчас от 16 до, примерно, 19 лет, фактически дети, у которых в голове есть какой-то набор образов, связанных с образованием. Так вот, для них учитель в школе — презираемый неудачник. Даже для тех, кто на самом деле так не думает, но под влиянием окружающей среды считает, что не может учитель за гроши таких, как он и его друзья, ничему научить. Академическая среда не готова к разговору с этим новым поколением.

Это тяжелейшая ситуация. Когда на отделении классической филологии студенту-первокурснику я не могу в течение двух недель внушить простую мысль, что ему недостаточно читать Википедию или какие-то статьи, даже очень хорошие, на английском языке на прекрасных сайтах американских университетов, посвященных античности. Что ему надо записаться в одну из прекрасных пяти библиотек в Москве, где он может найти многое. Ему это непонятно. Я сейчас не жалею, сам не люблю, когда жалуются и говорят: «Ах, какие необразованные студенты». Вопрос не в том, что они необразованны, а в том, что изменилась окружающая среда и понятие книги как культурного феномена просто растворяется на глазах. Тем более понятие энциклопедии.

Так что проблема существует. Насколько я понимаю, у нас установка на то, чтобы соединить дескриптивное с предписывающим, описывающее с предписывающим, которое всех объединяет. Чтобы следующее поколение, зная о «предписывающем», постаралось сделать страну лучше. А как быть людям, которые привыкли описывать? Я имею в виду научную среду. Или тех же учителей. Мы начали разговор о словах, но дело в том, что язык не состоит только из слов. Он состоит из предложений, а слова лишь форма упаковки языка. И

нас должна интересовать реальность, которая находится за словами. А точнее, гражданское общество, которое, на мой взгляд, не формируется из общественных классов, семей, из каких-то уличных компаний, из людей, которые живут в селе или в городе и волнуются только о том, как добыть хлеб насущный. То, из чего оно складывается, не выражается лишь физическими единицами человеческих тел, которые мы можем как-то пересчитать. Это как раз и есть та реальность, которой занимается Борис Дубин, и выявляется она в тот момент, когда ей задают вопрос, скажем, о собственности, о правах человека и т.д. Поэтому я согласен с Валентином Гефтером, что нам нужно не умножать количество слов, а наметить понятийные поля. А для установления этих полей спросить людей. Например, преподавателей средних учебных заведений и учителей школ, о которых сказал Сергей Магарил, в разных регионах России, какие проблемы они чаще всего между собой обсуждают, и если обсуждают, то чего им не хватает — аргументов, слов или еще чего-то. И тогда мы лучше поймем, кто может стать адресатом нашего проекта. Я думаю, что это как раз те люди, которым приходится по определению общаться с выпускниками школ, когда оказывается, что те не понимают, где они находятся, что им читать, почему это важно, а это не важно. «Почему ты Плутарха не прочитал?» — спросил я как-то первокурсника. — «У нас первенство по футболу!» И я его понимаю. Какой Плутарх, какая библиотека? В его школе главным был спорт, который рекламируют NIKE, ADIDAS и другие фирмы, продвигающие образ «успешных» людей. Не слу-

чайно, кстати, в том семантическом сдвиге, о котором я сказал в самом начале, исчезло слово «преуспевающий» и появилось слово «успешный». «Успешный проект», «успешное дело» вдруг переносится на человека, человек стал вещью! И вполне грамотные люди,

Важно быть как можно ближе к той реальности, которую мы хотим не только понять, но и формировать, и которая называется гражданским обществом

обращаясь к другим грамотным людям, говорят, что мы должны всех учить быть успешными, то есть быть вещами, процессами, а не людьми. Удивительная глухота к словам...

Так вот, наш адресат — это прежде всего учителя и преподаватели. А также, конечно, заинтересованные родители, которые хотят воспитывать своих детей гражданами, учить их разрешать конфликты, общаться и т.д. Поэтому имеет смысл специально поговорить на еще одном круглом столе в рамках обсуждения концепции проекта о понятийных полях. Так как мы уже знаем, что есть руководство проектом и есть стеной встающие не только дети, но и молодые люди, которые через 10 лет будут определять нашу жизнь.

И последний тезис, связанный с грехами бывшего советского языкознания. В чем этот грех состоит? Алексей Шмелев говорил, что надо изучать данность. Это великие слова, я полностью подписываюсь под ними, учитывая, что на протяжении десятилетий лингвисты не имели такой возможности, а именно — обсуждать публично, скажем, такую проблему, как язык начальства и низовой язык. Язык современного началь-

ства, а это тоже наша данность, изучать сегодня трудно не только потому, что не выработана соответствующая традиция. Дело в самой академической среде, представители которой не готовы рассказать хотя бы о том, почему наша власть так часто обращается к блатной лексике. Хотя очевидно, что это обычно язык угроз, а вовсе не язык, который просто механически воспроизводит низовой язык.

И возвращаясь к Энциклопедии: я все же сомневаюсь, что ее будут читать и тот инструментарий, который будет нами предложен с самыми лучшими намерениями, сработает. Понятно, что это мое сомнение носит рабочий характер, но, мне кажется, важно с самого начала относиться критически как с собственной работе, так и к социальной среде, частью которой мы тоже являемся. То есть быть как можно ближе к той реальности, которую мы хотим не только понять, но и формировать, и которая называется гражданским обществом.

Елена Немировская:

— Спасибо, Гасан. Будем верить, что хотя бы 10–12% учителей как-то заразятся и поймут все же значимость нашего проекта. Но я думаю, что нашим адресатом может быть и чиновник, вместе с переводчиком с иностранного языка. А иначе им будет трудно понять, почему нельзя при переводе Европейской хартии местного самоуправления термин «муниципальное образование» переводить на русский язык как «орган местного самоуправления». Что это принципиальная ошибка. И, следовательно, чтобы избежать таких ошибок, надо быть ближе к реальности. Тем более что мы имеем дело с таким предметом, как гражданское общество, который, как и любой гуманитарный предмет, нельзя ухватить

непосредственно. Для этого необходимо просвещение. И о нашем адресате. Здесь сидят люди, выпускники Школы, которые приехали даже из Томска, не говоря уже о Нижнем Новгороде, Волгограде, Ставрополе. Ведь они зачем-то приехали! Значит, адресат у нас уже есть.

Ирина Ивантина, старший научный сотрудник Института русского языка РАН:

— В том, что сказал Гасан, мне кажется, была одна не очень правильная мысль, несколько утопическая, о том, что надо узнать у людей, для каких смыслов им не хватает слов. Это абсолютно невозможно. Для того чтобы узнать, что есть некий смысл, для которого нет подходящего слова в русском языке, нужно обладать очень высокой степенью лингвистической рефлексии или хотя бы хорошим знанием иностранных языков. Не происходит так, что люди понимают, что смысл есть, а нужного слова нет, и придумывают слово.

Нодар Хананашвили:

— На мой взгляд, это хороший образ — «дети, встающие стеной». Я вспомнил в этой связи детскую площадку, о которой писал Рей Брэдбери. Там, где дети оказываются встающими стеной, всегда существует детская площадка, которую строят взрослые. И если мы не хотим, чтобы нас пугала реальность «встающих стеной», то должны понять, что это неосмысленная нами детская площадка, которую, повторяю, мы выстраиваем сами. Поэтому будут ли дети и молодые люди обращаться к книгам или пользоваться Интернетом, тоже зависит от нас. Как и то, какой инструментарий для общения мы предложим. И еще один важный момент, учитель — это не тот, кто учит, а тот, у кого учатся.

Мирослав Балка. Рампа. 1994

Эмиль Паин:

— Если бы руководители какой-нибудь школы пригласили наше экспертное сообщество принять участие в тендере и предложили выбрать компанию, которая покрасила бы школьные стены, то, я уверен, из этого ничего бы не вышло. Потому что мы начали бы обсуждать, как важно понимать, что такое тендер, что из себя представляет бригада, и, разумеется, никакого выбора не произошло бы. Разве речь идет о проекте коммерческом, который должен иметь миллионный успех? Тогда вообще ни о какой энциклопедии речи нет. Не надо придумывать реальность по Брэдбери. Тебе, Гасан, очень не повезло с учениками, я тебе сочувствую. Вот я преподаю в ВШЭ, причем не бухгалтерский учет, а антропологию. И оброс учениками, которые вместе со мной читают лекции, проводят семинары, подсказывают, какие вышли новые книги. Я просто счастлив! В этом проекте уже все задано, кто его заказчик, на кого он рассчитан. Вчера я был на обсуждении нацио-

нальной идеи Казахстана. Я позавидовал! Если бы такой документ появился в России! В нем говорится, что казахи нацелены на формирование именно гражданской, а не этнической нации, о толерантности как целевой установке и норме.

Гасан Гусейнов:

— Сначала отвечу Ирочке о том, что трудно найти слова. Конечно, речь идет не о том, что у нас есть трудности со словами, а о том, что в список терминов не нужно брать где-то хорошо работающие понятия и пытаться их искусственно пересадить. Теперь об учениках. Мне грех жаловаться, у меня есть прекрасные ученики. Из 200 человек в потоке всегда можно найти человек 30, которые прекрасно работают, сосредоточиться на них и забыть про остальных 170. Это нормально в узкопрофессиональном смысле слова. Но это не нормально, когда ты должен всю социальную среду, с которой работаешь, таким образом

дробить. Смысл гражданского общества не в том, чтобы в нем было только активное меньшинство, а остальным вообще не были нужны какие-то идеи. Мне кажется, если ориентироваться на это, мы обречены на создание каких-то конструкций на ложных основаниях. Чтобы этого избежать, нужно, по возможности, сосредоточиваться на проблемных, трудных местах, на действительно болевых точках, которые затрагивают интересы всего общества, а не его части.

Александр Согомонов:

— Хочу среагировать на прозвучавшие опасения. Во-первых, Энциклопедию будут читать. Христианский миссионер, который раздает Библию, как вы думаете, абсолютно убежден, что ее будут читать?.. Вот Женя Шамис сказала, что очень важно, чтобы Энциклопедия была в том числе и для детей, но кто из нас сможет для них написать? Сходите в Центр детской книги, это недалеко от Арбата, и посмотрите, какие сейчас издаются детские книжки. Они все переводные! Есть прекрасная переводная европейская литература, написанная в основном писательницами. Вроде бы читаешь детскую книжку, а книжка по-английски называется «How to be different». Как быть другим и при этом уважать инаковость другого? С картинками и с невероятной фантазией. И таких книг много. Для определенного контингента надо обладать особым писательским талантом, чтобы написать о том, о чем мы говорим. И по поводу адресата. Я думаю, адресат у нас есть, это люди, которых мы не знаем, но для которых это важно. Поэтому я поддерживаю проект и считаю, что Энциклопедия в первую очередь должна формироваться для аудитории «до востребования» в интернет-пространстве, так как это совершенно

иная среда, называемая блогосферой. Это миллионная аудитория сейчас в стране!

Алексей Макаркин, заместитель генерального директора Центра политических технологий (текст прислан по электронной почте):

— Поделюсь некоторыми мыслями в отношении трансформации языка гражданского общества, вплоть до его профанации. Речь идет о стремлении националистов к адаптации к условиям современного общества, попыткам — не слишком удачным — говорить на его языке.

Можно привести массу примеров. Например, известная деятельность правозащитников, вызывающая неприязнь, а то и ненависть у националистов. Однако если раньше они просто выступали с нападками на активистов гражданского общества, то теперь они создают альтернативную правозащиту. Активно используется риторика, связанная с защитой прав человека, понимаемых прямо противоположно содержанию международных документов и российской Конституции. Скажем, преобразованная ныне в общественное движение партия «Народный союз» (лидер — Сергей Бабурин) в своем программном документе записала: «Одним из важнейших прав человека мы считаем право жить в соответствии с вековой национальной и религиозной традицией своего народа... А это значит, что в России под лозунгами защиты “свободы совести” и “светскости государства” недопустимо разрушение исторической преемственности русской национальной и религиозной традиции».

Националист Александр Севастьянов заявляет: «Несомненно, придя к власти, мы предложим народу принять законы, которые отделят по принципу полноправия-неполноправия корен-

ные народы от некоренных. Это касается в первую очередь права избирать и быть избранным, но не только». Но, кроме этого, он прагматично рассуждает о правах человека, об использовании этого принципа в интересах националистов, причем крайнего толка. Цитирую: «Доктрина прав человека — это не только важнейшее завоевание гуманистического движения, но и сильный политический инструмент. Вопрос, следовательно, лишь в том, в чьих руках этот инструмент находится. Долгие годы наши противники гвоздили нашу страну, наши власти концепцией прав человека (т.н. гуманитарная интервенция), как дубиной. И права человека оказывались на поверку то исключительно правами еврея, то правами чеченца... Сегодня мы сами берем эту дубину (пока еще недостаточно решительно!) в свои руки и ставим вопрос, к примеру, о правах человека в Латвии и Эстонии, или о нарушении прав человека религиозными иудейскими инстанциями в России». Интересно, что если изъять из этой фразы упоминания о евреях, чеченцах и «религиозных иудейских инстанциях», то она вполне могла бы принадлежать более уважаемому политику.

В 2003 году некая группа людей решила созвать «Чрезвычайный Учредительный съезд по самоопределению Государствообразующего Русского народа и других коренных народов, не имеющих государственных образований за пределами России» (это длинное название было призвано исключить из списка евреев, что уже в полной мере свидетельствует о характере форума). Было выпущено специальное «инструктивное письмо» для участников мероприятия, в частности, говорилось: «Претенденты на участие в работе Учредительного Собра-

ния обязаны представить в мандатную комиссию Русской Национальной Правозащитной Секции Международного Общества Прав Человека анкету и список не менее 10 поручителей из числа русских людей, не запятнавших себя антирусскими проявлениями в общественной и личной жизни». На первый взгляд, сюрреализм — очевидные ксенофобы называют себя секцией МОПЧ. В реальности — все та же мимикрия.

Есть другие примеры. Например, один интернет-публицист, националист и сталинист, негативно отзываясь о современном кинематографе, который, по его мнению, недостаточно патриотичен, хотя и пользуется поддержкой государства. Далее идут размышления о том, куда можно направить эти деньги — на военную авиацию, подводные лодки и др. При этом автор выступает в качестве гражданина и налогоплательщика, который хочет влиять на решение вопроса, куда идут его налоги (почему его не спросили, когда финансировали фильмы, а не бомбардировщики?). Опять-таки интересно — антилиберальный сущностный подход при квазилиберальной словесной мотивировке.

Примечательно, однако, что националисты апеллируют именно к принципам из либерального понятийного ряда, хотя при этом не могут удержаться от своих любимых ксенофобских сюжетов. А это косвенно доказывает, что темы прав человека и смежные с ней не являются столь дискредитированными и маргинальными, не свойственными российской традиции, как об это говорят официальные публицисты. Если некоторые ценности являются непопулярными, то идеологические противники не стремятся использовать их для мимикрии.

Андрей Юров:

— Разговор о гражданском русском языке идет в разных средах лет 20–30, и в этом смысле мы можем мало на что претендовать. Но изначально запрос на него возник из сугубо прагматических соображений, на которых я хочу остановиться.

Я работаю с людьми, которые тоже занимаются гражданским просвещением, правозащитным образованием и т.д. С чем мы столкнулись? В разных аудиториях — студенческих, преподавательских, журналистских, обсуждая в том числе драматические сюжеты, связанные с национализмом и фашизмом, люди постоянно задают вопрос: а есть ли какой-нибудь словарь, чтобы мы могли к нему обратиться? Посоветуйте. И я пытался его найти, но обнаружил, что его нет. Одна из лучших, на мой взгляд, книг о современной публичной политике, это изданный как раз Московской школой в переводе с французского «Новый общественно-политический словарь». Но когда я его читал, невольно подумал: интересно, а хоть один школьный учитель в состоянии его прочесть, ему это нужно? И тогда я и мои друзья стали искать в Интернете, что же есть? Обнаружили, что, например, в Википедии гражданское общество представлено не просто слабо, а, я бы сказал, безобразно, потому что там все решает активное большинство. Дальше мы обнаружили, что есть все же один словарь о гражданском обществе, составленный в середине 90-х госпожой Слободской. Не могу сказать, что он вредный. Я бы сказал так, в современных условиях бесполезный, учитывая, что сегодня возник реальный спрос в русскоязычном пространстве, а не только в России, на книжки про публичную политику и гражданское общество, а их фактически нет. В зале наверняка есть люди достаточно опытные в блогосфе-

ре, и они должны знать соотношение сайтов фашистских и антифашистских в Рунете. Знаете, какое? Сто к одному! То есть если человек захочет прочитать, скажем, про толерантность, то он с вероятностью сто к одному наткнется на фашистское определение. И либо в этой ситуации ничего не делать, либо мы сможем, как сказал Эмиль, что-то этому противопоставить.

Для меня создание Гражданской энциклопедии важно не только потому, что она о понятиях, с помощью которых может описываться гражданское общество. Вопрос не в том, сколько будет понятий или статей. А в том, сможем ли мы — я имею в виду гражданских активистов и экспертное сообщество — договориться и начать диалог. В этом смысле для меня лично Гражданская энциклопедия это не просто Энциклопедия гражданской жизни, а сама гражданская жизнь и гражданские практики.

Повторю еще раз, Гражданская энциклопедия — это не только слова и тексты, а прежде всего люди, готовые общаться и находить общий язык, даже если будет несколько его версий. Это тоже конвенция.

Александр Даниэль, член правления правозащитного общества «Мемориал» (текст прислан по электронной почте): — 1. Как мне представляется, люди, связанные с гражданской, культурной, социальной, политической активностью, делятся на несколько категорий:

а) те, которые не могут говорить о своей деятельности иначе, чем на каком-нибудь, пользуясь выражением Герцена, «птичьим языке». Причем таких языков несколько: некий более-менее общий «птичий язык» для гражданских активистов независимо от профиля их деятельности, а кроме

Жозель Шапиро. Без названия. 2001

того, «экологический», «правозащитный», «гендерный» и т.п. диалекты;
 б) те, которые сознательно уходят от специальной терминологии. Это бывает по разным причинам: желание или необходимость (например, в просветительстве) ориентироваться на внешнюю аудиторию, ощущение неточности, неоднозначности, спорности терминов;
 в) те, которые мучительно ищут сопряжения между специальной терминологией (собственно, не терминологией

даже, а понятийной сеткой, накладываемой, по Сепиру-Уорфу, профессиональным языком на реальность) и общеупотребительной лексикой, общей понятийной системой. Эта категория людей понимает прелесть игры в дефиниции, да и практическую важность этой игры для осмысления и структурирования реальности, но понимает и принципиальную недостаточность «птичьих языков» для решения этих задач — не говоря уже о задаче «размыкания» субкультур.

Мне кажется, что Энциклопедия более всего будет востребована третьей и отчасти второй группами активистов. А также — будем надеяться — читателями из числа «широкой публики», которым вдруг захочется понять, о чем эти авгуры между собой разговаривают, на какой такой «фене ботают». Не знаю, насколько эта надежда основательна, но снимать эту просветительскую задачу с повестки тоже не следовало бы.

2. В принципе, Гражданская энциклопедия ничем не отличается по своему смыслу от любого словаря профессиональной терминологии («Поэтического словаря» Квятковского, философского, химических терминов, бизнеса и т.д.). Дело осложняется следующими обстоятельствами: а) низкий уровень согласия в употреблении терминов; б) высокий уровень пересечения с общей лексикой (не по доле «общеупотребительных» слов, а по их иерархической значимости в нашей Энциклопедии: «свобода», «власть», «бедность», «диктатура», «нация», «диссидент» и т.п.);

3. Энциклопедия может принести реальную пользу (а не только интеллектуальное удовольствие ее составителям, что, впрочем, тоже немало, с моей точки зрения, и такая игра стоит свеч) только в том случае, если она сумеет стать не одной из версий толкования, а признанным *эталон* — хотя бы для «внутреннего употребления», подобно тому, как Энциклопедия французских просветителей стала общепризнанной версией изложения классического либерализма — по крайней мере, в его, либерализма, собственном кругу. Иначе может получиться, как с помянутым выше «Поэтическим словарем» Квятковского: изящнейшее сооружение, но использовать этот словарь можно только в рамках конструктивистско-опоязовского понимания литературы, более того, только в рамках тактометриче-

ской теории стиха, никем, кажется, кроме самого Квятковского, не разделяемой. Иной вариант бытования продукта — совсем, на мой взгляд, нежелательный: *частичное* принятие предлагаемых конвенций по определению и использованию данной терминологии, причем каждый читатель сам решает, какие конвенции он принимает, а какие нет. См., например, изданный в 1989 году совместный русско-французский том «50/50. Опыт словаря нового мышления»; получился никакой не словарь, а всего лишь неплохой, по тем временам, сборник коротких эссе. Но если такой сборник использовать в качестве энциклопедии, он будет лишь способствовать вавилонскому смешению языков.

4. Мне кажется, что единственный способ преодолеть эту опасность — это адаптировать ее внутри самой Энциклопедии. А именно стараться давать понятиям не только (а может, даже не столько) традиционные определения типа «веревка — вервие простое», сколько представлять читателю практику их применения — *контекстуальное употребление* терминов в разные эпохи, в разных культурных, национальных и т.п. традициях. Приведу в качестве примера термин «геноцид». Можно, конечно, взять и выдать его строгую юридическую дефиницию, сформулированную в Конвенции ООН 1948 года и привести общепризнанные примеры: армянский геноцид 1915-го, еврейский холокост, резню в Руанде и т.п.; наверное, даже в данном случае нужно это сделать. Но я бы добавил сюда и упоминание о трактовке украинцами голода 1932–1933-го как «геноцида украинского народа», и о трактовке многими литовцами социально-политических депортаций 1941 и 1948–1949 годов как «геноцида литовского народа» и даже (предлагаю в порядке бреда) — о трак-

товке публицистами газеты «Завтра» экономических реформ 1990-х как «геноцида русского народа». Может быть, даже снабжать подобные статьи чем-то вроде мини-цитатника, иллюстрирующего историю и текущую практику применения данного термина.

5. Не последним для нашей Энциклопедии оказывается и вопрос о различных коннотациях и вытекающих отсюда эмоциональных окрасках того или иного слова в разных «естественных» языках: см., например, известное исследование

Анны Вежбицкой, сопоставляющее семантические поля слов «liberty» и «freedom» в английском языке, «wolność» и «swoboda» в польском, «свобода» и «воля» в русском; оказывается, они не очень соответствуют друг другу (а аналогичное слово в японском, по ее утверждению, имеет исключительно отрицательные коннотации). Этот пример, может быть, слишком отвлеченный, но любой правозащитник, занимающийся просветительской работой или просто пытающийся ответить на вопрос, что такое правозащитная деятельность, расскажет вам, сколько путаницы возникает в головах из-за того, что «право» и «права человека» по-русски вроде как одного корня; в англоязычном мире ничего подобного нет — там никто не перепутает law и human rights, а нелепый на русский слух оборот, все больше входящий в правозащитную лекику — «право прав человека», по-английски звучит вполне пристойно — «human rights law».

6. Для возникновения устойчивых коннотаций и оценочного отношения существен не только языковой, но и культурно-исторический контекст бытования термина. Например, слово

«национализм» в советской традиции, унаследованной современной российской практикой, тащит за собой отчетливо отрицательные ассоциации и эмоции. Это касается не только России, но и всего постсоветского пространства: самый несомненный и

Андрей Юров: возник реальный спрос в русскоязычном пространстве, а не только в России, на книжки про публичную политику и гражданское общество, а их фактически нет

самый крутой эстонский националист раньше застрелится, чем назовет себя националистом — в его сознании это бранное слово. А в западноевропейской политической культуре эти ассоциации отсутствуют (во всяком случае, их не было до Второй мировой войны, но и сегодня в Европе слово «национализм» звучит более нейтрально, чем на постсоветском пространстве). А в африканской политической традиции быть «националистом» вообще почетно; в половине стран Черной Африки правящие партии гордо именуют себя националистическими (не «национальными», а именно националистическими).

Мне кажется, что «контекстуальная» подача термина — более эффективный мостик от «птичьего языка» к общепотребительному и, стало быть, к «разгерметизации» гражданских субкультур, чем опора исключительно на «правильные», «признанные» (западными учебниками), «юридически точные» дефиниции. Конечно, важно и их тоже вводить и сохранять определенную дистанцию между тем и другим; иначе у нас получатся мостики из ниоткуда в никуда.

Максим Сучков:

— Некоторым диссонансом будет мое выступление, так как я не из интеллектуальной среды, а из бизнеса. Сначала отвечу на вопрос, почему я здесь. Причина простая. Я считаю, что проект, который мы сейчас обсуждаем, будет иметь успех, потому что не занята ниша. Если вы пришли первым — это закон бизнеса — вас ждет успех. Затем, название «Гражданская энциклопедия». Краткость — сестра таланта, замечательно. Я уверен, что на нее будет спрос.

Дальше. Кто и где эти люди — трансляторы демократических ценностей? Это та реальность, которую не увидишь, если не захочешь. Но когда появится Энциклопедия, мы их увидим. Многие говорили, что это преподаватели, студенты, даже дети. Хотя это, конечно, перебор. Простите, первая аудитория — это власть! Она будет читать Энциклопедию. Сначала, конечно, она к ней отнесется подозрительно или не заметит, но постепенно, может быть, лет через пять, поймет ее важность. Ну и бизнес, соответственно, его мыслящие круги.

Игорь Князев, директор по развитию Московской школы политических исследований:

— Буду краток и хочу поддержать выступление Эмиля Паина. Мне кажется, он очень четко сказал и об инициаторах, заказчиках проекта, и о том, какая у него аудитория. Единственное, что я бы добавил, чтобы наша дискуссия не зависла на уровне Москвы. Здесь есть представители разных регионов. Завтра мы полетим в Астрахань. На будущий год у нас запланировано еще 6–7 региональных семинаров, где этот разговор можно будет продолжить, в том числе и с участием представителей власти. Думаю, это будет полезно, так как людей это интересует.

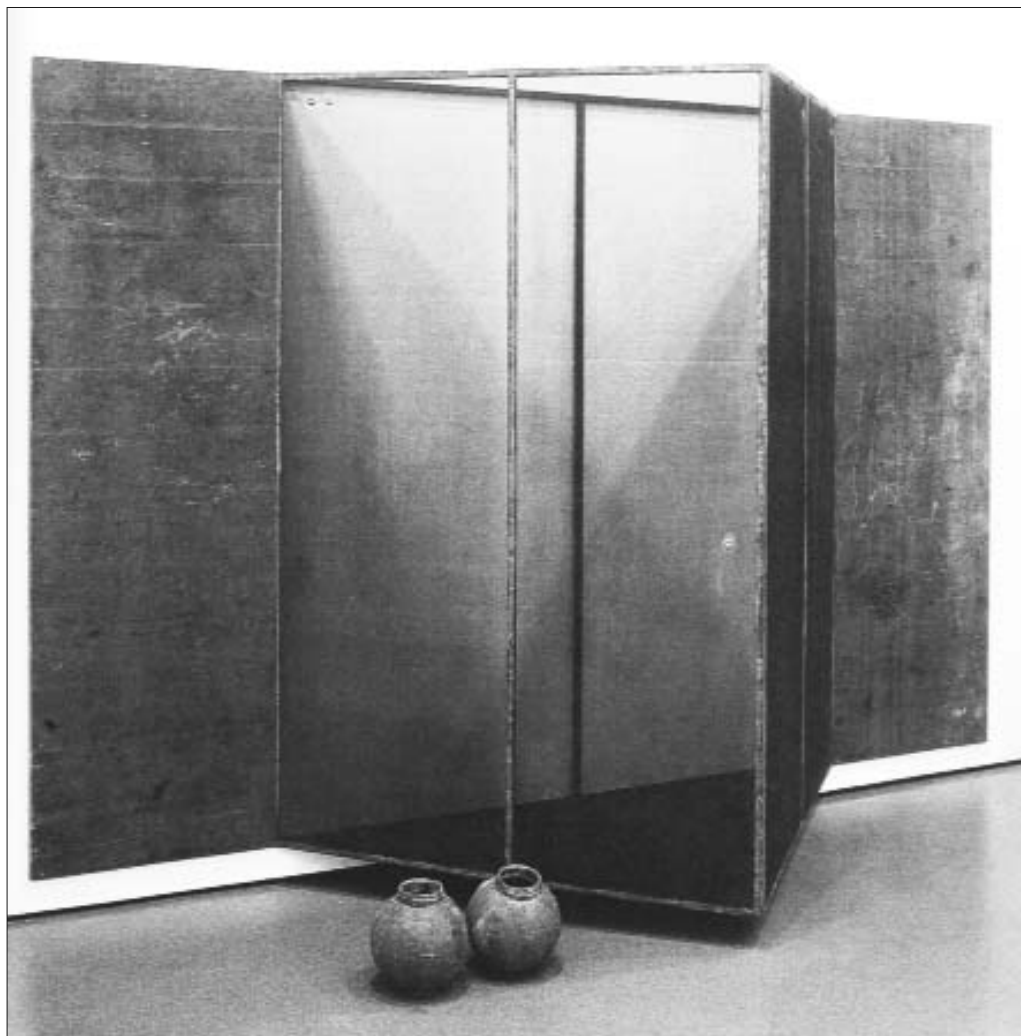
Никита Соколов, редактор журнала «Вокруг света»:

— Задача перед нами стоит чисто редакторская. Сегодня мы обнаружили очень сложные задачи, которые этой редакторской команде предстоит решить. И я готов даже сейчас предложить конструкцию статьи, которая, возможно, удовлетворила бы собравшихся.

Отдельный разговор о том, словарь это или энциклопедия? Если словарь, то он неизбежно нормативен. А мы претендуем, чего уж тут лукавить, на то, чтобы установить свою норму словоупотребления. Поэтому давайте мы эту норму обоснуем: сначала идет короткое нормативное определение, а дальше — почему мы эту норму устанавливаем. И статья такого типа, конечно, не может быть написана одним автором. Здесь понадобится лингвистический анализ, а в некоторых случаях наверняка и анализ исторический. Потому что иногда можно чисто лингвистическими средствами показать, что такая-то трактовка термина не правомочна, логически ошибочна и противоречит структуре языка. А иногда придется указывать, что мы от нее отказываемся, ссылаясь на исторический опыт, когда общество загоняет себя в тупик, ставит перед собой ложные цели и формирует ложную картину мира, как в случае с идеологемой особого пути.

Дальше о списке понятий. Работа над словником это уже не дело коллективного собрания. Для этого должна быть рабочая группа. И в этом случае, я думаю, мы можем договориться о некоторых принципах, которые завещаем рабочей группе при работе над словником.

В частности, я бы предложил обсудить такую ситуацию. Мы можем уклониться в одну из крайностей, которые я

Мирослав Балка. Инсталляция "Низ". 1995

предпочел бы совместить. Мы можем попытаться описать реальность существующего общества в России, используя для этого разные понятия. А можем предложить некую мыслимую конструкцию совершенного гражданского общества, даже если его никогда не существовало.

Как историку мне легко это объяснить, ссылаясь на конкретные примеры. Скажем, в некоторых странах, в отличие от англосаксонских, не употребляется понятие «professional». Значит должен появиться и этот термин. И в

этой же связи. Сейчас многочисленные манипуляторы пытаются оправдывать коррупцию. Должны ли мы включать в список понятий такие слова, как «блат», «откат» и т.д., или нет?

Дмитрий Грушевский, директор Нижне-волжского бюро ИД «Коммерсантъ» (Волгоград):

— Хочу поддержать мысль о «совершенном гражданском обществе» таким примером. Находясь в Германии и общаясь с немцами, я как-то задал им вопрос: почему после Второй

мировой войны у вас появилась такая живая, динамичная демократия? Они говорят: приехали американцы и помогли нам совершить транзит. И когда помогали, не стремились перенести американский опыт к нам, а предложили идеальную модель демократии. Этот «навязанный» идеализм, по их словам, и создал современную Германию. Поэтому я поддерживаю идею о том, что в процессе работы над Энциклопедией нам тоже неплохо бы ориентироваться концептуально и терминологически на некую идеальную модель.

Вячеслав Бахмин, консультант Фонда Ч.С. Момта:

— Я приблизительно этого и ожидал от нашей дискуссии. Последние выступления побудили и меня выступить, потому что речь наконец-то пошла о том, чего у нас нет. На мой взгляд, в проекте не хватает пока главного. А именно — ясно сформулированной цели, которую тоже надо обсуждать, не забывая одновременно о ресурсах и о том, есть ли кто-то еще на этом поле, кто делает то же самое, иначе вас не поддержит ни один донор. Не говоря уже о том, что присутствие в этом зале еще не означает, что Энциклопедия появится, хотя бы потому, что далеко не все будут для нее писать. Это очень тяжелая и трудная задача. Помимо своей основной деятельности еще писать куда-то с непонятной целью, если она не будет обозначена.

И потом, мне кажется, нужно понять, это словарь или энциклопедия? Словарь может быть действительно нормативным. Скажем, либеральный словарь гражданского общества. А если это энциклопедия, то она тоже может быть либо авторской, либо неавторской, что сделать гораздо сложнее. И о дескриптивности и прескриптивности.

Коллеги, если говорить о прескриптивности, то у нас она уже была. Весь ресурс тоталитарного общества был нацелен на эту прескриптивность. Мы не сможем сделать прескриптивную энциклопедию, потому что у нас нет этого ресурса. У нас есть единственный ресурс — авторитет авторов. Только это может привлечь внимание к Энциклопедии.

И два слова о целевой аудитории. Школьные учителя, как и преподаватели высших учебных заведений, — аудитория довольно консервативная. Она далека от тех идей, которые нас интересуют. Я совершенно не уверен, что это наша аудитория. Скорее это аудитория «до востребования», о которой упоминал Александр Согомонов. Поэтому язык Энциклопедии должен быть максимально понятным.

Алексей Юсупов, научный сотрудник Гельдербергского университета (текст прислан по электронной почте):

— Проект чрезвычайно интересный. Сам фокус борьбы с бессистемностью и неконкретностью политического русского языка мне кажется очень правильным. Напоминает комментарий — к сожалению, автора забыл — о российской политической культуре. По его мнению, не до конца осмысленные нарезки чужих, американских, французских, древнеримских, немецких политических терминов существенно осложняют формирование гармоничной и цельной сферы политической семантики. Мне очень нравится целеполагание проекта. Но не могу освободиться от некоторых сомнений, касательно широты целевой группы. Все-таки, балансируя между двумя условными группами адресатов и, возможно, авторов — сообщества профессиональных теоретиков-ученых, гражданских активистов, не так просто

нащупать устойчивое равновесие. Должен признать, что я, возможно, переоцениваю проблему. Все-таки привык в университете к абстрактному теоретическому характеру справочников и словарей по политологии. У немцев есть похожая платформа — http://www.bpb.de/wissen/H75VXG,0,0,Begriffe_nachschlagen.html — продукт Федерального центра политобразования; по сути, это просто электронный поисковик по нескольким полностью оцифрованным словарям и лексиконам с разными упорами.

С одной стороны, он представляет информацию о понятиях повседневного обихода: эмигрант, лоббист и т.д. На уровне восприятия старшего школьника, то есть вполне пригодные для любого неспециалиста формулировки без детскости. С другой стороны, это вполне серьезный справочник с краткими сводками по философским истокам, современным политическим движениям, юридическим аспектам политической и гражданской деятельности, понятиям, часто используемым, но не проясненным: радикализм, субкультура, автономия и т.д. Сравнение с Гражданской энциклопедией, конечно, ограниченное, но комбинация функций похожая.

Считал бы необходимыми следующие компоненты:

- 1) Максимально простое, внятное, четкое определение для нетеоретика.
- 2) Адекватное отображение глубины понятия, происхождение и развитие проблематики, дискурсивная спорность, неоднозначность. Я пока не пришел к выводу, есть ли здесь приоритетность и взаимоисключаемость, но интуитивно мне кажется, что нужно помогать практикам гражданского общества видеть системность их деятельности, культивируя ясность политического языка. Кроме того, Энцикло-

педия все-таки *гражданская*, а не *политическая*, но это видно и по подборке понятий.

Алексей Шмелев:

— Я думаю, что дискуссия очень хорошо иллюстрирует мой тезис: люди говорят на разных языках. И из-за этого происходит порой непонимание и возникает несколько утопичное представление о том, что у всех собравшихся одинаковое понимание употребления слов, как и о том, каким должно быть гражданское общество. Хотя довольно легко можно увидеть различия, но я на этом останавливаться не буду, а сосредоточусь кратко на совсем техническом аспекте.

Я лично не понимаю разницы между энциклопедией и словарем. В моем понимании энциклопедия — это частный случай словаря. Энциклопедии, как правило, всегда более прескриптивны, чем словари. Дескриптивность или прескриптивность — это установка авторов, не связанная с их авторитетом или, тем более, со способностью как-либо воздействовать на аудиторию. Либо автор говорит и пишет, как надо, и тогда это будет прескриптивное издание, либо — как то или иное понятие употребляется, и тогда дескриптивное.

Во время выступлений, например, употреблялись слова, которые, разумеется, я понимал, но одновременно сознавал, что я их употребляю по-другому. Скажем, слово «порядок» — в моем восприятии оно близко к свободе. Я понимаю, что это некоторое преувеличение, но порядок, как известно, это то, что в русском восприятии всегда не хватало русским, начиная с Гостомысла. Нет порядка — это общее самоощущение русских, вот где-то, в других странах, порядок есть, а у нас его нет. Конечно, слова

употребляются по-разному. Вопрос, насколько широко следует охватывать это разнообразие. Я не буду сейчас проводить эксперимент, хотя готов, впрочем, но предварительно побившись об заклад, что легко найду слова в предложенном списке, которые присутствующие понимают и употребляют по-разному.

Борис Дубин:

— Тоже несколько слов в заключение. Первое, насчет целевой аудитории и места в ней преподавателей. Притом что в целом я готов с этим согласиться, но все же напомню, что наиболее массовой опорой нацизма в Германии были именно преподаватели. Конечно, систему образования, учитывающая межпоколенческий разрыв, который произошел в 90-е годы, нельзя исключать, но рассчитывать только на преподавательский состав, боюсь, не приходится.

Теперь про то, что действительно может войти в Энциклопедию. Я думаю, что предложенный список стоило бы серьезно сократить, ограничившись более крупными, структурообразующими понятиями. В конце концов, что это может быть? Это могут быть статьи об институтах гражданского общества, соответствующих ценностях, нормах. Поэтому, думаю, стоит на них сосредоточиться, доведя список до полусотни понятий, при описании которых должен быть и сравнительный, и исторический, и полемический ракурсы. Плюс — библиографические источники там, где это возможно. А дальше, естественно, нужна редколлегия, и нужно заниматься поиском авторов. Причем я согласен, что авторы есть не только в Москве, но и в Перми, Екатеринбурге, Томске, Нижнем Новгороде и т.д., которые могут поддержать наш проект и писать грамотные статьи.

Гасан Гусейнов:

— Очень хорошо, мне кажется, что прозвучала практическая нота. Поскольку есть понятия, употребляющиеся в значении, совершенно недопустимом в гражданском обществе. Например, когда люди употребляют часто слово «власть» и не задумываются о том, что власть это только полномочия, которыми ее наделяют граждане в соответствии с конституцией. Или упоминавшееся слово «оппозиция». Это те, кто не власть? Практическое, историческое значение слова «оппозиция» — это люди готовые придти во власть и профессионально выполнять властные функции. Это институт оппозиции, а не просто оппозиционные настроения или критика власти.

Основной механизм получения качественного текста — здесь я тоже готов возразить — это не априорная авторитетность лиц, которые занимают какое-то положение или пользуются авторитетом в своем узком кругу. Главное, это анонимное рецензирование конкурсных статей, которое прояснит, будут ли их читать, то есть будет проект в целом пользоваться спросом или нет.

Я думаю, не нужно преувеличивать значение Интернета, потому что важно не количество блогов, а важно, сколько людей заходит на сайты. Можно сделать прекрасный сайт, но у него будет 10 читателей. Они будут очень живо что-то обсуждать, давать контент, но этот контент будет известен только им. Блогосфера заражает общество аутизмом. И эта аутичность погруженного в сеть человека, на мой взгляд, и объясняет, почему блогосфера, в которой в западном мире в основном пребывают подростки, у нас наполнена людьми зрелого возраста, которые решают или пытаются решать свои жизненные проблемы. Вопрос не в том, что альтернати-

вой книги может стать Интернет и поэтому надо идти в Интернет. Вопрос в исчезновении книги. Такая угроза есть, поэтому я поддерживаю предложение Бориса максимально сократить словник. По крайней мере, на пилотной фазе. 50–60 терминов – прекрасный вариант. Конкурсные анонимные статьи, рецензенты, квалифицированная редакция и корректура.

Александр Согомонов:

— Самое опасное, мне кажется, среагировать на запрос, который можно выразить словами: скажите нам, что такое хорошо и что такое плохо? Второе. Кант в своей известной статье о просвещении задает вопрос: живем ли мы в просвещенный век? И отвечает, нет, мы живем в век Просвещения. У нас серьезный оппонент, и миссией Гражданской энциклопедии должна быть, я считаю, миссия оппонирования. Наш потребитель — человек с проснувшимся гражданским интересом, и нужно этот интерес постараться превратить в зрелое гражданское сознание.

Борис сказал, что надо сократить словник. Я согласен. Но в какой логике? Что является критерием? На мой взгляд, у читателя должна оставаться возможность выбора. Поэтому если будет, скажем, статья о толерантности, то должна быть и статья о нетерпимости, поскольку нашей целью является все-таки плюрализм. Оппонирующий характер Энциклопедии и может быть ответом на вопрос о ее целевой установке. Но главное, конечно, чтобы в статьях не было менторства.

Юрий Сенокосов:

— Остановлюсь на двух терминах, важных, с моей точки зрения, для понима-

ния смысла и содержания нашего проекта в целом: просвещение и гражданское общество.

Нодар Хананашвили сказал, что в России Просвещение было, но не было отрефлексовано. Я думаю, ответ на вопрос, было ли оно у нас, дал

Юрий Сенокосов: Гражданская энциклопедия должна быть предназначена прежде всего для человека с пробудившимся гражданским пафосом

еще Чаадаев, когда написал свое первое философическое письмо и тем самым поставил диагноз: в России Просвещение не состоялось. И фактически в силу этого вместо политических партий в стране появились славянофилы и западники.

Почему я упомянул о политических партиях? Потому что и славянофилы и западники отказались от политики в ее европейском гражданском понимании, хотя и были критиками самодержавия. Славянофилы решили, что политикой они заниматься не будут, предпочитая выражать общественное мнение, причем сугубо консервативного характера. А западники, заразившись идеями радикализма, предпочли политике подготовку революции. То есть, другими словами, одни были последовательными государственниками, готовыми своим уходом от политики оправдывать существующий порядок, а другие — столь же последовательными противниками государства. И только в начале XX века в России появились политические партии и началась реформа политической системы. А чем все это кончилось, хорошо известно. Отнюдь не реализацией идеи эпохи Просвещения о разделении властей и разумном устрой-

стве государства, не говоря уже о гражданском обществе, первый трактат о котором тоже появился, как мы узнали от Александра Согомонова, в эпоху Просвещения.

Никита Соколов произнес понравившуюся мне философскую фразу о «мыслимой конструкции совершенного гражданского общества». Обычно в этой связи говорят о модели «идеального государства» и ссылаются на Платона, полагая, что это он был не только первым автором утопии идеального государства, но и родоначальником тоталитаризма. Об этом, как известно, писал Карл Поппер в своей книге «Открытое общество и его враги». Но так ли это? И какое отношение имеет в таком случае платоновское идеальное государство к гражданскому обществу и к нашей Энциклопедии? На мой взгляд, имеет. Во-первых, Платон пытался в своих сочинениях «Государство» и «Законы» изобразить не земной порядок, а *идею* социального порядка, которая неизменна по своему определению, но при этом задает горизонт понимания несовершенного порядка с позиций справедливости. Во-вторых, цитирую отрывок из «Законов»: «Есть два вида государственного устройства: один, где над всем стоят правители, другой — где и правителям предписаны законы». А законы, как известно, могут нарушаться — Платон это знал — в том числе и правителем. И в-третьих, поскольку государство «создает наши потребности», пишет Платон в «Государстве», значит, оно не может создаваться иначе, как во имя целого, которое и есть справедливость, когда «человек должен заниматься чем-то одним из того, что нужно в государстве, и притом как раз тем, к чему он по своим природным задаткам больше всего способен, и не вмешиваться в чужие дела».

Было ли такое государство в истории? Разумеется, не было. Но вот что самое интересное в рассуждениях персонажей Платона, когда они выясняют, «допускать ли нам трагедию в наше государство или нет?» (цитата из «Государства»). Ответ, если внимательно читать его диалоги, очевиден: нет, не будем допускать, потому что идеальное государство есть единственная и подлинная трагедия, а не только то, что разыгрывается на сцене театра для зрителя, который, как бы мы сказали сегодня, культурно проводит время в театре как потребитель.

То есть, будучи философом, Платон полагал, что его идеальное государство это такое государство, в котором граждане являются не просто зрителями, но участниками реальной трагедии. И, следовательно, то, что может случиться в идеальном государстве, «то искомое состояние, соразмерное идеалам человека, может случиться только героически» (Мераб Мамардашвили). Или, иначе говоря, в состоянии гражданского пафоса, когда идеальное понимается как некая цель, хотя и не достижимая на практике, но служащая своеобразным эталоном, к которому мы как граждане должны стремиться и по которому можно сверять цену достигнутого. Именно это имели в виду авторы и инициаторы проекта Гражданской энциклопедии, считая, что она должна быть предназначена прежде всего для человека с пробудившимся гражданским пафосом.

В заключение хочу искренне поблагодарить от имени Школы заместителя директора Института русского языка Виктора Марковича Живова за гостеприимство, а наших докладчиков и всех присутствующих за то, что они нашли время для участия в обсуждении концепции проекта. Я считаю, что мы проделали очень важную и нужную работу.

24–25 сентября этого года по инициативе Московской школы политических исследований в г. Кирове состоялся российско-французский семинар «Города и местные сообщества: низовая демократия и гражданская жизнь».

Ниже публикуются выступления и доклады участников семинара.

Местные сообщества и власть: опыт Франции

Елена Немировская,

основатель Московской школы политических исследований

Прежде всего хочу искренне поблагодарить администрацию Кировской области и губернатора Никиту Юрьевича Белых за помощь в организации семинара и оказанное нам гостеприимство; знаю, что здесь разделяют девиз Школы: «Гражданскому обществу — гражданское просвещение!». Наша миссия — развитие в России гражданской ответственной жизни, без которой, я уверена, не может существовать современное правовое государство и его институты.

Хочу поблагодарить также французское посольство и французское министерство иностранных дел, которые активно поддержали нашу идею о проведении семинара. На мой взгляд, это одно из значимых мероприятий в рамках года Россия—Франция.

Вот уже в течение девяти лет Министерство иностранных дел Франции и советники французского посольства уделяют Школе и ее выпускникам огромное внимание. Во Франции проходят семинары, на которых молодые люди из российских регионов знакомятся с работой национальных и муниципальных институтов во французских регионах. Мы знаем, что еще сравнительно недавно Франция была страной с высокой степенью централизации управления, но примерно 30 лет назад, если я ошибаюсь, меня поправят, французским парламентом было принят закон о децентрализации исполнительной власти и предоставлении регионам широких полномочий. И надо сказать, Франция в этом процессе преуспела. Я имею в виду вовлеченность граждан в управление, так называемую демократию участия, которая у нас, к сожалению, практически отсутствует.

Во время семинара мы будем знакомиться с сегодняшней Францией, с ее демократическим устройством, но не будем забывать, что именно Франция явилась инициатором создания Европейского союза, то есть объединения Европы. Это Франция, которая решила децентрализовать себя. И это Франция, которая сегодня обращает особое внимание на проблемы низовой демократии.

Вот несколько тем, которые мы будем обсуждать. Еще раз огромное спасибо всем за участие в семинаре.

*Никита Бельх,
губернатор Кировской области*

Дорогие друзья, я рад вновь приветствовать семинар Московской школы политических исследований на нашей земле. Вновь, потому что в прошлом году мы уже проводили совместный семинар. И надеюсь, что это станет хорошей традицией и такие семинары будут проходить регулярно. Это важно прежде всего для самой Кировской области, поскольку независимо от обсуждаемой темы всегда полезно услышать свежее мнение по поводу того, что до этого казалось очевидным. Как говорил Лобачевский: «Математику уже за то любить надо, что она ум в порядок приводит». И семинары Московской школы надо любить не за то, что на них обсуждается, а за то, что любая дискуссия стимулирует поиск новых подходов к пониманию окружающей действительности.

На всех конференциях и семинарах открывающий произносит обычно дежурную фразу о том, что тема очень актуальна, и, как правило, это не связано с тем, что думает спикер по ее поводу. Но мне сейчас говорить легко и приятно, потому что я действительно считаю, что тема, которую мы планируем обсуждать, — вопросы низовой демократии и гражданской жизни — является не просто актуальной, а сверхактуальной для Российской Федерации и для Кировской области в частности.

Перед тем как приехать сюда, я провел небольшой эксперимент. Забил в «Яндексе» словосочетание «низовая демократия», чтобы посмотреть объем ссылок. Нашлось порядка 190 тысяч, и первая ссылка была на сайт политической партии «Союз правых сил», стенограмма круглого стола 2006 года. А потом забил другое словосочетание — «суверенная демократия», и ссылок оказалось в 5 раз больше. Поэтому не надо себя утешать, что 190 тысяч это много. Что здесь, как мне кажется, важно... Эта интернет-арифметика о соотношении мнений и высказываний о демократии, заставляет серьезно задуматься, что без развития низовой демократии, гражданского общества демократия невозможна.

Сейчас в выступлениях наших руководителей и политиков упоминание о модернизации становится общим местом. Но при этом в обществе нет консенсуса относительно того, что такое модернизация. На форумах и конференциях нередко говорят, что это прежде всего модернизация общества. А когда начинаешь общаться с людьми, понимаешь, что представление о ней сводится в основном к технологическим аспектам. Хотя, повторяю, в среде специалистов, выступающих на форумах и конференциях, понимание, что никакая технологическая и экономическая модернизация невозможна без модернизации общества, уже, слава богу, наступает. Но наступает в режиме скорее болезненного разочарования, поскольку круг проблем, с которыми сталкиваются эксперты при обсуждении вопросов модернизации общества, оказывается таков, что ответа, что делать, ни у кого практически нет.

Для меня показательным в этом плане было недавнее выступление Игоря Юргенса, который сказал, что население нашей страны сосредоточено на том, как бы уклониться от гражданских обязанностей. К сожалению, это так. Поэтому возникает глобальный, как мне кажется, вопрос и одновременно вызов для России: как от патерналистского, пассивного, инертного общества перейти к обществу инициативному и готовому к тому, чтобы генерировать инициативы и реализовывать их?

Готовясь к выступлению, я набросал тезисы, которые назвал «7 меркантильных шагов к гражданскому обществу». Главным в этом названии является слово «меркантильные». Я абсолютно

*Никакая технологическая
и экономическая модернизация
невозможна без модернизации
общества*

убежден, что сегодня и общество в лице активных граждан, и власть должны приложить все усилия, чтобы доказать, что гражданское общество выгодно всем. Его невозможно создать только с помощью призывов президента и постановлений правительства. В этом, наверное, была ошибка демократических сил в 90-х годах, когда, рассуждая о демократии, забывали об отсутствии колбасы в холодильнике, необходимой для нормальной жизни зарплаты и т.д. Поэтому очень быстро идеи демократии для большинства граждан оказались дискредитированными. И точно так же сегодняшние разговоры о гражданском обществе, кто бы в них ни участвовал, могут закончиться ничем. Это, знаете, как со здоровым образом жизни. Я не видел еще ни одного человека, который бросил бы пить, прочитав на рекламных плакатах призыв «Папа, не пей!». Но я знаю людей, которые осознали в какой-то момент, что работать по 20 часов в сутки, употребляя спиртное, невозможно. Человек должен выбрать что-то одно, но главное — прочувствовать необходимость тех или иных изменений. «7 меркантильных шагов» это мое видение плана того, что предстоит нам сделать в Кировской области, чтобы убедить людей в их финансовой в том числе заинтересованности в повышении гражданской активности. Здесь и вопросы дополнительного пенсионного обеспечения, и вопросы налогообложения, и вопросы, связанные с ТСЖ, с управлением многоквартирными домами. И еще несколько вопросов, о которых я сейчас рассказывать не буду. Скажу лишь, что во время только что закончившейся пресс-конференции с журналистами, я услышал от одного из наших французских коллег фразу о местном самоуправлении, работе коммун и для себя пометил, что это может быть восьмым шагом в том перечне мероприятий, о которых упомянул. Надеюсь, что сегодняшний семинар не будет слишком теоретизированным и каждый вынесет из него нечто практически полезное, и если это получится, будем считать это еще одним шагом к гражданскому обществу.

*Уго де Шаваньяк,
советник по культуре и сотрудничеству
посольства Франции в РФ*

Программа года Франция—Россия, согласно договоренностям российского и французского правительств, включает проведение мероприятий, таких как наш семинар, не только в столицах, но и в регионах. Дружба между нашими странами должна развиваться и на уровне регионов. Поэтому естественно, что наш семинар по такой важной теме, как местная демократия, проходит в одном из городов, представляющих «другую Россию», которая не очень хорошо известна за границей.

Когда мы во Франции спрашиваем у людей, что такое демократия, они начинают рассуждать о демократии на уровне государства и только потом говорят о ней на местном уровне. Тем не менее низовая демократия в наши дни это самая живая форма демократии, за которую они проголосовали. Во Франции это уже достаточно устойчивый институт. Но, как заметила г-жа Немировская, Франция действительно была централизованным государством. Только три десятилетия назад, когда власти осознали, что чрезмерная централизация может плохо кончиться, что гипертрофия власти в столице страны опасна, у нас началась децентрализация. Появилась концепция «работы на уровне регионов» и начались поиски сбалансированного технического, а точнее, экономического подхода к решению проблемы.

Затем, на втором этапе, политический класс понял, что этого недостаточно, что нельзя подменять политику экономикой. И в 1980-х годах были приняты законы о децентрализации, делегировавшие местным органам власти определенные полномочия, которыми раньше они не обладали: на трех уровнях французской административной системы, то есть города, департамента и региона. Более чем за 20 лет мы накопили богатый опыт местной демократии — многие города и регионы решали свои проблемы в области защиты окружающей среды, урбанизации и т.д. Это важный этап, или, если угодно, живая лаборатория децентрализации в результате передачи полномочий местным выборным властям, очень важный эксперимент. В России, насколько я знаю, такое движение началось позже, но, думаю, оно тоже приведет российские власти к пониманию, насколько важной является демократия.

Наш семинар не единственный в этом году, в конце ноября в Страсбурге состоится встреча между представителями местных властей Франции и России.

На мой взгляд, российско-французские отношения в этой области находятся на подъеме, и я уверен, что они будут развиваться и дальше, поскольку мы в этом заинтересованы.

Европа регионов

Даниель Верне,
заместитель главного редактора газеты «Ле Монд»

Я буду поговорить о региональной Европе с точки зрения Европейского союза.

Начну с принципиального замечания. Можно сказать, что лозунг Европейского союза — единство в разнообразии. И одной из целей европейских институтов является как раз формирование демократической среды, единство и уважение разнообразия членов Союза не только на уровне государств, которые его составляют, но также на региональном и местном уровнях. Когда мы говорим о европейских институтах, то имеем в виду треугольник, который состоит из Европейской комиссии, Европейского союза и Европейского парламента. Европейская комиссия — это высший орган исполнительной власти ЕС. Европейский союз представляет государства, это так сказать Сенат, в чем-то напоминающий российский Совет Федерации. А Европейский парламент представляет граждан объединенной Европы. Эта конструкция оригинальна. Если мы возьмем классические учебники конституционного права, то не найдем там примеров такого устройства. Бывший председатель Европейской комиссии Жак Делор говорил, что Европейский союз трудно идентифицировать, и проводил параллель с летающими тарелками, о которых все знают, но никто их не видел. Так и названные институты ничему известному в прошлом не соответствуют. Европейский союз не государство, не федерация государств, хотя в нем и есть элементы федерации. Например, Европейский центральный банк, который управляет единой европейской валютой. Этот институт как раз федерального уровня. Евросоюз — и не конфедерация, а нечто совершенно новое, не известное в прошлом. Опять же, цитируя Жака Делора, скажу, что ЕС это скорее федерация государств-наций.

Я сказал о трех институтах. И есть еще два института, о которых часто забывают. Это Суд ЕС, который решает спорные вопросы между Европейской комиссией и государствами. И еще один институт, относительно новый, — Комитет регионов, что имеет как раз отношение к теме нашего семинара. Он был создан по Маастрихтскому договору и действует с марта 1994, представляя регионы на уровне Европейского союза. Этот институт, повторю еще раз, малоизвестен, в том числе и для самих граждан Европы. Очевидно потому, что функция этого института только консультативная; он высказывает свое мнение Комиссии или парламенту Европы о тех вопросах, которые касаются региональной политики. А Европейская комиссия и Совет Европы, согласно Маастрихтскому и Амстердамскому договорам, в свою очередь, тоже обязаны консультироваться с Комитетом по вопросам, важным для местного и регионального уровней. Комитет регионов собирается 3 раза в год и состоит из 344 членов.

К сказанному добавлю, что Комитет следит за соблюдением принципа subsidiarity, записанного в Маастрихтском договоре. Этот старый церковный термин ввел Жак Делор еще в конце 1980-х годов. Сегодня в юридическом смысле слова subsidiarity означает, что в рамках ЕС решения должны приниматься на уровне, наиболее близком к гражданам, что очень важно. Однако у нас идет постоянная дискуссия о дефиците демократии, потому что у граждан ЕС создается впечатление, что решения принимаются в Брюсселе, а демократическая процедура Еврокомиссии играет роль лишь некоего декора. Комиссия представляется далекой от простых граждан, и только некоторые ее директивы влияют на их непосредственную жизнь. Есть такой карикатурный пример вопроса, рассматриваемого Комиссией: каким должен быть огурец, который продается во всех 27 странах ЕС? Это, конечно, карикатура, но принцип subsidiarity как раз и должен противостоять тенденции к излишней централизации в рамках ЕС, для того чтобы принимаемые решения были как можно ближе к гражданину.

Повторяю, Комитет регионов был создан, чтобы дать возможность выразить свое мнение на европейском уровне представителям местных и региональных объединений, так как именно они призваны претворять в жизнь большую часть общеевропейских законов.

И второе, о чем я хотел бы сказать, относится к проблеме единства в разнообразии не только с институциональной, но прежде всего с экономической точки зрения.

Создание ЕС произошло благодаря региональной политике, которая, естественно, была направлена в первую очередь на выравнивание различий в уровне жизни разных субъектов, входящих в Союз. Для решения этой масштабной задачи в свое время были разработаны соответствующие программы и созданы фонды, в которые, в частности, только в текущую пятилетку до 2013 года предполагается вложить 350 миллиардов евро. Эта сумма распределяется между странами ЕС по различным критериям. Но в итоге самые богатые регионы, разумеется, получают меньше, чем самые бедные. Например, Франция за это время получит приблизительно только 13 миллиардов евро в региональные фонды, а Польша — 60 миллиардов.

Все это делается в ЕС, повторяю, на институциональном и региональном уровнях, чтобы реализовать принцип единства в разнообразии.

Значит ли это, что мы идем в направлении создания Европы регионов? Когда лет двадцать назад началась дискуссия по этому поводу, многие сторонники европейской интеграции считали, что ЕС таким образом преодолет рамки национального государства и его функции снизятся. А роль и значение структур, которые решают проблемы на общеевропейском уровне, соответственно возрастут. То есть считалось, что регионы в конце концов станут некой федерацией, и появится новая объединенная Европа. Сейчас же эта идея несколько отступила на задний план. Во-первых, потому, что госу-

Хаим Стейнбах. Обаяние традиции. 1985

дарства, сохранившие свою национальную идентичность, сложившуюся исторически, гораздо лучше смогли противостоять глобализации. А во-вторых, потому что ситуация в самих регионах и их идентичность также сильно отличаются в зависимости от страны. Скажем, в ЕС входит такое федеральное государство, как Германия, где 16 земель управляются своими парламентами. А есть такие страны, как Италия и Испания, которые не являются федеративными государствами, но регионы в них обладают большей автономией. И есть страны, как Франция, которая уже больше 20 лет проводит политику децентрализации. Но пока мы не можем сказать, что французские регионы играют такую же роль, как, скажем, в Испании или Италии, где у регионов полномочий гораздо больше. Поэтому пока очень трудно представить некую федерацию регионов на общеевропейском пространстве, которая преодолела бы рамки национальных государств. И, собственно, поэтому мы продолжаем дискуссию о демократии и ее переосмыслении на различных уровнях, начиная с центральных органов ЕС и заканчивая небольшими городами и муниципалитетами.

Демократия и гражданское общество

Жорж Гончаровф,
основатель НКО «ADELS»

Я хотел бы разделить свое выступление на три части. Во-первых, коротко сказать о концепции, лежащей в основе демократии участия во Франции, опираясь на исторический опыт страны. Во-вторых, как эта концепция реализуется сегодня. И в третьей части остановлюсь на проблеме низового уровня демократии, основываясь на моем журналистском прошлом. А журналист, как известно, должен все видеть собственными глазами, чтобы разобраться и понять, какие существуют противоречия между словами политиков и делами, то есть практикой, которая складывается на местах.

Концепция демократии участия уходит своими корнями в историю рабочего движения. Как изменить общество: сверху или снизу? Французские социалисты яростно спорили по этому вопросу еще в конце XIX века. Следует ли сначала завоевать власть, и тогда система изменится? Или нужны иные принципы? Большинство французских социалистов выступало за самоорганизацию трудящихся в рамках существующего государства в формах кооперативов, касс взаимопомощи и т.д., то есть действий в соответствии с идеей «муниципального социализма». Уже в середине 1930-х годов в коммунах у нас действительно создавались островки социализма.

Таким образом, в основе концепции была идея государства. Как только мы придем к власти, демократия начнет широким фронтом развиваться и государство изменится. И наоборот, выражаясь словами Мао Цзэдуна: «Государство изменится, если мы вырастим тысячу демократических цветов». На том, какие «цветы» им были выращены во время культурной революции, я останавливаться не буду.

Так как же эта проблема демократии решается сегодня, когда заходит речь о социальной мобилизации? Ясно, что низовая демократия основана на вовлечении в управление демократически мыслящего гражданина. Мы делаем ставку на человека, который хочет принимать участие в местной жизни, чтобы понимать, как идут дела в его квартале или районе, и участвовать в диалоге с властью. Существует ли достаточное количество таких граждан? Французские социологи задают этот вопрос в основном жителям коммун численностью 30–40 тысяч человек и в ходе анализа полученных данных исключают, естественно, тех, кто «против», поскольку известно, что граждане всегда мобилизуются скорее «против», чем «за» что-либо. И когда 3–4% «за», для нас это уже успех. Разумеется, нас интересует также вопрос, что это за люди, какие социальные слои они представляют. Исследования показывают, что, как правило, это представители среднего класса, так называемая новая буржуазия. А также пожилые люди, которые, выходя на пенсию, хотят продолжать активный образ жизни.

Французские социалисты назвали этот феномен «утопией народного самоуправления». Чтобы ответить на вопрос, почему, перейду к третьему пункту своего выступления.

Представительная демократия во Франции переживает в настоящее время глубокий кризис. Увеличивается количество избирателей, которые не ходят на выборы, — это очень опасный симптом. Возможно, это усталость от демократических процедур, хотя обычно это объясняют тем, что политические партии потеряли уважение населения. Это касается как левых, так и правых партий.

Значит, речь идет о том, чтобы у людей возникло желание заниматься политикой, учитывая, что

*Мы делаем ставку на человека,
который хочет принимать участие
в местной жизни и участвовать
в диалоге с властью*

такое желание не нечто врожденное у человека и зависит от воспитания гражданской позиции. Во Франции традиционно эту роль играет школа. Еще в XIX веке в уставе школы было записано, что она должна воспитывать граждан республики. Но современная школа, на мой взгляд, не уделяет этому достаточного внимания. А существующая система так называемого народного обучения (различные курсы, ассоциации и проч., которые есть и в городской, и в сельской местности) буксует оттого что люди, стремящиеся организовать свою работу таким образом, чтобы человек осознал свою ответственность и занял активную гражданскую позицию, часто не находят понимания и поддержки депутатов. К слову, я не сказал бы, что все депутаты являются у нас убежденными сторонниками демократии. Скажем, мэр может занимать свой пост и при этом вести себя как автократ. Только некоторые муниципалитеты пытаются установить связь с гражданами, прислушиваться к их мнению. Обычно, когда мэра (или депутата) выбирают и он получает определенные полномочия, то он исполняет свои обязанности, используя современные виды коммуникации для манипулирования общественным мнением. Я не считаю это демократией.

И еще одна проблема местной демократии — технические работники. Речь идет о муниципальных служащих. Возможно, это еще более сложный вопрос, чем с депутатами. Во Франции существует целый класс, который мы называем технократией; это специалисты, получившие образование в престижных учебных заведениях. Этим людям сложно понять, что обычный гражданин может иметь свое мнение в отношении тех проблем, которые они должны решать. Например, управляющий какой-нибудь муниципальной коммунальной службы считает, что люди, которые не знают сути проблем обустройства города, не должны присутствовать при их обсуждении. Хотя очевидно, что жители муниципального образования должны принимать участие в принятии решений, которые их касаются.

В процессе деконцентрации публичного управления, особенно после принятия соответствующего закона в 1992 году, у нас возникли децентрализованные институты власти — выборные советы разных уровней административно-территориальных образований. Эта форма местной демократии приближает оказание услуг к потребителям, стимулирует гражданское участие и подразумевает четыре важных компонента. Я не буду вдаваться в детали. Это сравнительно недавний опыт, скажу лишь, что главы муниципалитетов, в которых более 8 тысяч жителей, обязаны создавать общественные советы.

Итак, первый компонент — создание информационного пространства. Информация должна идти в двух направлениях: сверху вниз, чтобы граждане знали, как организована и работает власть; и снизу вверх — от общественных организаций и отдельных граждан в виде жалоб или вопросов, которые их волнуют. Информация, идущая вниз, особенно важна с точки зрения воспитания гражданской активности населения, поскольку показывает, как власть реагирует на запросы граждан.

Второй компонент — учет общественного мнения. Представители власти должны опираться на мнение граждан в отношении того или иного проекта. Возьмем, например, градостроительный план. Его нельзя принимать без предварительного обсуждения с населением. Нередко бывает так, что тот или иной проект одобрен, а граждане о нем ничего толком не знают.

Третий компонент — согласование с гражданами решений, касающихся обустройства территории. Для этого могут быть организованы смешанные муниципальные комиссии и другие структуры, в которых специалисты, депутаты и граждане работают вместе, создавая досье, на основе которого принимается решение, отражающее мнение всех заинтересованных сторон.

И последний компонент — так называемое делегирование властных полномочий на этапе принятия решений. На заседаниях муниципального совета могут, помимо депутатов, присутствовать и граждане, но только депутаты имеют право выносить окончательное решение, например, по поводу бюджета на обустройство городского квартала, поскольку они наделены такими полномочиями избирателями. Это основная задача низовой демократии. Но если, предположим, глава муниципалитета видит, что граждане начинают во время заседания совета слишком бурно реагировать, он может распорядиться удалить их из зала.

Такова вкратце роль выборных представителей народа и наша демократия. Демократия хороша, но до определенного уровня.

О французском опыте развития местной демократии

*Робер Эрман,
вице-мэр г. Страсбурга*

Я уже 20 лет являюсь депутатом городского совета и не сомневаюсь в том, что подобные встречи, на которых обсуждаются проблемы развития территорий с точки зрения инноваций в экономике, в социальной сфере, а также в области культуры, очень важны.

Французская демократия переживает кризис доверия, это одна из основных политических проблем в стране, потому что граждане хотят, чтобы к ним прислушивались и советовались с ними не только во время избирательных кампаний.

Расскажу о том, какой путь выбрал Страсбург для восстановления доверия граждан.

Разработанная нами программа развития местной демократии направлена на создание новой модели легитимности и на развитие отношений доверия между исполнительной властью и жителями города. И могу сказать, что новые районные советы, как и другие структуры местной демократии, существующие в Страсбурге, сегодня отвечают потребности граждан в демократической организации, основанной на прозрачности процесса обсуждения проектов и принятия решений, информировании населения и учета всего спектра мнений. У людей возникло желание принимать участие в обсуждении городских вопросов и возможности реализовать свое право играть более активную роль в решении проблем развития города.

Но бывает и так, что решения исполнительной власти противоречат коллективному мнению жителей. Чтобы избежать таких коллизий, согласование проектов между гражданами, депутатами и городскими службами мы начинаем поэтому на самых ранних стадиях подготовки решений. Хотя, подвергая их обсуждению на этом этапе, депутаты заведомо идут на реальный риск их отклонения общественным мнением и экспертами. Но таковы издержки демократии, и в этом же ее преимущество, так как привлечение граждан к обсуждению решений, публичная экспертиза все же существенно снижают вероятность ошибок власти.

Преимущества такого подхода очевидны и заключаются в стимулировании активности жителей. За 15 месяцев, которые прошли после последних выборов в районные советы, на заседаниях нашего городского совета было заслушано 40 экспертных заключений, касающихся проблем благоустройства, размещения рекламы, оборудования автостоянок и других вопросов городской жизни. Мнения жителей учитывались при этом на самых ранних стадиях разработки проектов, то есть на момент представления предварительного проекта и проектного задания. И, кроме того, в 2009 и 2010

Дэвид Сеймур. Бернард Беренсон. 1955

году было проведено более 250 собраний по согласованию проектов в режиме диалога с жителями. А также были созданы общегородские объединения для совместной разработки перспектив развития города и территориальные объединения с участием представителей различных общественных организаций. Следует также отметить, что обсуждения проектов проходят, как правило, без участия депутатов, чтобы избежать давления на решения. В 2009 году на проекты, получившие одобрение жителей, был выделено 203 миллиона евро.

Разумеется, принятием совместного с гражданами решения по какому-либо проекту работа не заканчивается. Для города очень важно, чтобы все аспекты реализации проекта были под постоянным контролем местных сообществ, прессы, телевидения: расходование финансов, график работ, оценка результатов и т.д. должны быть абсолютно прозрачными и понятными гражданам на всех этапах.

Такова суть механизма согласования интересов и мнений различных участников процесса организации общественной жизни, в данном случае в нашем городе. Не возьмусь утверждать, что он совершенен, но, повторюсь, он — неотъемлемая часть демократических процедур, которые должны и могут улучшаться гражданским обществом в его интересах.

Демократия — это процесс, который требует постоянного внимания всех участников и настойчивой работы по его совершенствованию.

*От городской политики
к политике городов:
о смыслах муниципальной стратегии
в современном мире*

*Александр Согомонов,
академический директор
Центра социологического
и политологического
образования РАН*

Города начинают играть в современном мире не свойственную им ранее роль самостоятельных субъектов глобального сотрудничества и конкуренции. Ближние и дальние соседи соперничают друг с другом уже не столько за ресурсы и мировое (или региональное) влияние, сколько за людские и денежные потоки, символический и социальный капитал (не суть важно при этом, принадлежат ли они одному национальному государству и насколько близко они расположены друг от друга). Национальные государства, в свою очередь, буквально повсюду осуществляют все меньший контроль над городами, оказывая им большее доверие и существенно сокращая былой правительственный патронаж в отношении их развития.

Новая реальность ставит перед внезапно «повзрослевшими» городами дилемму — следовать своим курсом (а для этого большинству муниципалитетов этот курс надо придумать, внятно сформулировать и предложить местному сообществу и миру) или не «высовываться» и по-прежнему встраиваться в привычные рамки традиционных национальных стандартов.

Благополучие городской жизни, по крайней мере в сегодняшней России, достижимо именно этими *двумя путями*: (а) административно-распределительным и (б) культурно-политическим.

Первый предполагает желание (и умение, ибо одного желания зачастую бывает недостаточно) комфортно включения в существующую околосударственную сеть. Такой город всегда будет исходить из соображений «верного поведения» (корректнее сказать: правильного в отношении высших эшелонов государственной власти). Он как бы просчитывает: правильно поступим — дадут больше, еще лучше поступим — дадут еще больше. Такой город не ссорится ни с одним уровнем властной иерархии государства, пытается удачно вписаться в федеральные

проекты и, если и обладает своей концепцией развития, то почти исключительно pro forma, мол, раз уж центральное правительство формулирует проект для страны до 2020 года, то и мэру положено. Очевидно, что эти муниципальные «тексты» изначально создаются как чисто чиновничьи, в них нет ничего от реальной политики, они живут своей жизнью в отрыве от постоянно меняющейся действительности.

Города, отказывающиеся от исключительной административно-распределительной логики, в России пока в меньшинстве. Их не устраивает в первую очередь то, что все время приходится «протягивать руку за кислым исполкомовским рублем», — как говорил, применительно к себе, еще Остап Бендер. Они хотят преодолеть униженно-подчиненный статус по отношению к государственной власти или, по крайней мере, не зависеть от нее столь явно: они готовы и намерены взять на себя больше. Такие города, как правило, задиристы, амбициозны и с большим самомнением; чаще всего их ждет непростая стезя отчаянной конкурентной борьбы с региональными властями субъектов федерации (и примеров тому множество).

Справедливости ради замечу, что до сих пор ни та, ни другая муниципальная философия не доказала и не опровергла своего очевидного преимущества, поскольку наша федеральная политика постоянно шарахается из стороны в сторону. Но представители своевольного меньшинства всё отчетливее чувствуют свою «планку», выше которой не прыгнешь, а их протагонисты на урбанистической сцене выбились из сил на ниве сплошного противоборства с вертикалью власти.

Однако, как бы то ни было, обе муниципальные философии привели совре-

менные российские города к необходимости формулировать свое аутентичное муниципальное качество, объединяющее местные власти и сообщества горожан в совместном поиске городской идентичности. Правда, почти нигде этот поиск не реализуется как совместный культурный проект: в одних случаях новые идеи формулируют власти, в других — городские интеллектуалы, в-третьих — заинтересованные группы локального (или национального) бизнеса, хотя нередко и просто одиночки из числа «городских сумасшедших». Но в любом случае мы видим все усиливающееся тяготение коллективного сознания современных городов к более устойчивым и внятным для внутреннего и внешнего восприятия урбанистическим образам. Так, буквально у нас на глазах современные города, независимо от их размеров, истории и современного положения, так или иначе приступили к поиску собственного неповторимого лица. Но поскольку сегодня глобальные связи в мире прочно закрепляются на уровнях более низких, чем национальный, то расстояние между городами играет все меньшую роль. Поэтому, оказавшись в принципиально новых для себя условиях, города, претендующие, например, на статус «европейских культурных столиц» или просто включенных в «актуальные тренды», начинают весьма нетрадиционно искать свои конкурентные преимущества. Все меньшее значение для них имеет близость к природным ресурсам, выгодное географическое положение, административный потенциал и т.д. Разумеется, в ближайшей перспективе эти факторы роста по-прежнему останутся значимыми, но на передний план выходит символический и социальный капитал. Исконная идентичность города подчас гораздо быстрее

способствует его капитализации, чем материально-объективированные преимущества, как, к примеру, доступность натуральных богатств.

Итак, какова же новая диспозиция? Прежде всего мы наблюдаем *разгосударствление* современных городов, когда их нынешний статус и вектор развития больше зависят от них самих, чем от правительств. Причем государство в подавляющем большинстве случаев уходит из жизни городов вынужденно (дефицит бюджетных средств, высокая цена муниципального роста) и совершенно сознательно, поскольку не может (а порой и не хочет) брать на себя ответственность за развитие муниципалитетов. Оставшись наедине с самими собой, города начинают формулировать векторы развития на свое усмотрение, на свой вкус и разумение. А это означает, в свою очередь, что города так же по необходимости и вполне осознанно *индивидуализируются*. Успешны те муниципалитеты, которые оперативно и адекватно находят свою неповторимую идентичность и извлекают из нее городскую ренту; менее удачливы те, которые в борьбе за тактическое выживание пренебрегают вопросами стратегии и идентичности, полагаясь на старые и «проверенные» концепции городского развития.

Разгосударствление и индивидуализация городов сопровождают их по дороге в будущее и до известной степени предопределяют социальные процессы, происходящие в городах. А тем временем города по всему миру то сливаются друг с другом, укрупняясь в агломерации, то предпочитают идти вперед поодиночке, то ищут для себя новые символы и образы, соревнуясь за обновленные ярлыки. К примеру, в России практически нет крупных городов, которые не претендовали бы на тот или иной столичный статус,

пусть даже и чаще всего метафорический по смыслу. Западная, южная, уральская, поволжская столицы, культурная, хлебная, морская, олимпийская и пр. И это при семи «легальных» федерально-окружных столицах, кроме «главной» и северной. Десятки городов с энтузиазмом погрузились в надуманные юбилейные празднества, особенно это касается тех городов, о времени основания которых письменные источники умалчивают. 500-летия, 1000-летия, 1500-тысячелетия как будто бы по мановению волшебной палочки случились повсюду почти одновременно. И то, что эти даты «притянуты за уши», слабо или даже вовсе исторически или археологически не обоснованы, мало кого останавливает. Научной «фальшью» полнится публичное пространство муниципалитетов, отчаянно борющихся за обновленные культурно-символические статусы «истинно древних» городов.

При этом сегодняшние города лишь изредка оглядываются на стандарты и критерии классической «городской политики», а тем более на те административные лекала, которые ранее предлагало и по-прежнему предлагает им государство. Они жаждут автономии, причем именно качественно новой автономии — в свободе выбора курса развития. И, как правило, преуспевают в этом. Вот почему на уровне тенденции можно предположить, что мир (и Россия в том числе) упрямо движется от «городской политики» к «политике городов», то есть *от следования стандартам — к индивидуальной рефлексии*. Эта смена вех означает не только то, что с удивительной скоростью множатся городские стратегии, но и, прежде всего, — трансформацию собственно смыслов и философии городского развития. Смыслы приумножаются и варьируются, а новая

философия города становится преимущественно *нишевой*.

Повторюсь: конечно же, экономическая составляющая все еще остается стержневой при формировании муниципальных стратегий. Но уже не зонтичной, то есть предопределяющей вектор и буквально все смыслы развития. Более того, само «развитие» уже не отождествляется напрямую только лишь с экономическим ростом. Муниципальное развитие понимается гораздо шире и глубже, ориентированным на человека и его разнообразные потребности, а не исключительно на рост экономической мощи и хозяйственных институтов. В этом смысле, считают некоторые городские стратеги, успешное муниципальное развитие может происходить и без бурного экономического роста.

Что отныне мы понимаем под *успехом города*, если города игнорируют стратегические модели усредненной «городской политики», а влияние «столичных» правительств убывает? Если города, напротив, ошупью и разнонаправленно двигаются вперед, избегая масштабных инвестиций и предпочитая скромные вложения в самих себя и собственный имидж. Очевидно, в эпоху множественных политик городов стираются унифицированные критерии муниципальной успешности. Да и такие эпитеты, как «центральные» и «провинциальные», «ведущие» и «ведомые», «лидерские» и «отстающие», в отношении современных городов мы употребляем скорее по привычке и в силу неразвитости нового урбанистического словаря.

Успех города сегодня прежде всего зависит от того, насколько город преуспел в обнаружении *аутентичности* собственной муниципальной жизни. Точнее, насколько искомая аутентичность принимается местным сообществом и внешним миром? Есть ли у

города своя внятная идея и доктрина? Самобытен ли его «дух места»? Узнаваемо ли всё это со стороны и изнутри? И наконец, в какой степени аутентичность жизни производит муниципальную ренту, кормит город и его жителей?

Города как коллективные субъекты ныне сами вербализуют общие ценности и смыслы, исходя, конечно же, из баланса своих интересов и возможностей. Города, предрасположенные к спокойной жизни и внутренне ориентированные на нее, не стоит подталкивать (да и вряд ли это кому удастся) к чему-то, противоречащему их коллективному представлению о своем «благополучии». Не приживутся у них, сколь сладостными и перспективными ни казались бы, предлагаемые им со стороны проекты хозяйственного бума. И, напротив, склонные к лидерству города будет весьма трудно урезонить аргументами концептуальной умеренности. Иными словами, государственные и экспертные представления о «светлом» будущем конкретных городов (или урбанистических кластеров) теряют резоны, когда наталкиваются на непреодолимую стену коллективного непонимания или неприятия навязываемой извне модели своего будущего. *Критерии собственного успеха горожане извлекают из самих себя*, а не апеллируют к чему-то объективно заданному.

Любопытно, что ориентация современных городов на индивидуализированный успех свойственна всему миру, без особых различий в уровне развития и материального благополучия. А Россия, в силу бесконечного разнообразия внешних и внутренних условий, антропологической предьстории и исторического наследия, просто обречена на муниципальный плюрализм. Причем не столько конструируемый, как обычно, сверху, а рефлекслируемый на низо-

Мать Мерсье. Без названия. 2006

вом уровне. Иной культурный вектор развития российских городов вряд ли оправдает себя. Достоинство российского города в его собственном и выношенном для себя успехе.

Впрочем, на пути к искомой муниципальной идентичности у российских городов немало объективных препон. Это несправедливое распределение налогов, нищие городские бюджеты, коррупция, монополизация бизнеса, системная зависимость от вертикали власти и т.д. Многие из этого поправимо, была бы только политическая воля. Но вот тяжелое советское наследие ускоренной урбанизации действительно — препятствие номер один. Города не только кажутся похожими друг на друга, они и на самом деле являются «однойцевыми близнецами». Как рассуждали в свое время большевистские стратеги, планировавшие отстающую модернизацию и индустриализацию

страны, «тепло и свет» — два фундаментальных качества новых или обновляемых городов. Об идентичности не просто не шла речь, а даже наоборот, эта тема муниципального развития была жестко табуирована. С «гением места» старорежимных городов шла «классовая борьба». Старые традиции выкорчевывались, а на смену им навязывался один унифицированный идеологический штамп «культурно достаточной» городской жизни. Из единообразия городской жизни России найти сегодня в каждом конкретном случае аутентичный выход — дело весьма сложное, но чрезвычайно актуальное и, может быть, даже более приоритетное.

Не случайно городские политики в России так много толкуют об имидже и позиционировании своих городов. Для них это отнюдь не дань моде, а глубинная потребность. И не удивительно, что свои городские стратегии они заказыв-

вают не экспертам урбанистам, а рекламным агентствам — столь сильно у них желание быстрого обретения неповторимого лица, пусть даже и лицедейской маски, но обязательно оригинальной, яркой и броской, как вся современная реклама. Не важно при этом, как этот имидж соотносится с реальностью. Принципиальна маркетинговая продажа города, как обычного товара, с его рациональными и эмоциональными выгодами. «Я люблю Москву с ее привлекательной противоречивостью», гласит гигантский баннер, вывешенный на главных магистралях города. Парадокс и внутренняя энергия слогана, к сожалению, не заменяют собой ни стратегического мышления, ни внутреннего видения будущего.

Малым и средним городам, как это ни покажется странным, при скудости ресурсов нередко удается быстрее перестроиться и обрести новый символический статус. Провинциальность не отпугивает, если она приносит городу ренту. Тем более что во всем мире и в России в частности растет число людей, которых не устраивает столичность ни в административном, ни в культурном, ни в повседневном значении.

Новые урбанистические конструкты гораздо легче и быстрее «привить» малому или среднему по размерам муниципалитету. Экогород, город развлечений, город-сад, город-музей и им подобные популярные образы очень часто рождают чувство благополучия из ничего, как бы из воздуха. Тихая, спокойная и желательна безопасная городская среда обогащается одной или несколькими имиджевыми идеями — и репозиционирование города завершено. Успешных примеров такой муниципальной перестройки немало: это многие города «Золотого кольца» (к примеру, Суздаль и Углич), Поволжья

(Мышкин, Козьмодемьянск, Елабуга), Северо-запада (Пушкин, Великий Устюг) и др.

Во всех подобных примерах просматривается как новая *парадигма поиска Себя*, так и новая *матрица побед*. Поиск идентичности основан на философии муниципальной ниши, а критерии успешности — уникальны в каждом конкретном случае. Эти победы невозможно повторить ни в каком другом месте, а неповторимое лицо города так и останется абсолютно уникальным. Таким образом, постепенно индивидуализация отдельных городов в самых разных уголках пока еще общего урбанистического пространства России наделяет их новым символическим статусом с большим и перспективным потенциалом капитализации.

И поскольку история страны «приватизирована» ее двумя столицами, то остальным городам России остаются локальные герои и случайно выпавшие из общей колеи события, народные легенды и сказания, художественный и исторический вымысел. Многие города с удовольствием включаются в это инновационное мифотворчество, а успешные муниципальные стратегии чаще основаны на «выдумке», чем на выверенных фактах. Этому, правда, не стоит удивляться, ибо реальные факты, как правило, не провоцируют воображения и не привлекают коллективного внимания. А сегодня политически скорее востребовано именно последнее. Город Мышкин перестраивает свою концепцию, основываясь на легенде о своем основании. Козьмодемьянск свой городской ландшафт выстраивает в соответствии с идеей о том, что этот город и есть знаменитые Васюки, описанные Ильфом и Петровым. Ни жителей этих городов, ни посетителей не смущают подобные имиджевые выдумки, а власти чрезвычайно довольны,

поскольку такой креатив в большинстве случаев оборачивается ростом доходов, притоком визитеров (прежде всего организованных туристов) и капитализацией земли. Не менее важно и то, что творческие находки способствуют большей устойчивости городского сообщества: борьба за горожанина — не менее значимая цель муниципальной стратегии, чем привлечение массового посетителя.

Мегаполисы, где жизнь обустроена несколько по-иному, предлагают жителям и визитерам аутентичный кластерный комфорт, удобство деловой коммуникации (все в шаговой доступности при минимуме издержек) в сочетании с уникальностью городского пейзажа и культурной инфраструктуры. Конкуренция между мегаполисами за предоставление таких возможностей чрезвычайно велика. Как не упустить предпринимателя из своего города? И даже более того, как создать у себя более привлекательный деловой климат? Подобными вопросами сейчас озабочены города, претендующие на статус «мировых». И накал соперничества здесь беспрецедентный: ведь сегодня руководить бизнесом можно откуда угодно! Опыт же показывает, что выигрывает тот, кто предложит более внятную концепцию.

Успешно и эффективно вести дела можно с прекрасным и неповторимым видом на Великие озера, что, собственно, с точки зрения современного бизнеса по-прежнему делает Чикаго уникальным, хоть и «одним из», процветающим деловым центром мира. Впрочем, город проиграл бы общемировое состязание, если бы исходил только из универсального критерия удобства ведения дел. В современном мегаполисе важны не

только бизнес-комфорт, высокие зарплаты и пенсии. Четкое разграничение культурных зон — зона деловой свободы и конкуренции, досуга и приключений, покоя и коммунальной сплоченности — делает долгосрочные стратегии городов зависимыми от идентификационного

Успех города сегодня прежде всего зависит от того, насколько он преуспел в обнаружении аутентичности собственной муниципальной жизни

выбора городского сообщества, а не только от воли и желания властей.

А такой выбор, в свою очередь, все заметнее зависит от ожиданий и предпочтений миграционных потоков. Исследования показывают, что у большинства нынешних «глобальных переселенцев» есть общие представления о городе, в котором им хотелось бы жить. Речь идет о пяти ожиданиях. Первое: возможность работать там и так, где и как хочется. Второе: средние доходы должны быть соизмеримыми с тратами. Креативный класс сегодня не требует чрезвычайных заработков, но для него важно не оставаться в минусе. Третье: в городе и его окрестностях должно быть приятно и комфортно жить. Это город для жителей, а качественное жилье в нем должно быть доступно среднему горожанину. Четвертое: требуется развитая инфраструктура, причем не только коммуникационная и досуговая, но и информационная, образовательная, прочая. И, наконец, последнее, но очень существенное: нужен благоприятный климат. Причем этот компонент может быть объективным, а может быть и красиво сконструированным. В век климатической неоднозначности, глобального потепления, мутаций приро-

ды все возможно. Скажем, в Москве хороший климат или плохой? Ответ зависит от того, какие сайты, статьи об экологии и погоде вы читаете, с кем общаетесь. Именно информация, как ни парадоксально, часто формирует у жителей и гостей субъективное чувство климатического комфорта или дискомфорта.

Все это вновь подводит нас к пониманию того, что ныне *любой город вырабатывает свое собственное представление об успехе*, все отчетливее продвигаясь к пониманию города *как услуги и товара*. Это не значит, что человек воспринимает свой переулочек, свой Арбат или свой Крещатик как товар. Конечно же, нет. Но он серьезнее, нежели его родители или бабушки и дедушки, задумывается о конкурентной привлекательности своего города. Для современного человека город перестает быть роком, местом, куда его забросило судьбой, отныне он его *выбирает*.

Поэтому инновационная идея для современного городского муниципалитета заключается не только в том, чтобы увеличить число постоянных жителей, но и в том, чтобы максимально привлечь «визитеров», которые вполне могут и не претендовать на постоянные занятость и проживание. Им должно быть интересно либо простое посещение города, либо какое-то временное занятие в его пределах. Таких людей сегодня настолько много, что наиболее продвинутые города начинают конкурировать именно за них, предлагая им офисы с видом на Волгу, хороший скоростной Интернет, дешевую аренду качественного жилья. Сейчас приходит время, когда к такому образу жизни готовы большие массы людей. А если говорить о самозанятости, то чем больше на вашей территории людей, работающих не на кого-то, а на себя, тем богаче и успешнее будет

ваш город. Именно такие люди создают в городе особую культурную среду, в которой доминируют свобода выбора, независимость и ответственность за себя. Город, сконструировавший свою идентичность, будет развиваться, обслуживая и обеспечивая всем необходимым этот новый креативный класс.

Успешный город сегодня это тот, который справляется с задачей *производства собственной добавленной стоимости*. И эта добавленная стоимость делается только за счет людей. Но если сегодня спросить у обычных горожан, чего хотят они сами, то выяснится, что в массе своей им и не нужно ничего особенного. Они хотят жить в спокойном и климатически комфортном «провинциальном» городе. А еще они хотят неплохо зарабатывать и при этом поменьше работать. И все это — не в громком, а в тихом месте. Не в постоянно меняющемся, а в спокойном. Не в ищущем и мечущемся, а в стабильном и предсказуемом. Не в гигантском, а в маленьком, где люди друг друга знают, где все устроено удобно и привычно.

Новая стратегия рождается только тогда, когда гражданское сообщество города готово вести диалог с властью о совместном поиске, позволяющем продвигаться вперед. Само понятие «городской успех» становится отныне не внешней характеристикой, а внутренним состоянием и субъективным переживанием обитателей города. У такого города сугубо индивидуальные критерии общих побед, они не заимствуются извне. Он создает их сам и только для себя. А то городское сообщество, которое начинает понимать, что оно собой представляет и чем может стать, становится конкурентоспособным и по прагматическим, и по эмоциональным основаниям.

Нестолличный Нижний

Прошло больше года с момента регистрации правительством Нижегородской области бренда «столица Поволжья». Что это дало? В июньском номере русской версии журнала «Forbes» опубликован рейтинг городов России, наиболее пригодных для бизнеса. Нижний Новгород занял 27-е место в тридцатке, пропустив вперед Казань, Самару и даже Владимир. При всей спорности методики составления рейтинга доля справедливости в такой ситуации есть.

Сначала о приятном. С января по март нынешнего года в Нижегородскую область было вложено без малого 76 миллионов долларов иностранных инвестиций. Это в 2,1 раза больше, чем за аналогичный период прошлого года. Накопленный иностранный капитал по итогам I квартала 2010 года на 6% выше, чем в 2009 году, и составляет 1,328 млрд долларов, из которых более 76% приходится на прямые инвестиции. В основном деньги пришли из Европы: на долю Германии, Австрии, Нидерландов, Франции пришлось 52,3% от объема накопленных инвестиций. Впрочем, апрель, май и июнь тоже принесли немало полезного в копилку региональной экономики. Так, в марте и мае состоялись две эффективные поездки делегации Нижегородской области в США. Там нижегородцы во главе с губернатором Валерием Шанцевым презентовали потенциал региона для промышленной и финансовой элиты Америки, а также подписали соглашение со штатом Мэриленд о развитии социально-экономических связей. Среди тех, кто ознакомился с возможностями региона, были Билл Клинтон, 42-й президент США и основатель фонда Клинтона, Митт Ромни, экс-губернатор штата Массачусетс, а также экономист Нуриель Рубини, первым предсказавший недавний глобальный финансово-экономический кризис. Кроме того, Нижегородская область стала единственным регионом

*Константин Барановский,
журналист,
выпускник Школы 2009 г.
(Нижний Новгород)*

Херберт Дистель. Музей ящиков. 1970–1977

России, представленным в США на конференции «Солт*: конференция инвестиционных альтернатив». В ней приняли участие свыше 1500 человек. «Первые переговоры прошли с заместителем руководителя Департамента бизнеса и экономического развития штата Мэриленд Робертом Уокером. Властям штата был передан перечень конкретных предложений. Он включает возможность для американского бизнеса участвовать в конкурсе по выбору инвестора для международного аэропорта “Нижний Новгород”, а также в таких проектах, как промышленный парк “Дзержинск-Восточный”, технопарк “Анкудиновка”, сооружение в городе новой 4–5-звездочной гостиницы. Также я встретился с директором по России, СНГ и Турции Экспортно-импортного банка США Брайантом Сент-Энджелом, региональным директором по Европе и Евразии Агентства США по торговле и развитию Дэвидом Хестером, вице-президентом Американской торговой палаты Гари Литманом. Главная тема этих переговоров касалась механизмов оказания содействия развитию приоритетных инфраструктурных проектов Нижегородской области», — рассказывает участник конференции директор департамента международных, внешнеэкономических и межрегиональных связей Нижегородской области Вадим Иванов.

За последнее время Нижний Новгород посетили делегации японской префектуры Мияги, европейских деловых кругов. Осенью пройдет первый русско-французский деловой круиз по Волге, в ходе которого бизнесмены двух стран посетят Чебоксары, Казань, Ульяновск, Тольятти и Самару.

Нижний Новгород выгодно расположен с логистической точки зрения, связывая европейские и азиатские транспортные коридоры. Здесь находятся многие штаб-квартиры организаций Поволжья, проходят всевозможные бизнес- и культурные мероприятия и саммиты. Именно в Нижнем сделал первую остановку «Литературный поезд Блез Сандрар», в котором семнадцать французских писателей совершили путешествие по Транссибирской железнодорожной магистрали из Москвы во Владивосток. Это стало реализацией мечты известного французского поэта Блеза Сандрара, написавшего в 1913 году поэму «Проза о Транссибирском экспрессе и маленькой Жанне Французской», в которой описывалось воображаемое путешествие по Транссибирской магистрали. Недавно прошли фестивали польского и венгерского кинематографа, на очереди — датский.

Мэр города, выпускник Школы Вадим Булавинов, хочет превратить Нижний в площадку по внедрению новейших технологий модернизации городского хозяйства, используя опыт международного проекта «Smart City» — умный город. «Я отношусь к проекту “Умный город” с ощущением готовности к его реализации в Нижнем Новгороде, ведь многие условия для этого у нас уже есть. Существенным моментом можно назвать привлечение крупного бизнеса и создание новых рынков труда. Обратимся за примером на

* Полное название города Солт Лейк Сити.

Восток. Город Медина в Саудовской Аравии с населением всего около 150 тысяч человек в рамках реализации проекта “Умный город” привлек инвестиции в размере 8 млрд долларов. В итоге в страну пришли глобальные информационно-коммуникационные компании, что в будущем дает не менее 20 тысяч новых рабочих мест», — говорит Булавинов.

Нижний Новгород как экономический, культурный, социальный, символический центр Поволжья и даже России воспринимается одинаково позитивно либералами, консерваторами, инвесторами, учеными и дилетантами. Поэтому понятно, почему региональное правительство так долго боролось с Казанью за звание «третьей столицы», а проиграв, решило в этом году продвигать бренд «столица Поволжья», предложив соответствующий, достаточно удачный логотип.

Но ни в общественном сознании, ни в символическом и информационном пространстве этот бренд пока не стал реальностью из-за несогласованности действий региональной и муниципальной властей. Вот как комментирует сложившуюся ситуацию Василий Козлов, ректор бизнес-школы «Зеленый город»: «Я с удовольствием вспоминаю непродолжительный период в 2,5 года, когда не было конфликтов между мэром, губернатором, законодательной властью. Именно в этот период торжествовал принцип взаимной солидарности, и удалось достичь максимального продвижения региона в экономическом и социальном плане». С ним согласен и профессор Волго-Вятской академии государственной службы Андрей Дахин: «Внутренний раскол региональной элиты высветил негативную сторону политического и делового партнерства в регионе: воевать, биться умеют, строить партнерские отношения, искать и поддерживать консенсус не научились. Это отразилось на облике Нижнего Новгорода, где есть новостройки и новое качество жизни в них и вокруг и есть груз инфраструктурных проблем, которые не решены».

Поэтому отказываться от достаточно перспективного направления не имеет смысла. Не стоит забывать, что в современной экономике символический капитал имеет столь же большое значение, как и капитал реальный. Именно символы и знаки способны либо привлечь финансы, либо отпугнуть их.

Потенциал бренда «столица Поволжья» использован пока в лучшем случае на одну десятую. И если даже не вкладывать большие средства в его раскрутку, но если наш логотип будет появляться на всех мало-мальски подходящих материалах и носителях, например в рамках Нижегородской ярмарки, не говоря уже о соответствующем «тавро» на материалах презентаций для потенциальных партнеров, я уверен, успех обеспечен. Ведь бренд «американская мечта» в свое время тоже продвигали методами рекламы и PR. И люди поверили. И стали жить лучше. Или стремиться к лучшей жизни. В Нижнем же Новгороде с его социальной апатией населения это нужно как нигде. И не важно в итоге, кто будет продвигать бренд — мэр или губернатор. Выиграем от этого все мы.

«Придворная общественность»

«**Л**ичность, а не государство — важнейший элемент гражданского общества. Гражданское общество может определяться как творческий хаос, оно должно формироваться свободно и не зависеть от государства. Чтобы создать эффективное государство, нужна среда общественных институтов, и они должны быть вне государственного контроля», — полагает Чарльз Вивиан, эксперт Школы, независимый консультант по политическим рискам из Великобритании.

Согласно классической трактовке, гражданское общество есть сфера самореализации свободных граждан и добровольно сформировавшихся ассоциаций и организаций, независимая от прямого вмешательства и произвольной регламентации со стороны государственной власти. Но в России власть зачастую не готова вести диалог с людьми, не связанными с ней и не обязанными ей, потому что с ними не всегда можно договориться. И поэтому она решила выстроить удобную для себя общественную структуру. Ростки общественных объединений власть встретила в свою вертикаль, а вместо буйной поросли гражданских организаций, пытающихся контролировать ее деятельность, появился монолит федеральной Общественной палаты и его клоны в регионах.

Закон об Общественной палате России вступил в силу 1 июля 2005 года. В нем были определены порядок ее формирования, функции, задачи и формы деятельности. По замыслу властей деятельность нового учреждения надлежало направить на «согласование интересов граждан, общественных объединений, органов государственной власти и местного самоуправления для решения наиболее важных вопросов экономического и социального развития, обеспечения национальной безопасности, защиты прав и свобод граждан, конституционного строя и демократических принципов развития гражданского общества в стране».

*Елена Никищенко,
журналист,
выпускница Школы 2010 г.
(Алтайский край)*

В формировании Общественной палаты был заложен изначально ошибочный, но удобный для власти принцип фактического назначения общественников: как известно, после проведения консультаций президент России определяет кандидатуры 42 членов палаты, а затем утвержденные им общественники приступают к окончательному формированию Общественной палаты. В итоге власть обрекла эту структуру на неэффективность, поскольку прямое вмешательство и произвольная регламентация ее функционирования не подлежат сомнению.

19 рассмотренных из 69 предложенных законопроектов — таков результат экспертной работы Общественной палаты России в первом полугодии 2010 года. Президентские инициативы по политическим реформам члены Общественной палаты вовсе не стали комментировать, а правом пятиминутного выступления на пленарном заседании Государственной думы при обсуждении законопроектов, прошедших экспертизу палаты, вообще ни один из общественников не воспользовался. А знаете ли вы, уважаемые читатели, какие законопроекты инициировала Общественная палата за пять лет работы и сколько денег потрачено на содержание ее аппарата и текущую деятельность? Лично я не знаю. На мой взгляд, скромные результаты работы — самая яркая иллюстрация того, что активно формируемая и поддерживаемая властью Общественная палата не способна влиять на принимаемые решения и уж тем более указывать на ошибки правителей или защищать права людей. И дело здесь не в персональном составе, а в самом принципе организации палаты.

Приняв предложенную федеральными властями модель формирования общественных палат, главы регионов с энтузиазмом взялись прививать ее на мест-

ной почве. Кое-где представители и неоднородной местной элиты, и гражданского общества сопротивляются назначаемости. В результате в некоторых регионах начали возникать альтернативные общественные палаты.

Один из самых удачных таких примеров — независимая Общественная палата Кузбасса, появившаяся задолго до президентского указа о создании аналогичных органов. Опыт ее работы свидетельствует: общественные структуры должны создаваться снизу. В работе этой палаты могут принимать участие любые общественные организации, являющиеся юридическими лицами и зарегистрированные областным Управлением юстиции. Для вступления в палату достаточно предоставить свидетельство о государственной регистрации и выписку из решения общего собрания или совета уполномоченного органа. Но каждая организация все равно «пропускается» через собрание палаты. За исключением ограничений, предусмотренных законом, никаких оснований для отказа не существует.

История Общественной палаты Кузбасса подтверждает, что принцип формирования общественных структур очень важен. Палата возникла в начале 1990-х, в сложный период шахтерских забастовок, в форме консультационного совета общественных и политических организаций. Тогда нужно было обеспечить диалог власти и общества, всех общественных и политических сил Кузбасса с органами государственной власти, чтобы конфликт не вышел из-под контроля. «Благодаря этому диалогу нам удалось избежать гражданских конфликтов в 1991 году, в период путча, и в 1993 году, в период противостояния между парламентом и президентом», — говорит Владимир Лебедев, председатель независимой Общественной палаты Кузбасса.

В 1993 году консультативный совет был преобразован в Общественную палату Кемеровской области. Она существовала именно в таком виде до появления в регионе официальной Общественной палаты, формируемой по образу и подобию федеральной. «Мы добились очень конструктивной работы. Представители власти приходили к нам и отчитывались. Это происходило благодаря нашему авторитету, без указаний сверху, это было нормой. Так мы работали до 2005 года», — продолжает Лебедев.

В 2004–2005 годах Общественная палата Кузбасса обратилась к президенту с инициативой о создании на федеральном уровне Общественной палаты Российской Федерации, которая координировала бы и обеспечивала взаимодействие с региональными общественными палатами. «Наша инициатива была принята. Но, к сожалению, принципы формирования Общественной палаты Российской Федерации оказались не очень приемлемыми. Для начала формирования, в принципе, президент может назвать 42 “своих” человека. ... Но когда в регионах начали создавать “губернаторские” палаты, исключительно подконтрольные исполнительной власти, мы были просто обескуражены», — продолжает мой собеседник.

Сам нынешний принцип формирования региональных палат ставит их в зависимость от исполнительной власти. Нарушается базовая идея подобных органов, ведь полноценного общественного контроля в такой ситуации быть не может. Готов ли назначенный властью человек принципиально оценить работу исполнительной или законодательной ветви региона? Примеры, когда назначаемость мешает работе, сплошь и рядом, говорит Лебедев. «В частности, это касается вопросов безопасности на угольных предприятиях.

Сразу же после взрывов на шахтах “Ульяновская” и “Юбилейная” мы отправили в Ростехнадзор, правительству и президенту целый пакет предложений, которые готовили очень квалифицированные эксперты, разбирающиеся в проблемах отрасли. В частности, мы выдвигали предложение о предварительной дегазации угольных пластов. К сожалению, они тогда были проигнорированы, и только теперь начинают учитывать наши предложения трехлетней давности. Если бы их приняли своевременно, то таких последствий, как на “Распадской”, не случилось бы», — считает председатель независимой Общественной палаты Кузбасса.

Константин Емешин, член совета независимой Общественной палаты Алтайского края, полагает, что такие формирования, как независимая Общественная палата и Гражданская ассамблея, возникли в крае в знак протеста против назначаемости их членов.

В 2005 году в Алтайском крае был принят закон, согласно которому Общественная палата формировалась самими представителями общества на специально созываемой конференции. Таким образом, в большинстве своем члены Общественной палаты оставались независимыми от власти. Самым серьезным противостоянием власти и одновременно своей главной заслугой второй созыв Общественной палаты считает работу по коррупционной проблематике. Центральными темами тогда стали разоблачение системы фактической «продажи» мест в Совете Федерации и критика сложившейся практики безальтернативных закупок угля для государственных и муниципальных нужд. Естественно, все это не могло не обострить отношений гражданско-

Стефан Балкенхол. Бригада. 1985

го общества с краевой властью. В результате разобщенность действий общественников и столкновение амбиций в их рядах послужили поводом к тому, что губернатор, под предлогом непреодолимости внутренних противоречий в палате, провел законопроект о ее фактической назначаемости.

«Власть, вместо того чтобы выстроить диалог, поступила примитивно: она решила сделать палату назначаемой. В Алтайском крае гражданское общество зрелое, поэтому реакцией на грубое давление со стороны краевых властей явилось то, что сформировалась независимая Общественная палата. Это площадка гражданского общества, на которой люди могут выразить свою позицию и подкрепить ее сторонней поддержкой. Кроме того, у нас появилась еще одна площадка: Гражданская ассамблея, открытая ассоциация общественных и некоммерческих организаций, где представители гражданского общества обсуждают всевозможные социальные проекты. В частности, один из нынешних приоритетов Ассамблеи — развитие культуры», — рассказывает Емешин.

Независимая Общественная палата в настоящее время взаимодействует с официальной Общественной палатой. Совместными усилиями Гражданской ассамблеи, Общественной палаты Алтайского края и независимой Общественной палаты удалось внести существенный вклад в борьбу с незаконными закупками угля в регионе.

Стоит отметить, что по отношению к независимым общественным объединениям существует и определенный скепсис: порой их считают лишь политической площадкой для оказавшихся за бортом политиков. «Причины появления таких структур многочисленны, все

перечислять не буду, — говорит Юрий Вислогузов, уполномоченный по правам человека в Алтайском крае. Одна из них — нереализованные политические амбиции некоторых деятелей. Работе общественных палат на федеральном и региональном уровне должна быть присуща своего рода “политическая стерильность”, то есть независимость от каких-либо политических партий. Членство в Общественной палате не предусматривает партийности. Но потихоньку мы скатываемся к политическому пониманию этой деятельности. И это, на мой взгляд, очень мешает нормальному труду общественников».

Ю. Вислогузов считает, что нужно наполнить настоящей работой жизнь официальной Общественной палаты — той, которая создана по образцу федеральной Общественной палаты: «Я бы больше говорил не о количестве независимых общественных палат в субъектах Российской Федерации, а о качестве и глубине работы уже созданных и действующих в рамках законов, принятых в субъектах Федерации. Очень важна, например, преемственность — передача дел, начатых одним созывом Общественной палаты, другому созыву, формируемому через два года. Вот чему следовало бы уделить больше внимания».

P. S. Что же, обвинения представителей независимых общественных формирований в реализации собственных политических амбиций, неорганизованности и других грехах иногда небезосновательны. Но на то и гражданское общество, чтобы быть «творческим хаосом», как определяет его Чарльз Вивиан. «Придворная общественность» в силу зависимости от власти, на мой взгляд, неспособна его генерировать и потому социально бесплодна.

*Эммануэль Барб,
заместитель руководителя
Генерального секретариата
по европейским вопросам при
премьер-министре Франции*

Европейское правосудие: единство в многообразии

Европа сегодня — это географическая зона, где проживают 460 млн жителей, на площади 4 млн квадратных километров; здесь говорят на 23 языках и пользуются тремя алфавитами. Что же представляет собой эта зона с точки зрения уголовного права? Если в Евросоюзе существует свободное перемещение капиталов, людей, товаров, то, естественно, что таким же образом могут перемещаться и преступники, незаконно нажитые капиталы и товары. И чем больше становится свободы для перемещения, тем больше вероятность случаев, когда в разных странах возникают конфликтные ситуации. Поэтому необходимы правила, чтобы разрешать подобные ситуации между отдельными странами Европы. Юридическое сопровождение стоит дорого и его цена добавляется к стоимости товара.

Но есть еще люди, которые принадлежат к разным странам: они заключают браки, у них появляются дети, они разводятся, получают наследство, приобретают недвижимость и т.д. Все эти проблемы надо решать в правовом поле единой Европы, учитывая, что европейское сообщество — это не федеративное государство, между странами существуют виртуальные границы. У каждой из них своя история, культурные традиции, система правосудия. И бывает так, что французские, английские или немецкие юристы не понимают друг друга, потому что они по-разному анализируют одну и ту же проблему. А если гражданин не доверяет системе правосудия своей страны, то еще меньше он будет доверять правосудию другой страны. Судьи же и адвокаты в свою очередь уверены, что их система правосудия самая лучшая. Это настоящая проблема, которую необходимо было решать, когда границы исчезли.

Сегодня рыночные отношения в объединенной Европе регулируются совместно разработанными

нормами. Товар, который законно произведен в одной стране ЕС, может быть экспортирован и продан в другой стране на законных основаниях. Этому предшествовало создание общеевропейского законодательства. И в области правосудия должен действовать тот же принцип, то есть, если решение судьи выносится на законных основаниях в одной стране, оно должно быть признано и исполнено в другой стране. Именно для этого необходима интеграция национальных уголовно-процессуальных систем и гармонизация общеевропейской уголовно-правовой сферы. Это очень тяжелая задача, потому что

*В системе правового европейского
строительства институт национального
правосудия должен оставаться
самостоятельным*

процедуры, которые применяются в национальном правосудии, как я уже сказал, имеют глубокие культурно-исторические и эмоциональные корни.

Тем не менее после сближения в материальном праве мы создали органы, которые я бы назвал интегрированными органами сотрудничества между правосудием разных стран. Например, юридический язык сложнее, чем обычный язык, потому что отдельные юридические концепции существуют в одной стране и не существуют в другой. Это одна трудность. Второе — это организация систем правосудия. Они тоже разные в разных странах. В частности, во Франции можно прослушивать телефонные разговоры, а в других странах это невозможно. Поэтому по инициативе стран — членов ЕС была создана функция судей, которые находятся в других странах и помогают судьям своей страны проводить расследования и работу в другой стране. Например, есть представитель Франции в России. Я работал на этой должности в Италии. Это действительно эффективный инструмент координации национальных систем правосудия. Однако маленьким странам накладно содержать специальных судей в других государствах. Чтобы решить эту проблему в масштабах Европы мы создали две сети юридических агентств — в уголовной области и в гражданской, а также интернет-сайты, на которых люди могут найти нужную им информацию. Но самое важное — это появление в Гааге организации «Еврожюст», в которой представлена каждая страна и работа которой состоит в сотрудничестве и координации при проведении сложных расследований в различных странах. Это большой успех для Европы, потому что каждый год эта организация рассматривает тысячи уголовных дел, помогает разобраться в хитросплетении уголовно-процессуальных практик в каждой стране. В гражданской процессуальной области такая организация пока не создана.

Таким образом, мы решаем задачу по адаптивированию государственного аппарата стран — членов ЕС к правовому сотрудничеству в масшта-

бах Европы, включая переговоры с компетентными инстанциями. Во Франции это прежде всего министерство юстиции, где есть отделы, в которых работают судьи, занятые делами большой сложности. Чтобы их рассматривать, необходимо знать законодательство тех стран, которых касаются эти дела, и иметь подготовленные кадры, так как национальные законы постоянно меняются. Я работаю в службе при премьер-министре, которая взаимодействует со всеми министерствами страны и дает указания нашему посольству в Брюсселе, а также координирует указания, которые дают министерства нашим посольствам в разных странах. И вторая, очень важная функция этой службы, — обучение сотрудников различных министерств — внутренних дел, по делам иммиграции и других, занимающихся анализом совместности соответствующих законов различных стран. По мере необходимости мы рассматриваем возможность внесения изменений во французское законодательство.

В Брюсселе у нас есть еще одна организация, куда входят 3–4 судьи, которые являются переговорщиками. Они также решают вопросы интеграции французского законодательства в общеевропейское правовое поле.

Важная сфера деятельности нашей структуры при премьер-министре Франции — контроль за сроками переноса директив ЕС в законодательство страны и их реализацией. Высшая правовая инстанция ЕС — Европейский суд в Люксембурге ведет наблюдение за своевременным и правильным транспонированием общеевропейских актов в национальные правовые системы. Этот суд может, например, вынести решение о наложении штрафа на страну, не выполнившую своих обязательств в этой области. Франция, в частности, заплатила уже 200 тысяч евро за несвоевременное транспонирование одного предписания. Штрафные санкции стимулируют ускорение этой работы и повышение качества транспонирования общеевропейских директив.

Хочу отметить, что эта работа не ставит цель полной замены национального законодательства общеевропейским — это невозможно. Однако стремиться к повышению уровня гармонизации и сближения законодательств стран — членов Сообщества можно и нужно. Это сделано, например, в некоторых секторах, где действуют единые европейские стандарты и правила: в области патентного права, экологической безопасности, в промышленности, сельском хозяйстве, образовании. Однако в системе правового европейского строительства институт национального правосудия должен оставаться самостоятельным. Девиз «Единство в многообразии», как никакой другой, отражает философию и практику жизни на общеевропейском пространстве.

Историческая память и правосудие*

Луис Бикфорд,
профессор,
член научного совета
«Память и правосудие»
Международного центра
по вопросам правосудия
в обществах переходного
периода (США)

Наше прошлое несвободно от преступлений против человечности: военных преступлений, геноцида и массовых нарушений прав человека — пыток, бессудных казней, незаконных арестов, которые составляют черные страницы истории. Как нам жить с таким прошлым? Нужно ли обществу просто все забыть и жить настоящим, или пытаться осмыслить прошлое, чтобы избежать повторения трагических ошибок? Я лично за второй выбор, потому что он ведет к решению ряда общественно значимых задач. А именно:

- к объективному пониманию истории;
- господству нравственной позиции в отношении безнаказанности;
- укреплению правовых институтов;
- повышению транспарентности в обществе;
- признанию жертвами тех или иных категорий граждан и отдельных личностей, пострадавших от беззакония.

Если игнорировать свое прошлое и пытаться таким образом справиться с чувствами вражды и разочарования, то подавленная память может вернуться в разрушающей форме. Поэтому отношение к памяти — фактор политический.

Будучи абсолютно убежденным в необходимости объективного изучения прошлого, я вместе с тем прекрасно осознаю существующие препятствия на этом пути.

Давайте представим себе, что мы живем в самом прекрасном мире, у нас мощная правовая и судебная системы, и мы можем наказать преступников, совершивших злодеяния. Кто эти преступники в реальности? Это не так легко определить. Представьте себе

* Материал подготовлен на основе выступления автора на семинаре Московской школы политических исследований в Голицыно 22 июля 2010 г.

«пирамиду виновности». На самом верху — лидер, ниже еще какой-то слой высшего руководства, а в основании множество людей, которые тоже причастны к злодейству, — местные власти, полиция, солдаты... И можно продолжать до уровня, на котором окажется, например, уборщик, вытиравший с пола кровь жертвы насилия. Этого человека тоже надо наказать? Это первый сложный момент.

Вторая проблема в том что фактически невозможно наказать всех виновных: не хватит средств, политической воли, судов... Приходится выбирать и делать какие-то разграничения. Такова реальность, даже в лучшем из миров механизм наказания за преступления никогда не сработает в полной мере, и суд будет наказывать только людей, находящихся вверху пирамиды. Именно они подвергаются настоящему преследованию. И тогда возникает вопрос, а что еще можно сделать? Речь не о том, чтобы посадить всех виновных в тюрьму, но мы хотим узнать, что же произошло. Какую роль играли эти люди, что позволило им или заставило их играть эту роль? Как быть с потерпевшими? Кем считать несовершеннолетнего, который оказался, например, втянутым в гражданскую войну в Сьерра-Леоне, — преступником или жертвой? Все это объясняет необходимость выбора стратегии в решении вопросов, связанных с прошлым.

Существует много самых разных направлений и способов исследования прошлого, остановлюсь на трех важнейших, на мой взгляд.

Привлечение преступников к ответственности в уголовном и, реже, в гражданском суде.

Расследования с целью установления точных обстоятельств тех или иных трагических событий, а также распространение информации о них.

Сохранение памяти о прошлом. То есть создание музеев, мемориалов, архивов и т.д.

Первое направление реализуется на следующих уровнях:

— Национальные суды или внутренняя юрисдикция. В настоящее время в Чили и Аргентине под судом находятся 400 человек, причастных к преступлениям военных хунт, и идут процессы в ряде других латиноамериканских стран. К сожалению, во многих странах Африки подобные разбирательства не ведутся.

— Международная юрисдикция, позволяющая суду одной страны рассматривать дело гражданина другой страны, обвиняемого в совершении преступления против человечности. Например, в Испании недавно начался суд над военными преступниками из Гватемалы. А до этого в Бельгии судили гражданина Испании, совершившего преступление именно в этой стране. Это радикальная идея с точки зрения государственного суверенитета. Однако она открывает интересные измерения международного права.

— Смешанные суды, когда в суде заседают юристы из разных стран. Так, в составе Специального суда, заседавшего в Сьерра-Леоне, помимо судьи из этой страны 7 судей были из Камбоджи, а 5 представителями других государств. Очевидно, что этот порядок имеет свои преимущества, поскольку обеспечивает относительную честность судов.

— Международный уголовный суд, который работает в Гааге с июля 2002 года и не рассматривает события, произошедшие ранее.

Точкой отсчета в формировании этого правосудного института можно считать Нюрнбергский процесс. Безусловно, трибунал в Нюрнберге имел свои недостатки, это было все-таки правосудие победителей, но процесс заложил

Май Тху Перре. Апокалипсический балет. 2006

принципы существующей сегодня международной системы правосудия.

После Нюрнберга работали военные суды в Греции в середине 1950-х годов, затем в 1983 году в Аргентине и потом два международных трибунала — по Руанде и по бывшей Югославии. Перипетии, связанные с делом генерала Пиночета, которого задержали в одной из частных клиник в Лондоне в 1998 году, привели к новому витку судебных преследований за преступления военных диктатур в Латинской Америке.

В 2004–2006 годах главным стал суд над Саддамом Хусейном и его сподвижниками. Иракцы при этом были решительно против любого международного трибунала и настаивали исключительно на иракском суде. Американцы не допустили этого, потому что понимали, что иначе не смогут контролировать процесс. Могу ска-

зать, что с точки зрения защиты свидетелей этот процесс сам был уголовным преступлением. После того, как люди давали показания, они исчезали, их убивали. Просто никто не думал о защите свидетелей! Это был полный провал правосудия.

Многие мои друзья и коллеги считают, что привлечения к ответственности заслуживает бывший министр обороны США Дональд Рамсфелд и иже с ним. Хотя для меня важнее ответственность США за их действия в период холодной войны в отношении Гватемалы, Вьетнама Сальвадора... Но это моя точка зрения и она никакой поддержки в США не находит.

Второе направление исследования трагических обстоятельств прошлого реализуется комиссиями по примирению или, точнее, по установлению истины. Сегодня такие комиссии работают по всему миру от Чили до Канады. Как

это происходит? Они используют, как правило, метод фиксации устного повествования, когда людей не допрашивают, а они просто рассказывают свои истории в форме монолога, который записывается или снимается на пленку, становясь частью национальной истории.

Сошлюсь в качестве примера на работу одной из таких известных комиссий в Южной Африке, которая сделала то, чего другие комиссии не делали. Она дала возможность преступникам также приходиться и рассказывать свои истории. Суть в том, что преступник, решившийся рассказать правду, какой бы она ни была, получает амнистию. Выясняется, что иногда люди преувеличивали свои преступные деяния, будучи участниками конфликтов, чтобы продвинуться по службе. То есть солдату, например, нужно было сказать, что он замучил двадцать человек, хотя на самом деле он не делал этого. Комиссия работает с раскаявшимися и не раскаявшимися преступниками, в то время как большинство организаций сосредоточены только на потерпевших. Правомочность этой радикальной идеи вызывает множество споров, но она действительно помогает установить истину.

Экс-президент Чили Патрисио Элвин в свое время внятно выразился на эту тему. Он говорил о том, что мы должны расследовать, даже если не будем преследовать, чтобы миру стало известно, что происходило на самом деле.

Третье направление деятельности по изучению трагического прошлого — работа по сохранению памяти о нем. Ее осуществляют, как я уже сказал, музеи, мемориалы, архивы, правозащитные организации.

Международное общество «Мемориал» — одна из лучших, наиболее развитых организаций подобного рода в

мире, и я знаю, что ее основатель Арсений Рогинский — эксперт Московской школы политических исследований.

Очень интересен мемориальный Парк мира в Хиросиме, посвященный памяти жертв атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки в августе 1945 года. Он был открыт в 1954 году и постоянно пополняется новыми материалами. Сначала экспозиция только рассказывала о самой трагедии и невинных жертвах. Потом появились данные о роли Японии во Второй мировой войне. Конечно, это не оправдывает атомную бомбардировку, но примечательна сама смена толкований фактов истории. Хиросима посвятила себя идее предотвращения ядерной войны, а миссия мэра Хиросимы в том, чтобы не допустить новую ядерную войну. Думаю, что больше ни у какого мэра в мире нет таких официально прописанных обязанностей.

Еще один пример — музей красного террора в Эфиопии. Учитывая, что Эфиопия одна из самых бедных стран в мире, примечательно то, что на его создание было собрано более миллиона долларов в основном по телефону и благодаря рекламной кампании.

Сохраняя память о прошлом, общество не должно сосредотачиваться только на мрачных его страницах. Вопрос в том, как соотносить разнообразные факты исторического прошлого и извлекать из него необходимые уроки для улучшения общества и поддержания мира. Я не скажу, что существует какое-то простое решение. Здесь многое зависит от общественных и индивидуальных установок на возможно более объективное, всестороннее изучение прошлого, от способности хранить в коллективной памяти ключевые события, оказавшие как негативное, так и положительное влияние на динамику социума.

Глобальный капитализм и социальное благополучие – шведский опыт

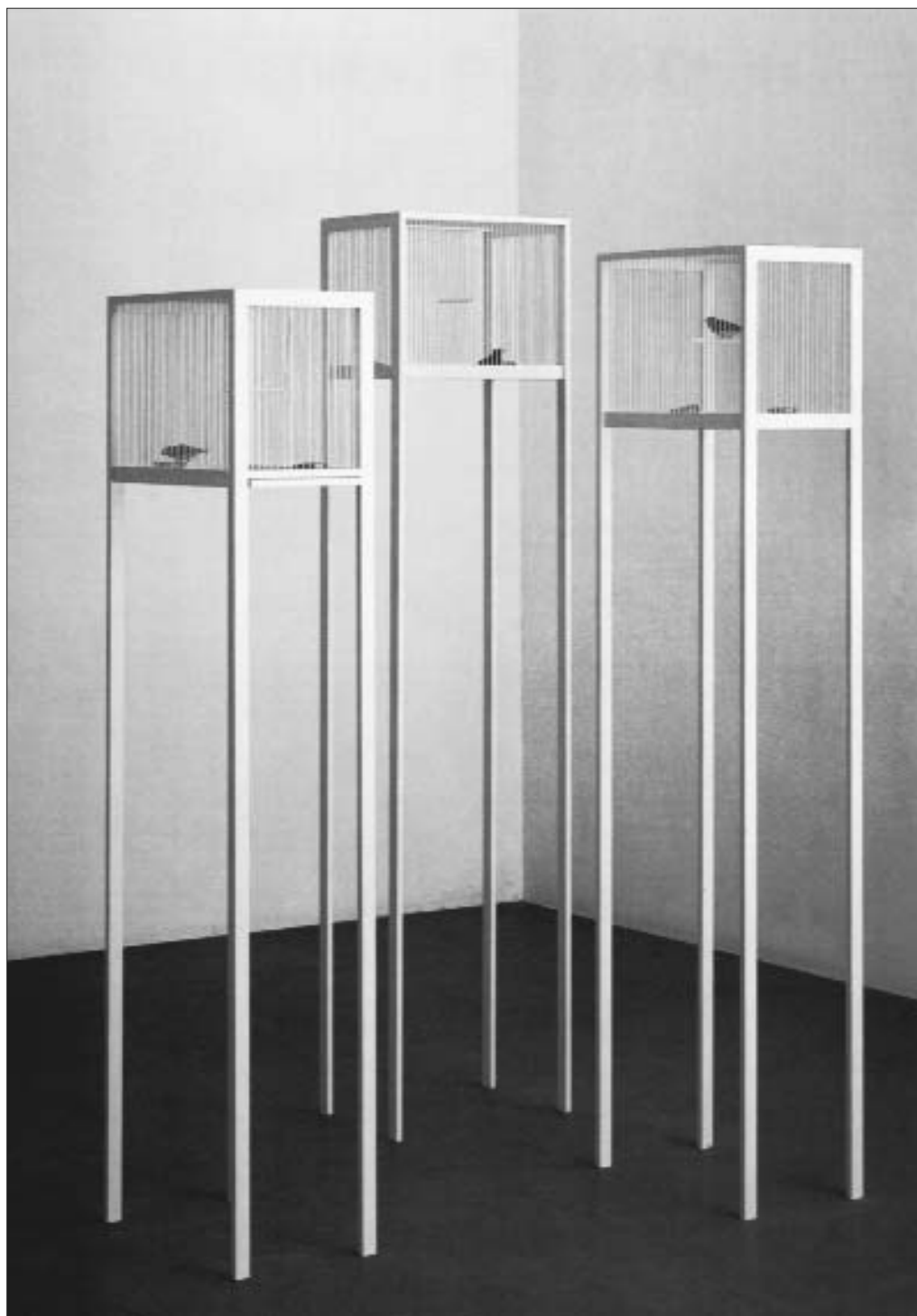

*Гуннар Веттерберг,
глава политического
департамента Шведской
конфедерации
профессиональных ассоциаций*

Будучи историком по образованию, в свое время я написал биографию выдающегося шведского политика XVII века, риксканцлера Акселя Густафсона Оксеншерна. Этот человек фактически заложил основы того государства в Швеции, которое мы имеем сегодня. Расскажу в самых общих чертах о том, как эти основы развивались, чтобы показать, как Швеция стала современной страной. Говоря о шведской модели государства, многие историки восходят в своих работах к XV веку, когда в скандинавских странах происходили жестокие конфликты между аристократией, королевской властью и городами. В частности, в Дании крестьянам в то время было запрещено носить оружие, и она оставалась классическим феодальным государством на протяжении ряда веков. В Швеции же крестьянство было настолько сильным в социальном плане, что феодалам не удалось его разоружить. Часть из них была вынуждена вступать с ним в союз, чтобы проложить себе путь к власти. И то же самое делал король, когда хотел утвердить свою власть, и его основными противниками были феодалы и землевладельческая аристократия. Чтобы получить рычаги давления на аристократию, он, в свою очередь, также вступал в союз с крестьянством. Этот союз между крестьянством и аристократией, с одной стороны, и между крестьянством и королевской властью — с другой и привел в результате к весьма оригинальному государственному порядку в Швеции, в котором я выделил бы три ключевых элемента.

Парламент, где была высокая степень представительства каждой губернии, а король фактически вступал в переговоры с крестьянством.

Развитая система правосудия, в соответствии с которой в каждой губернии имелся суд, а в составе присяжных всегда были крестьяне, что фактически означало, что крестьяне могли инициировать судебные разбирательства против аристократов и даже привлекать их к ответственности.

Жан-Марк Бустамант. Подвеска III. 1997

Местное самоуправление. Эта система стала развиваться в XVI веке и укреплялась в течение нескольких столетий.

Таким образом, шведское правительство на протяжении веков должно было децентрализовать структуру принятия решений, в отличие от других европейских государств. Сама идея децентрализации власти подразумевала передачу полномочий не отдельным лицам, а сообществам внутри страны. Например, церковные приходы брали на себя ответственность в вопросах образования, дорожной инфраструктуры и даже начала военных действий. Эти элементы делегирования полномочий стали своего рода клапанами безопасности шведского общества, позволявшими избегать социальных потрясений и революций. В итоге к началу XIX века в стране уже существовала развитая политическая культура участия граждан в управлении общественной жизнью; об этом свидетельствует, в частности, избрание в 1809 году шведским парламентом (риксдагом) первого омбудсмена юстиции. То есть вмешательство государства в жизнь общества было и остается незначительным. И сегодня муниципалитеты и лены (губернии) в Швеции обладают высокой степенью автономии. Местные власти ответственны за две трети государственных услуг. Они, например, определяют ставку подоходного налога. Поэтому у людей есть сильная мотивация знать, кто и как выполняет свои функции на местах.

Опросы общественного мнения в Швеции показывают, что граждане сегодня осведомлены о политиках и политике больше, чем в других странах Европейского союза. Муниципальные и парламентские выборы происходят у нас в один день, в них участвуют 81–82 процента населения. Избиратели ведут себя активно, хотя активность самих политических партий в настоящее время гораздо ниже, чем 40 лет назад. Но в то же время становится все больше групп местных активистов.

Во многих современных обществах распространено противопоставление «мы» и «они». «Мы» — это граждане, а «они» — это государство и бюрократы. Люди не доверяют властям, стремятся обмануть государство, чтобы не быть обманутыми. Скандинавские же страны отличаются высокий уровень доверия государству. Граждане доверяют местным ассамблеям и профсоюзам, потому что они сами участвуют в распределении полномочий.

Вопреки распространенному заблуждению, в период развития либеральной демократии Швеция отнюдь не была богатой страной. Моя бабушка, например, изучала русский язык в надежде выйти замуж за русского и перебраться в Петербург, обеспечив себе таким образом успех в жизни.

Как же нам удалось обогатиться? В середине XIX века в Швеции была введена система свободной торговли с Европой. Государство решило построить сеть железных дорог, чтобы объединить нашу протяженную, но малонаселенную страну. Потребовалась государственная инициатива, поскольку в ту пору рыночные механизмы в Швеции были слабыми, в отличие от богатых европейских стран, где строительством железных дорог занимался частный капитал. Была проведена реформа образова-

ния, началась интенсивная эксплуатация природных ресурсов, которые мы обнаружили благодаря высокому уровню развития науки. Цепочка этих и других факторов обеспечила рост экономики. До 1970 года в этом отношении Швеция могла быть сопоставима только с Японией.

Сегодня Швецию характеризует предельно конкурентный капитализм. Наши предприятия стремятся соответствовать технологическому прогрессу и использовать новые технологические идеи. Выдержать этот темп удастся не всем, чтобы существовало общество социального благоденствия необходимо адаптироваться к системе очень жесткой конкуренции на мировом рынке. Примером такой адаптации служит компания ИКЕА: за пять десятков лет с момента основания ей удалось не просто выжить, но стать одной из крупнейших торговых сетей в мире.

Известно, что каждые 10–15 лет происходит финансовый кризис, и все вроде бы рушится, но в каком-то смысле это приносит пользу. Так, мы извлекли уроки из нашего серьезного кризиса 1990-х годов. Тогда граждане потеряли веру в общественную экономику, испугались, что все блага отберут, и начали лихорадочно откладывать деньги. Показатели экономики существенно снизились, а безработица значительно возросла. В последние годы мы ошибок не повторили и знали, как нужно поддерживать нашу экономику, сбалансировать бюджет, что делать с профицитом и т.д. Благодаря этому Швеция вышла из мирового финансового кризиса в лучшем состоянии, чем другие страны Европейского союза.

Даже когда заводы и предприятия закрываются, люди выживают, потому что они могут рассчитывать на поддержку государства. Шведы спокойно воспринимают увольнение, зная, что они социально защищены: в течение года они получают достаточно высокое пособие по безработице, позволяющее за это время трудоустроиться.

Был период, когда шведская социально-экономическая модель функционировала с напряжением, потому что социальное обеспечение оказалось чересчур щедрым. Люди не работали, предпочитая получать хорошие пособия, тогда как характер нашей социальной структуры как раз подразумевает, что основная масса населения должна трудиться. Только благодаря этому те немногие, кто не трудоустроен, могут получать поддержку. Система образования и профессиональной переподготовки также помогает справиться с безработицей: человек, потерявший работу в одном секторе экономики, может перейти в другой сектор, который развивается.

Такова общая картина развития Швеции за последние несколько сот лет. Добавлю лишь, что, на мой взгляд, местное самоуправление представляет собой один из лучших способов функционирования либерального общества. Ведь, чтобы общество было либеральным, граждане должны верить в то, что они участвуют в управлении государством и обладают возможностью влиять на принятие решений в местных делах. Были времена, когда самоуправление становилось сильнее или, напротив, ослабевало, но, так или иначе, оно присутствовало всегда. Я считаю, что народу лучше самому принимать пусть даже ошибочные решения, но чувствовать свою причастность к жизни государства.

Наша культура и необходимость просветительской деятельности

*Игорь Харичев,
генеральный директор
журнала
«Знание — сила»*

Не может быть случайностью то, что в России при любой идеологии, любом отношении к религии воспроизводится один и тот же тип власти и тип государства: централизация и концентрация социально-экономической жизни; приоритет и всемогущество государства перед человеком, пренебрежение интересами граждан; диктат и безответственность чиновничества.

Эти черты были в полной мере присущи Российской империи. Разве что земство проявляло относительную самостоятельность, решая ряд местных проблем. Но размах бюрократизма был тогда поистине космический.

Большевики пели: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим...», однако весьма скоро и при советской власти выявилась удивительная похожесть многих черт этого «нового» мира на прежний, свергнутый. Уже в 1920 году глубинную преемственность советской России по отношению к Российской империи отметил известный монархист, один из лидеров фракции националистов в IV Государственной думе и один из создателей Добровольческой армии Василий Шульгин. По его словам, что бы ни думали и ни говорили большевики, они восстанавливают могущество, единство и границы России «до естественных пределов» и «подготавливают пришествие самодержца всероссийского»*.

Социолог Александр Гофман в опубликованном в 2008 году исследовании «Традиции и инновации в современной России» писал: «...несмотря на радикализм большевистского проекта, полную смену социокультурной и политической символики и море

* Шульгин В.В. *Годы. Дни. 1920 год.* — М.: *Новости*, 1990. — С. 796–797.

крови, пролитой в революции и гражданской войне, 25 октября 1917 г. система традиционных социальных институтов, существовавшая до февраля этого же года, себя восстановила. Произошел поворот на 360 градусов, и новые люди, большевики, самоотверженно и беспощадно боровшиеся с царским режимом, продолжили его же старую генеральную линию».

Если же обратиться к дню сегодняшнему, можно смело утверждать, что марксизм и либерализм и в наши дни дали в стране сходный результат.

Но если с таким упорством при любой идеологии и самых разных людях, приходящих к руководству страной, мы воспроизводим один и тот же тип государства и тип власти, значит, наша культура не может быть отнесена в полной мере к европейской, как, впрочем, и к восточной культуре. Располагаясь в Европе и в Азии, Россия во многом заимствовала худшие черты других культур. Мы наплевательски относимся к закону, а законопослушность — опора западноевропейской цивилизации. Не ценим личную свободу, а для западноевропейской цивилизации она имеет ключевое значение. Не имеем прилежания и аккуратности, присущих восточным народам. Но восточное чиновничество хорошо усвоили. Как и отношение к человеку — он всегда у нас жил и продолжает жить для государства. Отсюда — столь специфическое отношение к правам человека со стороны чиновников и правоохранительных органов.

Об особенностях российской культуры

Говоря о России, в первую очередь следует отметить, что в нашей стране не было и до сих пор нет уважения к частной собственности, которая была

узаконена поздно, при Екатерине Второй, а после прихода к власти большевиков была снова отменена. Становление института частной собственности и в постсоветской России не сопровождалось укреплением ее защищенности. ЮКОС, Волготанкер, Русснефть, АВИСМА, Евросеть — это лишь примеры, касающиеся крупных компаний, а сколько мелких и средних предприятий было отнято у владельцев по всей стране за последние два десятилетия... Причем если в первой половине 1990-х годов успешные малые и средние предприятия в основном отнимали представители преступных группировок, то с начала двухтысячных этим стали заниматься преимущественно представители правоохранительных структур и местные чиновники. И, главное, все эти случаи не вызывают сколько-нибудь заметной реакции неприятия в обществе. Понимание роли частной собственности и необходимости ее полной защищенности практически отсутствует. (Согласно результатам исследования, проведенного ВЦИОМ в 2009 году, право владеть частной собственностью и заниматься предпринимательской деятельностью считают важным только 19% опрошенных).

Еще одна национальная особенность России — отсутствие законопослушности. То, что мы всегда плевали на закон, отразилось в таких сугубо русских поговорках, как: «Закон что дышло...» или более поздних: «Закон словно телеграфный столб — перешагнуть нельзя, а обойти можно». Умение нарушать закон с выгодой для себя всегда считалось у нас доблестью. При этом неуважение к Закону проявлялось и продолжает проявляться не только в обществе, но и на всех уровнях власти. Так было в Российской

империи, так продолжалось в Советском Союзе, так остается в постсоветской России. Можно принимать какие угодно хорошие законы, а практика их применения в общем-то будет отрицательная. (Философ Адам Фергюсон, представитель плеяды шотландских мыслителей, в книге «Опыт истории гражданского общества» писал: «Гарантии справедливости заключены не только в законах, но и в тех силах, с помощью которых данные законы были приняты и без постоянной поддержки которых они перестанут соблюдаться». Весьма актуально для нас, особенно если учесть, что это было написано в 1767 году.)

Человек, живущий в России, не защищен. Он может лишиться квартиры, малого предприятия, денег, может купить некачественные продукты питания и товары, получить некачественные услуги или, напротив, не получить вроде бы гарантированной медицинской помощи, может быть избит там, где его должны защитить, — в милиции. Все это следствие отсутствия правового государства. Как показывает практика, отстоять свои права в российском суде часто невозможно тому, кто не имеет больших денег или не работает на государственной службе и в правоохранительных органах. Все это и есть следствие пренебрежения Законом.

У граждан России низкая правовая культура, большинство из нас не знает своих прав и не умеет их цивилизованно защищать. И этим пользуются чиновники в местных органах власти и представители различных муниципальных служб, отвечающих за коммунальные услуги, облагая нас совер-

шенно необоснованными поборами, отнимая дворы и помещения. Государственные органы тоже нарушают права граждан (к примеру, Министерство обороны, которое не обеспечивает соблюдения прав солдат срочной службы, да и офицеров —

Отстоять свои права в российском суде часто невозможно тому, кто не имеет больших денег или не работает на государственной службе и в правоохранительных органах

тоже). И нельзя сказать, что за последние 20 лет общий уровень правовой культуры повысился.

Столь же низкая культура самоорганизации, в свою очередь, приводит к тому, что в России нет важнейших для обеспечения нормальной жизни общественных организаций. Прежде всего, нет реально действующих массовых профсоюзов. Федерация независимых профсоюзов России, которая является преемницей советских профсоюзов не только по истории возникновения, но и по духу, в большинстве случаев занимает сторону власти. По-настоящему независимые от власти профсоюзы, активно отстаивающие интересы шахтеров, докеров, авиадиспетчеров, летного состава гражданской авиации, возникли в начале 1990-х годов. Однако стараниями властей им не дали превратиться в реальную силу. Нынешние их последователи малочисленны и не способны защищать интересы наемных работников какой-либо отрасли — их влияние распространяется, как правило, лишь на одно или несколько предприятий.

Не хватает корпоративных организаций. Многие отрасли экономики соз-

дали свои общественные структуры: действуют Ассоциация банков России, Российский союз строителей, Союз нефтегазопромышленников России, Союз машиностроителей России, Объединение автопроизводителей России. Но все это специфические образования — их членами являются предприятия, фирмы. А организации с индивидуальным членством, защищающие интересы массовых профессий, например Союз учителей, Союз врачей или Союз инженеров, не играют заметной роли в масштабах страны.

К немногим видам успешно действующих общественных объединений можно отнести лишь правозащитные, экологические и благотворительные организации. Среди правозащитных организаций — движение «За права человека», общество «Мемориал», Московская Хельсинкская группа, Союз комитетов солдатских матерей России, Комитет «Гражданское содействие», Центр «Сова». Среди экологических — отделения международных организаций: Гринпис, Всемирный фонд дикой природы, Международный фонд защиты животных. Благотворительные организации стараются помогать бездомным, малообеспеченным семьям. Деятельность всех этих организаций, безусловно, полезна, но реально в них участвует незначительная часть населения.

Да, наши граждане объединяются, когда возникает непосредственная угроза их интересам, например в виде точечной застройки, или уничтожения Химкинского леса, или загрязнения Байкала. Высокую активность проявляли обманутые дольщики, автомобилисты. Но за рамками открыто попираемых прав граждан самоорганизации фактически нет. Угрозы более опосредованные, связанные с несовер-

шенством политической и социальной системы, большей частью гражданами не воспринимаются. Даже массовые выступления начала 2005 года, связанные с монетизацией льгот, не привели к самоорганизации и возникновению устойчивых общественных структур. Основная часть общества атомизирована. Согласно результатам исследования ВЦИОМа, проведенного в 2009 году, наименее важной из свобод для россиян является свобода объединений и союзов — она значима только для 5% опрошенных.

Нет в России и настоящих политических партий, несмотря на бурный процесс их образования в первой половине девяностых. Из зарегистрированных политических организаций наиболее подходит под определение партии КПРФ, которая соединяет массовость с четкой идеологической основой. Наиболее массовая партия «Единая Россия» выстроена исключительно вокруг властной вертикали и не представляет какой-то конкретной идеологии. «Запасной» партией власти воспринимается «Справедливая Россия». В то же время умеренно либеральное «Правое дело» и тяготеющее к социал-демократии «Яблоко» не пользуются поддержкой в обществе и, как следствие, не представлены в Государственной думе и в большинстве представительных органов субъектов Федерации.

Надо признать, что к политическим партиям у граждан России нет доверия. «Единую Россию» поддерживает примерно треть граждан — преимущественно жители небольших городов и сельской местности. Однако, это скорее поддержка близкой к властной вертикали организации, чем политической партии. При этом, как показывают недавние опросы «Левада-Центра», однопартийную систему предпочитают

Филипп Майо. Наслаждение тобой. 2006

те же 32% россиян. 21% считает, что политическая оппозиция в России не нужна, а 17% не имеют определенного мнения. Сложно подобные предпочтения выдавать за высокую политическую культуру.

Серьезную проблему для развития страны представляет и неумение подавляющей части общества нести ответственность за себя. Упование на государство распространено в основном в небольших городах и сельской местности, а там проживают почти 2/3 населения. Это благодатная почва для роста бюрократизма и чиновного произвола. При этом степень социального инфантилизма не уменьшилась за последние годы.

В современной России нет культуры гармоничного сочетания личных и коллективных интересов. После дол-

гих лет советского коллективизма наше население качнулось в сторону провинциального индивидуализма. Атомизация общества, во многом направленная против коллективизма, происходила главным образом в крупных городах, что и привело к отсутствию по-настоящему массовых профсоюзов и корпоративных организаций. Так называемый офисный планктон вообще представляет из себя аморфную массу, не видящую смысла в каких-либо совместных действиях.

Отсутствует у подавляющей части граждан России и толерантность — терпимость к чужому мнению, к «другому». Наша нетерпимость к чужому мнению, неумение находить компромиссы в сложных ситуациях общеизвестны. Это прежде всего наследие

советского тоталитарного периода, когда преследовались диссиденты и подавлялся даже намек на возможность другой точки зрения. Но истоки этого явления уходят в более далекое прошлое — к общинному сознанию. Община осуждала и отторгала чаще всего наиболее трудолюбивых, работающих. И дома им поджигали сто лет назад точно так же, как в 1990-е годы наиболее успешным фермерам. Российскому обществу крайне важно понять истинное значение таких несущественных, на первый взгляд, качеств, как толерантность, готовность к диалогу и компромиссу.

Отвратительной составляющей нашей жизни по-прежнему является хамство. Люди сталкиваются с ним на работе, на улице, дома. Хамство глубоко укоренилось в государственных и муниципальных учреждениях по отношению к посетителям, процветает во многих семьях, отличает наши взаимоотношения с соседями, выплескивается на улицы. Часто мы недоброжелательны друг к другу. В общественном транспорте вызывают удивление те, кто уступает место пожилым, инвалидам, беременным женщинам. Необязательность, нечестность, неаккуратность, надежда на авось тоже постоянные спутники российской действительности. Все это следствие низкой культуры поведения, которая поддерживается безответственностью чиновников и представителей правоохранительных органов.

Низкая культура проявляется и в поведении богатых людей. Такой «гонки тщеславия» в Западной Европе давно уже нет. Однако нашим состоятельным людям крайне хочется подчеркнуть свое богатство. Отсюда сверхдорогие машины, огромные коттеджи, предметы роскоши стоимостью в миллионы и десятки миллионов долларов. И при

этом нарочитое пренебрежение, презрение по отношению к тем, чей достаток ниже.

В основе нашей культуры всегда лежало пренебрежение к человеческой жизни. Отсюда отсутствие самоуважения у многих россиян и та рабская психология, которая не меньше, чем все остальное, тянет нас в прошлое.

Актуальность темы культуры

Понимание того, что с нашей культурой не все в порядке, тем не менее приходит в нашу жизнь. Прежде всего в связи с неудачными попытками модернизации российской экономики. Как заявил на конференции «Социальное измерение модернизации» первый заместитель главы администрации президента Владислав Сурков, отсутствие и слабое влияние социальных групп, заинтересованных в модернизации страны, — главная проблема современной России. «Государство не сможет включить процесс социальных изменений, как бы он ни назывался, если не найти практическую мотивацию. Люди должны чувствовать выгоду», — сказал Сурков. Думается, однако, что чувства выгоды недостаточно. Модернизация экономики, на мой взгляд, невозможна без модернизации общества и демократических ценностей.

Сошлюсь в этой связи на не так давно прозвучавшие высказывания о культуре президента фонда ИНДЕМ Георгия Сатарова и главы Института современного развития Игоря Юргенса.

В статье «Родина в опасности!», опубликованной в «Ежедневном журнале», Сатаров отмечает, что российское население покорно терпит невероятную коррупцию и безразлично к тому, что у него полностью отобраны фундаментальные права формировать

и контролировать власть. Что в нашей стране исчезли разделение властей, федерализм, независимость бизнеса и СМИ и исчезает независимость муниципального управления; что в России нет органа власти, способного защитить безопасность каждого из нас. Что Конституция превратилась в пустую бумажку.

Игорь Юргенс на пресс-конференции «Что мешает модернизации России» заявил, что основными помехами для модернизации являются незаинтересованность в ней большинства элиты, а также архаичность российского народа. При этом безразличие населения к инновациям и низкую гражданскую активность он объясняет патернализмом и «слабой распространенностью городской урбанистической культуры». Вывод Юргенса: жизненные установки большинства россиян приводят к массовому уклонению от гражданского участия. «Мы не граждане, а какое-то племя», — констатирует автор.

Какие пути выхода из нынешней ситуации они видят? Георгий Сатаров призывает будить общество. Разумеется, «будить» и действовать всегда предпочтительнее, чем сидеть, сложа руки. Но только не хотелось бы повторить опыт 1991 года, приведший нас к нынешнему состоянию. Юргенс же полагает, что архаичность российского народа будет преодолена только к 2025 году, когда наш народ окажется «ментально совместим в восприятии демократии со среднестатистическим прогрессивным европейцем». Для него очевидна тенденция деградации человеческого капитала в России. Но каким образом через 15 лет наша культура все же вберет в себя важнейшие состав-

ляющие западноевропейской культуры — непонятно.

И уж, конечно, не спасут нас рецепты Никиты Михалкова, предложенные им в «Манифесте просвещенного консерватизма», если мы опять будем пробираться в будущее собственным

*В цивилизованном мире
можно жить только по праву,
потому что правда у каждого своя*

окольным путем, опираясь на «национальную культурную традицию». А что касается права и правды, о которых тоже говорится в манифесте, то это старый спор, восходящий еще к XIX веку. И хорошо известно, что в цивилизованном мире можно жить только по праву, потому что правда у каждого своя, и на поверку оказывается, что на самом деле мы живем по правде того, кто занимает начальственное кресло.

О необходимости просветительской деятельности

Что делать? Заниматься широкой просветительской деятельностью. И, например, вспомнить, что еще в 1861 году члены Комитета грамотности при Вольном экономическом обществе считали, что российское сельское хозяйство не улучшить, пока его основной элемент — получивший свободу крестьянин-земледелец — не станет грамотным фермером. К чему и прилагались реальные усилия. Тогда была создана широкая сеть публичных библиотек, изданы необходимые книги, крестьян учили грамоте.

Конечно, предложение заниматься просветительством не может вызвать

энтузиазма. Во-первых, этот путь не дает быстрого результата. Во-вторых, в наш век широкую и эффективную просветительскую деятельность можно организовать только с помощью телевидения и на государственные деньги.

И все-таки помимо просветительской деятельности иного выхода нет. И заниматься ею в той или иной форме могут все, кто переживает за будущее России. Кто-то непосредственно, а кто-то — помогая этой деятельности.

В частности, я могу сослаться в этой связи на Школу публичной политики, созданной Михаилом Ходорковским в рамках общественной организации «Открытая Россия», пока власти не ополчились на нее. (Почему бы не попытаться возобновить этот проект общими усилиями?) Долгие годы успешно работает на ниве просветительства Московская школа политических исследований Елены Немировской. Достоин всяческих похвал известный экономист Евгений Ясин, который на «Эхе Москвы» каждый понедельник рассказывает о роли культуры. Интересные просветительские передачи и фильмы показывает телеканал «Культура». Но важные дискуссии большинства ученых и общественных деятелей о путях к демократии и к нормальной рыночной экономике ограничены узкой аудиторией. Чтобы сделать эти дискуссии достоянием широкой общественности, мало выпускать сборники. Если бы живущие за пределами Москвы ученые и журналисты шире использовали возможности для просветительства на местном телевидении и радио, эффект мультипликации был бы значительным.

Надо заниматься просветительством, используя любые возможности. Это работа на будущее.

Путь к овладению культурой

Этот путь каждый может начать сам. Если вы пешеход, никогда не идите на красный свет. Если водитель, соблюдайте правила дорожного движения. И сигналиньте тем, кто их нарушает. Старайтесь не давать взятки гаишникам и чиновникам, хотя это и доставит лишние хлопоты. Проявляйте уважение к чужому мнению. Не считайте компромисс проигрышем. Избегайте чиновничества. Старайтесь всегда отстаивать позицию, что государство для человека, а не наоборот.

Только человек, берущий на себя ответственность, понимающий, что налоги, которые он платит, не дань кому бы то ни было, а «складчина» для оплаты деятельности полезных государственных институтов, имеет право требовать от государства исполнения его основных функций. Сейчас главная проблема, которая мешает экономическому и социальному развитию России, — ужасающий уровень коррупции. И граждане вправе требовать от государства обеспечения исполнения законов и реальной борьбы с коррупцией. Но важно, когда кроме требований предлагаются и пути решения проблем. Государство надо подталкивать к конкретным действиям. Залог успешной борьбы с коррупцией — независимый суд. Сейчас наши суды зависимы от исполнительной власти, от правоохранительных органов. Продолжает действовать «телефонное право». Вмешательство в деятельность судов осуществляется во многом через их председателей, и часто нужное судебное решение обеспечивается взяткой. Поэтому следует добиваться полной независимости судов от исполнительной власти в плане получения квартир, строительства и ре-

Андреас Сломински. Ловушка. 1986–1993

монта зданий. Требовать ограничения срока председательствования и ротации председателей судов, транслировать все судебные заседания в Интернете. Выносить несправедливые решения на глазах народа судьям будет гораздо труднее. Значит, надо требовать, чтобы велась обязательная аудиозапись судебного процесса и чтобы протоколы судебных заседаний выдавались участникам процесса сразу после судебного заседания, как во всех цивилизованных странах. (Сейчас их выдают уже подправленными лишь вместе с решением суда, оставив только то, что оправдывает решение судьи.)

Большую помощь чиновникам в вымогательстве взяток оказывают коррупциогенные законы и нормативные

акты, выстраивающие разные препоны, требующие ненужных согласований. Необходим конституционный закон по выявлению коррупциогенных норм. Тогда активные граждане России в соответствии с конституцией будут вправе оспаривать такие законы и нормативные акты в суде. И депутатам придется исправлять законы, а руководителям министерств — переписывать инструкции.

Государство — это не механическое устройство, бесстрастно выполняющее свои функции, это люди, занимающие государственные должности. И мы вправе требовать от этих людей осуществления мер, направленных на улучшение нашей жизни. Важно только делать это сообща, чтобы заставить власть считаться с нашими требованиями.

Продолжаем знакомить читателя с нашими свежими изданиями, публикуя аннотации и фрагменты текста, дающие представление о книгах.

Купер, Роберт. Раздор между народами. Порядок и хаос в XXI веке. Пер. с англ. яз. (Robert Cooper. *The Breaking of Nations: Order and Chaos in the Twenty-First Century*. London: Atlantic Books, 2003). М.: Московская школа политических исследований, 2010. — 240 с.

*Дипломат и внешнеполитический теоретик, глава ведомства по внешне- и военно-политическим вопросам Совета Евросоюза Р. Купер анализирует особенности нового мирового порядка после холодной войны, исследует глобальный контекст, источники и потенциал угроз для постсовременного мира и, наконец, обосновывает европейскую концепцию нового либерального интервенционизма. Автор показывает, почему главная опасность для цивилизации исходит от досовременных и квазигосударств, где хаос, беззаконие, насилие являются идеальной средой для терроризма. Глобальную миссию постсовременных, наиболее развитых, государств Р. Купер видит в предложении общей стратегии развития и безопасности для столь неоднородного мира — *pace Globalis*.*

Американский идеализм никуда не денется. Но, возможно, рано или поздно нам удастся убедить Соединенные Штаты, что демократию и свободу следует распространять с терпением и осторожностью. Военная сила редко приводит к решению. Свержение тиранов выглядит как победа, но затем начинаются сложности. Управлять другими странами — уже тяжелая задача. Реформирование их политической системы может оказаться задачей непосильной. Благонамеренный завоеватель способен даровать народу замечательную конституцию. Однако в основе всякой исправно работающей демократии лежат не только конституции и институты, но и свод неписаных правил, в соответствии с которыми армия не стремится к захвату власти, суды политически нейтральны, проигравшие на выборах не ударяются в партизаны, в обществе поддерживается определенный уровень соци-

альной справедливости и равновесие между социальными группами, а власти предрешающие правят страной во имя блага народа и держат в узде свою алчность. То или иное сочетание этих условий зависит от исторического опыта конкретной страны, в то время как правила применения военной силы существенны для каждого демократического общества.

Беда в том, что ни одно из этих условий не может быть экспортировано, навязано или преподано — даже самым благожелательным иностранным другом. Они внутренне присущи обществу или даже составляют основу общества. Предшествующий демократии общественный договор устанавливается методом проб и ошибок на протяжении столетий. Или же становится выражением политической мудрости выдающихся государственных деятелей. Для большинства стран, пожалуй, необходимо как первое, так и второе.

Вполне понятно, что Америка, страна с укорененной демократией, в гораздо меньшей степени осведомлена о тяготах общественных преобразований и полагает, что демократия естественна и легко достижима. Но ничто не отстоит дальше от истины, как уверенность в этом. И хотя каждый правитель скажет вам, что он стремится к установлению демократии, обычно он подразумевает такую систему, при которой сможет осуществить свою волю. Гораздо более важное испытание состоит в том, сможет ли правительство пережить смену власти и смогут ли получившие власть действовать сдержанно и доверять своим оппонентам в достаточной мере — так, чтобы однажды в свою очередь передать им власть. Для демократического общественного договора необходимо нечто большее, чем подпись на бумаге.

Неписанные правила, стоит им укорениться, невозможно уничтожить. «Конституции сделаны из бумаги, штыки — из стали», — говорят на Гаити. Им там виднее. Но неписанные правила сделаны из материала более прочного, чем бумага, быть может, более прочного, чем сталь. В конечном итоге они сотканы из взаимного доверия. Если доверие устойчиво, неписанные правила переживут множество бурь. Самые важные из неписанных правил относятся как раз таки к злоупотреблению доверием. Доверие необходимо как при определении конституционных основ, то есть в вопросах распределения власти и ее сдерживания, так и в отношении отдельных составляющих государственной машины. Исправно функционирующей демократии нужны госслужащие, которые даже не помышляют о том, чтобы брать взятки; офицеры, которые не думают о захвате власти; судьи, которые не уступят давлению со стороны правительства; и политики, которые не намерены подобное давление оказывать. Или по меньшей мере демократии необходимо достаточное сочетание этих элементов, чтобы система в целом могла поддерживать и развивать доверие в гражданах. Достижение этих целей — сложный, длительный процесс.

Моизи, Доминик. Геополитика эмоций. Как культуры страха, унижения и надежды трансформируют мир. Пер с англ. яз. (Dominique Moisi. How Cultures of Fear, Humiliation, and Hope Are Reshaping the World. Doublday, a division of Random House, Inc., New York, 2009). — М.: Московская школа политических исследований, 2010. — 216 с.

Книга известного французского политолога предлагает оригинальный, «провокационный» взгляд на современный мир, отличный от линейной теории истории Ф. Фукуямы или концепции «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона.

Миром управляют, по мнению автора, не рациональные идеи и нормативные принципы универсальных ценностей, а состояние самосознания, которое определяется тремя главными типами эмоций — страхом, унижением и надеждой. На условной эмоциональной карте мира в зону страха и кризиса идентичности попали США и Западная Европа, которые теряют доминирующее положение в мире. Напротив, преобладание культуры надежды, веры в лучшее будущее в ряде стран Азии обусловило их феноменальный рост. Переживание униженности, обделенности, свойственное исламскому миру, формирует его враждебность к «виновнику бед» — Западу. Россию с ее сложной историей и комбинацией всех трех типов эмоций автор относит к категории «сложных случаев» с неопределенным будущим. В предложенных в финале книги оптимистическом и пессимистическом сценариях будущего глобального мира концентрируется главный вывод: большинству стран и культур необходимо измениться, чтобы обрести надежду и преодолеть страх и унижение. Сохранение статус-кво — это путь к катастрофе.

Чтобы сохранить веру в себя и добиться своих целей, страны и народы, которые надеются играть значительную роль на международной арене, должны принять перемены и признать, что сохранение статус-кво недопустимо.

В знаменитом романе Джузеппе ди Лампедуза «Леопард» князь Салинас, наблюдая прибытие новых гостей на бал, описанием которого завершается книга (сцену эту прославил одноименный фильм), замечает со смесью ностальгической печали и цинизма: «Все должно измениться, чтобы все осталось по-старому»*. Я хочу сказать нечто прямо противоположное. Положение должно измениться совершенно радикально, если мы не хотим стать свидетелями впадения международного порядка в глубокое и опасное неустойчивое состояние. Национальных лидеров необходимо убедить в том, что сохранение статус-кво — это рецепт катастрофы.

* См.: Giuseppe Tomasi di Lampedusa. — *Il Gattopardo* (1958). На русском языке: Дж. Ди Лампедуза. *Леопард*. — М.: Издательство иностранной литературы, 1961.

Джек Пирсон. Инсталляция. 2006

Иногда такой диагноз становится вопросом самосохранения и коллективного выживания. Как я уже сказал, именно инстинкт самосохранения заставил президента де Клерка положить конец апартеиду в Южной Африке.

Большинству стран и культур необходимо измениться, чтобы сохранить надежду и преодолеть страх и унижение. В Азии, например, перемены означают уважение к верховенству права и интеграцию беднейших слоев в общественные процессы. Чтобы по-прежнему воплощать культуру надежды, Китаю и Индии нельзя допускать, чтобы экономический рост подрывался неизбежной социальной и политической нестабильностью, порожденной безнадежным стремлением сохранить статус-кво. Даже Сингапuru необходимо меняться, впустить свежий воздух и дух открытости, если он хочет оставаться привлекательным для региональной и международной элиты, что ему абсолютно необходимо.

Что касается России, она не может пассивно мириться с фатальностью «восточного деспотизма» в какой-либо форме. Русские заслуживают лучшего, и в какой-то момент должны увидеть, что их главной задачей является преодоление разрыва между качеством их художественной и литературной культуры и отсталостью политической куль-

туры. Для России сохранение статус-кво в политике тоже гарантирует упадок.

В случае Запада самосохранение означает возврат к универсальным ценностям. Нам нравится проповедовать превосходство наших демократических моделей и уникальность нашей системы социальной защищенности по сравнению с Китаем и даже Индией. Однако применяем ли мы наши ценности на практике у себя дома? Будем смотреть на эту проблему всерьез, как бы нас это ни пугало.

Самосохранение имеет разный смысл для Америки и Европы. Для Америки — это возврат к сознанию скромности своей роли на международной арене при одновременном отказе от изоляционизма. То есть принятие того факта, что США станет всего лишь одной из «неотъемлемых стран» среди других. Это означает, что и в смысле обладания жесткой и мягкой властью Америка больше не будет единственной державой в мире.

Все это должно привести к ясным и прямым последствиям. Америке нужно научиться находить равновесие в отношениях с теми, кто является и становится равным ей, — так же, как действовала Европа на протяжении большей части своей современной истории в рамках ее системы равновесия силы. Все это, в свою очередь, подразумевает понимание и принятие культурных различий между странами. Еще довольно долго ничто в этом мире не будет происходить без Америки, однако, как никогда в прошлом, ничто в этом мире Америка не сможет сделать одна.

Чтобы сохранить верность демократической сути своей страны, американской республике необходимо принять изменение и снижение своего международного статуса. Имперское высокомерие чуть не погубило республику. Более сдержанное и честное поведение Америки за рубежом и гораздо более амбициозное в социальном и экологическом смысле поведение дома помогут восстановить международный имидж страны за счет признания того, что меньшее иногда значит большее, и что влияние и сила — не одно и то же. Иными словами, меньшая сила может означать большее влияние.

Для Европы самосохранение и перемены сводятся к возврату к роли игрока на глобальной арене и заботе прежде всего о соблюдении провозглашаемых принципов и норм. Может ли Евросоюз стать привлекательной реальностью для своих граждан, а не быть исключительно рациональной и в значительной степени обезчеловеченной бюрократической единицей? По-моему, да. Целью европейского проекта должно стать изобретение новой концепции суверенитета для XXI века.

Европа уже не находится в центре мировой истории. Принятие перемен для нее означает признание этой реальности не как трагического рока, а как простого факта истории. В Европе энергия и надежда начнут исходить от тех, у кого сильнее аппетит — от новых стран, от

новых иммигрантов, и прежде всего от обретших новую власть женщин. Может ли XXI век стать не только «веком Азии» и «веком идентичности», но и «веком женщин»?

И для Соединенных Штатов, и для Европы «дерзость надежды» (по словам Барака Обамы) должна постепенно сменить «механизмы страха». Чтобы это произошло, крайне важно возрождение веры в ценности и миссию Запада.

Весна Азии необязательно подразумевает зиму Запада. У нас может начаться обильная, зрелая осень, если мы, во-первых, признаем, что эпоха нашего превосходства миновала. Во-вторых,

*Если мы сумеем соединить умеренность
и веру в свои ценности, осень Запада
необязательно будет синонимом
упадка Запада*

примем успех дру-

гих и будем учиться у них. В-третьих, — и, пожалуй, это самое важное — мы должны остаться верными нашим ценностям. Наше отличие от других лежит в уникальном универсализме, глубоко укорененном уважении к верховенству права и заботе о сохранении социально-экономического равновесия. Если мы сумеем соединить умеренность и веру в свои ценности, все станет возможным, и осень Запада необязательно будет синонимом упадка Запада.

Уверенность — это то, в чем арабо-исламский мир нуждается больше всего, чтобы преодолеть культуру унижения. Для таких стран, как Египет и Саудовская Аравия, всякая попытка сохранить статус-кво приведет к катастрофе. Замечательные успехи маленьких Арабских Эмиратов — Дубай и Абу-Даби — разумеется, основаны на наличии уникальных условий — огромных залежей энергоносителей и малочисленного населения. Но они также доказывают, что современность и ислам совместимы, и арабы могут добиться успеха в условиях жесткой конкуренции глобального мира, если они готовы принять перемены и решительно проецировать себя в будущее, а не оставаться во власти прошлого.

Груз памяти и чувство обиды составляют самые трудные препятствия на пути к переменам. За счет крупных инвестиций в образование Арабские Эмираты открывают дорогу переменам, даже если их меркантилистские и потребительские настроения ограничивают рамки надежды.

Для Латинской Америки перемены означают прежде всего преодоление искушения популизмом и углубление единства континента — тогда негативное восприятие идентичности должно остаться позади. У Латинской Америки есть человеческие и физические ресурсы, чтобы стать континентом надежды и возможностей. То же самое относится к Африке.

Пайпс, Ричард. Истоки гражданских прав в России — год 1785 (Пер. с англ. яз.). — М.: Московская школа политических исследований, 2010. — 48 с.

В своей новой работе известный американский историк исследует исторический контекст изданной в 1785 году императрицей Екатериной II Жалованной грамоты дворянству, последствия этого акта для государства, а также причины, по которым документ так и не утвердил в России европейские представления о правах и свободах, нормы взаимодействия власти и общества.

Особое внимание автор уделяет специфическим чертам института российской монархии, эволюции духовной и политической мысли и практики, связанных с гражданскими правами в России.

Одно из серьезных затруднений, возникающих при изучении правовых институтов и практик в России, обусловлено тем, что законы здесь, как правило, принимались не в качестве общеобязательных предписаний, а как намерения — причем намерения, действительные лишь на короткое время. Более того, поскольку самодержцы не несли ответственности ни перед кем, они полагали, что могут отменять законы исключительно по собственному хотению. Ярким примером этого стал единоличный пересмотр Николаем II в 1907 году закона о выборах в Государственную думу — акт, бесспорно, антиконституционный, так как законодательство требовало согласовывать подобные изменения с парламентом. Но в представлении царя все, что было им пожаловано, им же могло быть и отнято.

Похожая судьба постигла и далеко идущие замыслы Екатерины о создании в стране сословий-корпораций. Провал этого начинания был обусловлен двумя факторами: неспособностью правительства придерживаться собственных законов и нежеланием населения участвовать в публичной жизни.

Павел I, вступивший на престол после смерти Екатерины в 1796 году, презирал свою мать и ни во что не ставил ее труды. Он сразу же начал нарушать положения обеих Жалованных грамот.

Согласно Жалованной грамоте дворянству, никто не мог быть лишен дворянства, кроме как по решению суда равных. Это правило так и осталось на бумаге; было немало случаев, когда дворян лишали их титулов, но ни разу соответствующий вердикт не был вынесен упомянутым дворянским судом. И тогда, и позже все подобные решения принимались судами, состоявшими из государственных чиновников. Павел без малейших колебаний разжаловал дворян, а потом, нарушая статью 15 Жалованной грамоты, обрекал их на телесные наказания. Он также санкционировал конфискацию собственности людей, попавших в опалу. И хотя обязательная государственная служба в его царствование не восстанавливалась, импе-

ратор создал все условия, чтобы избежать службы не удавалось никому. Более того, игнорируя статью 18 Жалованной грамоты, он иногда даже наказывал дворян, которые пытались это сделать. Он упразднил губернские дворянские собрания, оставив эти учреждения только на уровне уезда, и приказал губернаторам присутствовать на их заседаниях; Екатерина же в свое время запрещала такое присутствие, предотвращая воздействие чиновников на выборные процедуры.

Поразительной особенностью описанных действий стало то, что, по имеющимся данным, лишь одно дворянское собрание попыталось возражать против них.

Павел внес также изменения в Жалованную

грамоту городам, запретив самоуправление в Петербурге и заменив здешних выборных должностных лиц назначаемыми чиновниками.

Утвердившись на престоле, Александр I поспешил отменить поздние указы и распоряжения своего отца и 2 апреля 1801 года восстановил права и привилегии дворянства, торжественно пообещав, что ни он, ни его преемники никогда более не нарушат их.

Но оставался еще один важный фактор, разрушавший благие намерения Екатерины, а именно нежелание самих дворян и горожан работать в органах сословного самоуправления, которые были дарованы им императрицей. Представление о государственной службе в России так долго ассоциировалось с принуждением, что теперь, когда принудительную службу упразднили, русские дворяне с головой ушли в частную жизнь, усматривая в любой попытке привлечь их к государственным делам покушение на свободу личности. Правовой статус, которым они теперь обладали, никак не связывал их какими-либо обязательствами по отношению к другим категориям российского населения*.

Сказанное можно подтвердить множеством примеров. Как отмечалось выше, лишь ничтожное меньшинство дворянства откликнулось на призыв Екатерины представить в Уложенную комиссию свои

*Понятие прав человека
не закладывается в наши сердца
от рождения: это культурный феномен,
распространяющийся от меньшинства
к большинству*

* За два столетия, прошедшие после принятия Екатериной Жалованных грамот, ничего в этом смысле не изменилось. Ни царская, ни советская власть так и не смогли привить гражданам чувство государственного или социального служения. Опросы, проводимые в постсоветской России, показывают, что в большинстве своем русские ощущают лояльность не стране или народу, а своему непосредственному окружению — родственникам или близким друзьям. К остальным они относятся с недоверием. См.: Pipes R. *Flight from Freedom // Foreign Affairs*. May–June 2004. P. 9–15.

жалобы и пожелания. В их наказах вообще не упоминалось о желании работать в органах местного самоуправления. Лишь немногие готовы были занимать выборные должности, предусмотренные Жалованной грамотой, поскольку такая деятельность воспринималась как государственное служение: «Дворяне и на выборную службу никогда иначе не смотрели, как на ту же службу государственную». Чаще всего дворяне соглашались на занятие выборных должностей под принуждением. Даже во второй половине XIX столетия был случай, когда дворянин не согласился занять место в суде присяжных, мотивируя отказ тем, что это нарушает его право не служить государству.

В итоге между бюрократией, дворянством и горожанами наметилось своеобразное единение взглядов: чиновники не желали, чтобы подданные российской короны принимали на себя отправление публичных функций, доверяемых им екатерининскими установлениями, а сами граждане тоже не были расположены к подобным занятиям. Таким образом, положения Жалованных грамот так и остались не воплощенными в жизнь.

Я склонен присоединиться к тем русским историкам XIX века, которые расценивали Жалованные грамоты 1785 года, а также Манифест 1762 года как попытку сформировать «зародыши сознания о свободной человеческой личности», послужившую тогда толчком к развитию культуры страны и формированию национального самосознания. Ибо понятие прав человека не закладывается в наши сердца от рождения: это культурный феномен, распространяющийся от меньшинства к большинству и в итоге затрагивающий всех. Имея это в виду, попытку Екатерины внедрить подобные права в России следует расценивать положительно; в определенном смысле это начинание сглаживало ее ошибки, такие как нежелание проявить заботу о крепостных или участие в разделах Польши. И если Екатерине не удалось осуществить задуманное, то причину следует искать не в самих ее инициативах, а в укорененной в России политической культуре. Но даже если так, екатерининские преобразования неуловимым образом все же содействовали распространению гражданских прав, которыми во второй половине XIX века оказалось охваченным практически все население Российской империи.

Скверный анекдот

Lewis B. Hammer & Tickle: A History of Communism Told Through Communist Jokes. London: Phoenix, 2009. — XIII, 354 p.

Книга, написанная известным британским тележурналистом, фильмы которого не раз отмечались кинематографическими наградами, посвящена одному из интереснейших аспектов речевой культуры минувшего века — такому любопытному феномену, как политический анекдот. Сделав в свое время фильм о политическом юморе в Советском Союзе и странах «восточного блока», Бен Льюис не ограничился этим, решив закрепить результаты своих изысканий в печатном слове. Надо сказать, что о политическом анекдоте в последние годы пишут довольно много, но зачастую очень сумбурно. Автор, как и полагается, попытался выглядеть лучше своих предшественников, хотя, на мой взгляд, это удалось ему далеко не в полной мере. Его методология при беглом знакомстве кажется достаточно убедительной. Во-первых, политический анекдот рассматривается в книге как комплексное явление, которое скрепляется общей логикой, объединяющей разные народы и страны. Во-вторых, политический анекдот связывается с культурой общества, вписываясь в ее контекст, отражая ее базовые особенности и даже, в известной степени, формируя ее. Наконец, в-третьих, политический анекдот предстает не статичной, а динамичной сущностью, меняющейся под давлением политических обстоятельств и проходящей в своем развитии четкую последовательность стадий — от зарождения, через расцвет — к деградации.

Моя основная претензия к рецензируемой работе заключается в том, что правильные, по сути, теоретические выкладки неполны и односторонни.

Даже поверхностное изучение советского политического анекдота определенно говорит о том, что на всех этапах существования коммунистической системы он выполнял *двойственную функцию*: служа способом реализации социального недовольства, был в то же время средством примирения с недоброкачественной социальной действительностью. Из этих двух аспектов Бен Льюис выбирает только первый, практически полностью игнорируя другой. С его точки зрения, «миллионы бывших граждан коммунистических государств видели в анекдоте акт сопротивления» (р. 4). Я понимаю, что такая картинка кажется западному обывателю весьма привлекательной: угнетаемые, но не сломленные русские, болгары, румыны, чехи, прячась по кухням и подворотням, мужественно рассказывают друг другу анекдоты про Брежнева, Живкова, Чаушеску, Гусака, выражая тем самым решительный про-

тест угнетению. Дело, однако, обстояло не совсем так. Помимо прочих своих функций, анекдот фиксировал социальное и политическое *бессилие* подданных социалистического государства, помогая свыкнуться с ним. Власть всегда серьезна, ибо ей всякий раз кажется, что она утвердилась навсегда. В анекдоте советской поры ей мягко напоминают о том, что она ошибается, — но не более того. В принципе, чем меньше политическая система издевается над человеком, тем менее распространен в конкретном социуме жанр политического анекдота. Разумеется, сказанное не означает, что при демократии политический юмор вымирает — в опровержение этого достаточно указать, например, на изощренность британской политической карикатуры. Но меняется сам смысл политической шутки: если в демократическом обществе она нацелена на постоянное *обновление* системы, то в обществе тоталитарном ее призвание состоит в основном в адаптации к абсурду.

Британский автор не замечает этого очевидного, на мой взгляд, обстоятельства, и это самым пагубным образом сказывается на его работе. Она превращается в бесконечный компендиум в основном несмешных анекдотов, собранных в различных странах «социалистического лагеря». Некоторые теоретические обобщения, предпринимаемые автором, выглядят по-детски беспомощными, как, например, его вывод, согласно которому при Сталине за анекдоты сажали больше, чем при Гитлере: «В отличие от нацистов, относившихся к рассказчикам анекдотов весьма снисходительно, советские власти отправили за подобное преступление в ГУЛАГ десятки тысяч людей» (р. 102). Скорее всего, так оно и было, но как-то неудобно напоминать автору о том, что последователи Гитлера основательно «превозмогли» коммунистов в некоторых других поступках. Льюис выделяет две трактов-

ки политического анекдота — минималистскую и максималистскую. Согласно первой, политические шутки советских времен были способом обезопасить себя от тлетворного воздействия пропаганды и сохранить свободную мысль. Согласно второй, «народная шутка сыграла свою роль в ниспровержении коммунизма» (р. 19). При всей любви к хорошему политическому анекдоту мне трудно согласиться с последней версией, которая, в отличие от предыдущей, увы, совершенно недоказуема.

В чем Льюис прав, так это в рассуждениях о том, что нынешняя Россия разучилась «политически» смеяться. Если коммунистический застой воспринимался советским общественным мнением в качестве аномалии, что выражалось в огромном количестве анекдотов о власти, то нынешний застой подавляющему большинству россиян кажется нормой. «Мы больше не шутим» — так называется последняя глава книги. Это вполне естественно: система, сумевшая, в силу удачного расположения звезд, подкупить большинство своих граждан и потому не нуждающаяся в обновлении, не может генерировать политический анекдот — феномен, в котором, напоминаю, запечатлено желание или преобразовать действительность, или выразить протест против нее. Впрочем, даже в грязи порой можно найти десятирублевую монетку. В завершение рецензии один из немногих по-настоящему славных анекдотов, предложенных Льюисом читателю.

«Путин приходит в ресторан вместе с председателями обеих палат парламента. Подошедший официант спрашивает, что он желает заказать.

— Мясо, — отвечает президент.

— А овощи? — спрашивает официант.

— Овощи? Они тоже будут мясо, — отвечает Путин» (р. 298).

Андрей Захаров

Региональное книжное обозрение

Поцелуев С.П. Диалог и квазидиалог в коммуникативных теориях демократии. — *Ростов-на-Дону: Издательство Северо-Кавказской академии государственной службы, 2010. — 495 с.*

В научном дискурсе, рассматривающем проблемы демократии, все больший вес приобретают теории, ориентированные на анализ ее диалоговой составляющей. Рецензируемая книга стала, пожалуй, первой отечественной работой, широко обобщившей коммуникативные концепции демократии, а также их критику. Демократия является результатом неустанного коллективного творчества, а это означает, что она внутренне диалогична. Автор трактует политический диалог как форму дискурсивно-символического обмена, обусловленную принудительными факторами политического поля (рынка) и реализующуюся на основе взаимного рефлексивного перенимания ролей. В ходе этого процесса имеет место трансформация позиций политических субъектов по мере их перехода от иерархических отношений господства-подчинения к функциональной власти по принципу командного сотрудничества (с. 68). Соответственно, квазидиалог понимается как ложный диалог. На мой взгляд, однако, такое определение политического диалога слишком сложно; более того, оно ориентировано на изучение общества, находящегося в состоянии транзита, хотя в анализируемых автором теориях доминируют сложившиеся и зрелые демократии.

Согласно автору, политическая коммуникация есть публично опосредованный опыт символического обмена, осуществляемый носителями властных интересов. Она осуществляется между не оспоренными, до поры, консенсусами, достижение которых предполагает ролевой обмен как основу диалогического взаимодействия участников коммуникации (с. 39). В целом такое понимание достаточно точно отражает сложившееся в российской политической науке понимание демократии. Наши ученые говорят прежде всего об иерархических отношениях «управляющих» и «управляемых», акцентируя при этом смыслы, вкладываемые различными сторонами в понятие демократии. Но при таком подходе за пределами научного рассмотрения остается институциональный аспект, то есть разъяснение того, каким образом в тех странах, которые переживают транзит от авторитаризма к демократии, все-таки происходит перерастание манипуляторского квазидиалога в реальный диалог, предполагающий уважение иных точек зрения, готовность согласовывать интересы, гарантии прав несогласного

меньшинства. Для России эта сторона проблемы особенно актуальна, но автор тщательно обходит ее стороной. В этом я вижу один из главных недостатков рецензируемой книги.

Книга предлагает широкий обзор коммуникативных моделей и теорий демократии. Сначала в ней рассматриваются позитивистско-коммуникативные модели: коммуникативно-рыночная, информационная, электронная, телевизионная. Далее анализируются негативно-коммуникативные концепции, представляющие демократию как символическое действие, театр в «обществе спектакля», телешоу, медиакратию. Наконец, исследуются комплексно-коммуникативные теории демократии: делиберативная, «отзывчивая», радикальная, аудиторная. Автор в целом смог показать многообразие и сложность различных форм и вариантов демократического устройства, каждому из которых присуща собственная коммуникативная практика и самобытное понимание того, что такое диалог и квазидиалог.

Вызывает, однако, сожаление то, что автор, мастерски обобщая уже имеющиеся теории, не предлагает собственного теоретического подхода к проблеме диалога в российской демократии. Разумеется, это не вполне его вина: сегодня в российской политической науке трудно найти по-настоящему оригинальные идеи относительно политических систем. Причем самая непростая ситуация связывается именно с изучением демократии. С сожалением приходится констатировать, что после выхода в свет известного новаторского и актуального труда Алексея Салмина «Современная демократия» отечественная политическая наука и социология не смогли продвинуться дальше и сделать этот интеллектуальный прорыв основой для прочной интеллектуальной традиции.

Изучая политические системы, можно двигаться двумя путями. Можно отталкиваться от теории, опираясь на определенную интеллектуальную традицию, или же идти от эмпирики, руководствуясь фактами реальной жизни. В России оба пути сталкиваются с серьезными ограничениями. Оригинальная интеллектуальная традиция, активно формировавшаяся на рубеже XIX и XX века, не смогла пережить большевистскую революцию, а развивавшие ее отечественные ученые вынуждены были влиться в зарубежные школы. Путь от эмпирики тоже оказался тернистым, поскольку в России нет устойчивой демократической практики, изучение которой могло бы послужить надежной основой для оригинальной политической теории. Но как же нам быть? Должны ли мы, как это делает автор книги, ограничиваться констатацией того, что «теории демократии в современной России есть в основном западный продукт»? Как мне представляется, нам необходимо ломать рамки подобных констатаций, ибо Россия будущего — это демократическая Россия. Но данная книга, к сожалению, едва ли поможет нам раздвинуть привычные горизонты.

*Максим Васьков,
кандидат исторических наук
(Ростов-на-Дону)*

Контрапункт

СОБСТВЕННОСТЬ И СВОБОДА: ВЛАСТЬ ЗАКОНА

Саша Тамм. *Собственность.* — Челябинск: Социум, 2010. — 120 с.

Фонд либеральных программ «Свободный мир» продолжает издавать книги, продвигающие либеральные идеи в России, стране пока далеко не либеральной. В завоевавшей хорошую репутацию книжной серии «Библиотека ГВЛ» (основанной в память о политике и предпринимателе Г.В. Лебедеве) уже вышли работы таких классиков либерализма, как Ф. Бастиа, В. Гумбольдт, Ф. Хайек, Л. фон Мизес, Дж. Ст. Милль, И. Бентам и др. Новая книга серии — перевод с немецкого развернутого эссе нынешнего главы Московского бюро фонда Фридриха Науманна (Германия) Саши Тамма «Собственность». До приезда в Москву в мае 2009 года Саша Тамм, философ по образованию, специалист по политическим наукам, работал в Либеральном институте фонда Науманна, а также руководил программами фонда в Восточной Европе.

Что подвигло автора вновь обратиться к теме, давно и фундаментально раскрытой в классической философской, экономической и политологической литературе? Прежде всего то обстоятельство, что институт собственности и тесно связанная с ним свобода сталкиваются в наши дни с новыми угрозами. Между тем центральный тезис книги состоит в том, что «будущее нашей свободы и благосостояние зависят от того, насколько эффективно защищена частная собственность. При всех различиях в уровнях экономического развития и институциональных предпосылках разных стран это касается всего мира».

С. Тамм — убежденный либерал, который, развивая классические аргументы А. Смита, Ф. Хайека и Л. фон Мизеса, вновь стремится доказать преиму-

*Владимир Рыжков,
политик, публицист*

щества социального порядка, основанного на добровольном сосуществовании и сотрудничестве частных собственников при минимальной роли и вмешательстве государства. Либералы последовательно требуют сведения роли государства к минимуму. С их точки зрения, у государства есть только две задачи, которые можно считать бесспорными. Это защита частной собственности и защита прав на свободу.

Как и Ричард Пайпс (см. его книгу «Собственность и свобода», изданную Московской школой в 2000 г.), С. Тамм рассматривает частную собственность как необходимую предпосылку «для защиты индивидуальной свободы — высшей политической цели всех либералов», так как «без защиты собственности

сосуществование [людей] в состоянии свободы невозможно». Защита частной собственности защищает индивидуальную свободу двояким образом: широкое распространение собственности создает большую независимость от государства и одновременно ведет к децентрализации власти.

Существуют бесспорные доказательства того, что общества, где более надежно защищена частная собственность, богаче и неизмеримо лучше развиваются экономически. А страны со слабой защитой собственности или же с плановой государственной экономикой, как правило, беднее и менее развиты. Происходит это вследствие того, что в обществах с надежно защищенной частной собственностью у людей существуют *лучшие стимулы* приумножать свои доходы и экономить ресурсы, тем самым повышая общее благосостояние. Кроме того, в экономиках с широко распространенной частной собственностью важным фактором достижения высокой экономической эффективности являются цены: они передают сигналы о степени потребности в тех или иных товарах и услугах, координируют поведение и решения миллионов не связанных между собой людей по всему миру. Вмешательство государства в экономические процессы (протекционистские меры, регулирование цен и тарифов, продажа самим государством товаров и услуг) приводит к искажениям на рынках, дефициту и неэффективному перераспределению ресурсов из одних отраслей в другие. Также вмешательство государств может приводить к завышению цен и тарифов — чаще всего это происходит в поддерживаемых государством монополиях или на государственных предприятиях.

Отчетливая взаимосвязь между уровнем защиты собственности и уровнем благосостояния народов хорошо видна в авторитетном «Международном индексе прав собственности» («International Property Rights Index») — показателе степени защиты прав собственности в 125 странах. В первых 25 странах рейтинга (по уровню защиты собственности) средний валовой общественный продукт на душу

населения составляет около 40 000 долларов США. В последних же 25 странах рейтинга — только 4300 долларов. Важна динамика: по мере улучшения показателей защиты собственности, как правило, улучшаются и экономические показатели. В этом контексте ситуация в России выглядит угрожающе: в 2009 году наша страна была ближе к середине рейтинга — на 54-м месте, а в 2010 году рухнула вниз — на 88 место, оказавшись по соседству с Кенией, Гватемалой, Казахстаном и Перу.

Межстрановые сопоставления позволяют также выявить связь между уровнем защиты собственности, экономической свободой и уровнем индивидуальных свобод и защиты политических прав. «Согласно *Freedom House*, в экономически свободных странах как индивидуальные свободы, так и политические права защищены в два раза лучше, чем в экономически несвободных», — резюмирует Саша Тамм.

Экономический и военно-политический крах радикальных экспансионистских систем (коммунизма, фашизма, нацизма) далеко не до конца снял вопрос о пределах государственного вмешательства в право частной собственности. Находится немало аргументов в пользу разного рода вмешательства и изъятий, часто против воли самих собственников. Например, в мире сохраняются многие тысячи частных и государственных монополий, часто под предлогом их «естественности» или служения общему благу. С. Тамм показывает, что практически всегда «монополии — это угроза экономической свободе, они же уменьшают благосостояние всех членов общества».

Другой вид общественно одобряемого и признанного необходимым изъятия частной собственности — социальная политика — прежде всего посредством налогов и обязательных взносов в системы социального, медицинского и пенсионного страхования. Опасность чрезмерного изъятия доходов и госрегулирования в этой сфере заключена в формировании целых групп населения, предпочитающих находиться на содержании у государства, перераспределяющего собственность от более продуктивных и ответственных слоев. Как пример такого рода чреватого риском вмешательства государства автор приводит крупномасштабную господдержку в США ипотечных займов сотен тысяч оказавшихся несостоятельными заемщиков, что повлекло за собой кризис на американском рынке недвижимости и вслед за этим — мировой финансовый и экономический кризис.

Распространенным способом нарушения прав частной собственности является ее изъятие во имя «общего блага», например при строительстве дорог или аэропортов. Часто собственность изымается без согласия собственника, и за нее выплачивается компенсация значительно ниже рыночной стоимости. В России множество примеров нарушений такого рода, например изъятие земельных участков под строительство олимпийских объектов в Сочи сопровождалось многочисленными столкновениями между собственниками и представителями

государства. Решение проблемы может лежать в справедливых правилах и процедурах, а также в недискриминации альтернативных государственным проектов и институтов (например, частных школ или частных пенсионных фондов).

Наше время принесло с собой новые угрозы, например, «под предлогом борьбы с организованной преступностью и терроризмом полиция и службы безопасности получают все более широкие права для вторжения в частную сферу людей. Критерии допустимости такого вмешательства становятся все более размытыми». Здесь уступки и компромиссы недопустимы: «Собственность и частная сфера любого человека должны быть защищены от постороннего вмешательства, даже если последнее поддерживают большинство населения, общественное мнение или здоровое народное чувство». Но как на практике защитить права граждан от такого вмешательства, в частности от тайного дистанционного сканирования спецслужбами частных компьютеров? «Необходимо постоянно заставлять государственные ведомства отчитываться о результатах их деятельности и о связанном с этим вмешательстве в свободу и частную сферу граждан. Это буквально означает, что необходимо достигнуть прозрачности по двум вопросам: скольких людей затронули мероприятия по слежке? Какую реальную пользу они принесли?».

Если частная собственность — гарантия процветания и свободы, она должна быть надежно защищена. Во многих странах, в том числе и в России, граждане сталкиваются, например, с чрезмерно сложными и коррупционными схемами регистрации собственности. Между тем «регистрация [собственности] в признаваемой всеми форме» является важным институтом ее защиты. Фундаментальная предпосылка гарантий права собственности: наличие власти закона (английское *rule of law*). Правовое государство требует твердого соблюдения конституционных норм, на страже которых должны стоять конституционные суды. «Два вопроса позволяют определить, насколько этот контроль эффективен, подчеркивает автор: 1) выносит ли конституционный суд свои вердикты в важных процессах против парламента и правительства; 2) реализуются ли потом эти решения парламентом и правительством?». К сожалению, в современных российских реалиях на оба этих вопроса приходится отвечать отрицательно, что, в свою очередь, означает слабую защиту как частной собственности, так и свободы.

Свободе и ее фундаменту — частной собственности продолжают угрожать многочисленные враги: криминал и коррупция, монополии и государственное вмешательство. На собственность покушаются автократии и даже демократии, не ограниченные твердым следованием конституционным принципам. Права человека всегда и везде подвергаются новым испытаниям, часто под самыми благовидными предложениями. Саша Тамм призывает всех нас быть настороже и подвергать любую попытку ограничения нашей свободы самому серьезному сомнению.

СРЕДНИЙ КЛАСС: «ВСЕ КУПЛЕНО»

Средний класс после кризиса: экспресс-анализ взглядов на политику и экономику. Григорьев Л.М. (науч.ред.), Макаренко Б.И., Салмина А.А., Шаститко А.Е. — М.: МАКС Пресс, 2010. — 152 с.

Одно из объяснений отсутствия демократии, слабости гражданского общества, неудач в экономическом развитии в России состоит в отсутствии массового слоя ответственных частных собственников, развитого среднего класса. Из опыта развитых стран известно, что именно средний класс обеспечивает стабильность демократических политических систем, предъявляет спрос на правовое государство и сильные государственные институты, обеспечивает экономическое процветание и социальный прогресс.

В России ситуация с частной собственностью крайне противоречива. В целом тенденция состоит в медленном ухудшении ситуации. Как уже было показано, уровень защиты прав собственности снижается. Кроме того, происходит расширение государственного сектора экономики в ВВП за счет частного. По официальным оценкам, доля госсектора в ВВП России уже превысила 50%. По оценкам экспертов, вместе с аффилированными с государством и отдельными чиновниками всех уровней структурами эта доля еще выше — до 70% ВВП. Эти цифры практически удвоились с 2000 года. С точки зрения монополизации национальной экономики и господства госсектора Россия приближается к Белоруссии, где последний составляет не менее 90%. Экспансия госсектора прямо отражается на общественном развитии: все новые миллионы граждан попадают в прямую зависимость от государства — работодателя, что позволяет последнему применять прямое принуждение, в том числе в политической сфере. Российских чиновников и так называемых бюджетников (например, работников социальной сферы) сотнями тысяч записали в партию власти «Единая Россия», из них формируются избирательные комиссии, фальсифицирующие результаты выборов, их принуждают к подневольному «правильному» голосованию». Наблюдается прямая корреляция между ростом зависимых от государства граждан и сокращением политических и гражданских свобод.

Приватизация, осуществленная в 1990-е годы, не привела, как ожидалось, к формированию массового класса частных собственников. Напротив, Россия оказалась в числе стран с наибольшей концентрацией собственности в немногих руках. Будучи среднеразвитой страной с пятой частью населения, живущего за чертой бедности, Россия занимает второе место в мире по числу долларовых миллиардеров. Массовой приватизации советских квартир оказалось недостаточно для создания класса частных собственников, а рынок

земли остается крайне непрозрачным, коррупционным и криминализованным; есть признаки концентрации и земельной собственности тоже.

В силу в том числе и этих фундаментальных причин средний класс в России невелик, и даже экономический рост последнего десятилетия не привел к его расширению. Средний класс не стал заметным субъектом общественной и политической жизни, государство может себе позволить продолжать игнорировать его запросы и интересы. Эксперты Левада-Центра оценивают численность «нового городского класса» (самостоятельные образованные городские слои, умеющие принимать решения и брать на себя ответственность) не более чем в 4–6% от всего населения. Но и эта скромная группа не представляет организованной силы, ее члены разобщены, они, по словам социолога Льва Гудкова, «пальцем о палец не ударят [чтобы изменить то, что им не нравится в собственной стране]»*.

Попытке оценить модернизационный, политический и общественный потенциал российского среднего класса посвящено новое исследование Бюро экономического анализа «Средний класс после кризиса: экспресс-анализ взглядов на политику и экономику», осуществленное совместно с Институтом современной политики (ИНСОР). Авторы на основе анализа серии глубинных интервью (всего — 120 интервью) попытались проанализировать взгляды среднего класса с учетом его сложной неоднородной структуры, выделив пять подгрупп: массовая интеллигенция, госслужащие (бюрократия), сотрудники крупных компаний, две группы малого и среднего бизнеса — инновационный бизнес и бизнес в сфере торговли и услуг. При этом авторы исходят из максимальных оценок численности российского среднего класса (далее — СК) — 20% (есть другие авторитетные оценки его численности в 12%), при протослое СК в 40%.

Основной вывод исследования: «Говорить о том, что средний класс в России способен влиять на процесс принятия политических решений, по крайней мере преждевременно». В подтверждение сказанного приводятся также данные исследования Института социологии РАН, согласно которым наиболее типичными чертами современного СК являются «низкий интерес к политике, конформизм, ориентация на частные интересы и ценность индивидуальной самореализации. В целом идеологические и идейно-политические ориентации у среднего класса довольно слабо выражены».

Российский средний класс реалистически оценивает положение дел в стране. В нем доминирует представление, что Россия не является демократической страной. Наиболее вероятным сценарием развития страны его представители считают сохранение статус-кво, но мечтают при этом о демократизации (сценарий «Новая мечта»), формулируя

**Общество и граждане в 2008–2010 гг. Рабочие материалы №3, под ред. М. Липман и Н. Петрова. — Московский Центр Карнеги, 2010. — с. 4.*

три консенсусных приоритета: борьба с коррупцией и борьба с забюрокраченностью, а также развитие конкуренции.

Отсутствие политической конкуренции привело к устойчивому снижению участия представителей СК в выборах, они считают его практически бессмысленным. Вот типичные суждения на этот счет: «Все куплено, и смысла голосовать нет... Функция народа постепенно ослабевает.. и я знаю, что все покупается». Выборы превратились в ритуал, что, в свою очередь, подорвало в глазах среднего класса легитимность власти. Вернулось выражение «они» — внутреннее психологическое противостояние части среднего класса (интеллигенции, бизнеса) «им» — бюрократии.

Хотя средний класс в целом выражает несколько большую поддержку демократии, чем остальная масса населения, в целом существующая монополярная политическая система не ставится под сомнение — роль оппозиции и политической конкуренции видится лишь как ограничение и исправление пороков системы, но о возможности смены власти на свободных выборах речь по-прежнему не идет. Развитие горизонтальных связей и общественной активности идет в первую очередь в неполитической сфере: это сетевые структуры в области профессиональных интересов, досуг, благотворительность.

Недоверие к государству не ограничивается политической сферой. Наиболее острым вопросом для российского среднего класса стал вопрос о прозрачности расходования государством собираемых им налогов. СК требует прозрачности, подотчетности, эффективности в деятельности государства по расходованию бюджетных средств. Практически общим мнением является представление о пребывании во власти как способе личного обогащения чиновников и их семей. Если свести все мнения представителей СК в одно, самое главное требование к государству — это *требование прозрачности и подотчетности*.

Полученные в ходе исследования данные, к сожалению, не подтверждают оптимистический вывод автора предисловия к указанному исследованию, председателя правления Института современного развития Игоря Юргенса о том, что российский средний класс «формирует довольно четкий запрос на реформу институтов, эффективность и прозрачность государства и выражает свой выбор в пользу демократической политической системы». Скорее, можно говорить о предпосылках такого запроса. Многое будет зависеть от того, продолжится ли экспансия государства в политике, экономике и общественной жизни, сумеет ли общество усилить свою горизонтальную солидарность и активность, а также от того, сможет ли укрепиться в России институт частной собственности и класс самостоятельных и ответственных частных собственников.

Известно, что в 1945–1946 гг. из побежденной Германии в Советский Союз в качестве компенсации за причиненный ущерб было перемещено значительное количество историко-культурных ценностей. Они вывозились на законных основаниях в соответствии с соглашениями между странами-победительницами фашистской Германии. И тогда никто не оспаривал того, что Германия и ее бывшие союзники должны хотя бы частично компенсировать тот колоссальный ущерб, который был причинен культурному достоянию нашей страны. Спор разгорелся в середине 1990-х в связи с так называемой Балдинской коллекцией произведений из собрания Бременского музея, вывезенных незаконно. В 1998 г. был принят Федеральный закон «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации». И тогда же в российских учреждениях культуры, хранящих перемещенные культурные ценности, были начаты работы по их инвентаризации и определению бывшей государственной принадлежности (бывших владельцев).

Эссе из книги немецкой журналистки Керстин Хольм «Рубенс в Сибири» («*Rubens in Sibirien*»), вышедшей в Берлине два года назад, которые публикуются ниже, посвящены проблематике «трофейного искусства».

Керстин Хольм,
корреспондент газеты
«Франкфуртер альгемайне»
в Москве

Трофейное искусство в российской провинции

Венера на Волге

Охота за трофеями имела для советского искусствоведения последствия. С одной стороны, патриотически настроенные эксперты в годы войны были потрясены встречей с совершенством западноевропейского искусства, с другой стороны, они осознали, что культура Европы, при всем ее богатстве, не может заменить им их собственной культуры. Именно поэтому Игорь Грабарь (известный советский искусствовед, народный художник СССР. — *Прим. ред.*) утверждал, что значение уничтоженного во время войны храма Спаса на Нередице в Новгороде больше, чем значение Кельнского собора. Выступая на заседании комиссии по компенсации утраченных ценностей, Грабарь поставил на одну ступень Илью Репина, хрониста русской истории, бытописателя народа, портретиста людей искусства и венценосных особ, и Рафаэля. Историк Григорий Козлов, изучавший протоколы заседаний комиссии Грабаря, был поражен шовинистическими заявле-

ниями, как ему казалось, иных из своих соотечественников, заметив, будто те жертвы, которые понесла страна, и ее военные успехи подняли ценность ее искусства. Тогда как Михаил Володин, уполномоченный по вопросам трофейного искусства, выразил возмущение по поводу того, что Герман Фосс, директор Дрезденской картинной галереи и специалист по живописи итальянского Ренессанса, бывавший в Эрмитаже, не мог назвать ни одного имени русского художника. Володин счел это проявлением «типично арийского высокомерия»*.

Что касается лично меня, то путешествия по русской провинции неизменно повышали в моих глазах ценность русского искусства. В качестве корреспондента, специализирующегося в области культуры, я пыталась понять страну через ее живопись, через музейные коллекции, освещающие то, что есть Россия: сирая бесконечность.

Всякий ищущий обычно обретает нечто иное, нежели то, что он искал. Я искала «трофейное искусство» из Германии, которое, как мне рассказывали московские специалисты, разными путями, будь то дарение или покупка, оказывалось или было некогда «замечено» в Сибири — в Иркутске или в Якутске, в центральной Туле, в южнорусском Краснодаре, на Урале — в Перми или Екатеринбурге. Информация подтверждалась примерно в половине случаев. Скажем, в Перми или Якутске кураторы заявляли, что военных трофеев в их музеях никогда не было. У меня не было возможности проверить правдивость той или иной информации. В музеях и художественных галереях на территории Центральной России, подверг-

шейся в годы войны немецкой оккупации, меня как немецкую журналистку обычно снабжали подробными сведениями об опустошениях и разрушениях, сотворенных нацистами. Но как паломницу во имя искусства меня еще больше поражало то, насколько менялось высказывание самого произведения искусства в зависимости от места его нахождения. Русские живописные ландшафты, которые в столичном дворце смотрелись бы скорее эпигонски, в стенах провинциальных музеев обретали некий тонкий спартанский шарм. Тем самым они доказывали, сколь неизлечимо реалистично искусство по своей сути. Там, где в провинциальные музеи попадали высококачественные «трофеи», происходило столкновение художественных миров. Например, в Нижнем Новгороде коллекцию городского художественного музея украшают 42 западноевропейские картины и 7 позднеготических скульптур, до войны принадлежавших еврейским коллекционерам из Будапешта. Эти вещи являются, так сказать, «дважды трофеями». Сперва оберштурмбанфюрер Эйхман шантажом вынудил владельцев расстаться с ними, потом, отступая, нацисты увезли сокровища в Германию. Однако неподалеку от Берлина эшелон подвергся нападению 49-й армии Второго Белорусского фронта, которая вскоре была переброшена в Нижний Новгород, тогда город Горький. Командование армии прихватило ящики с картинами и скульптурами, но не разделило добычу между собой, а преподнесло местному музею. В начале пятидесятых годов серьезно поврежденные произведения искусства попали в

* *Cum. no: Konstantin Akinscha, Grigori Koslow. Beutekunst. Auf Schatzsuche in russische Geheimdepots. — München, 1995. — S. 149.*

Москву, в знаменитые реставрационные мастерские, сегодня носящие имя идеолога трофейного искусства Игоря Грабаря. Наиболее значительные вещи были отреставрированы и отправлены обратно в Нижний Новгород, за исключением пяти самых ценных, которые отобрал для себя Музей имени Пушкина.

Нижегородский государственный художественный музей расположен в бывшем дворце генерал-губернатора в городском Кремле. На втором этаже, в первом зале слева, посетителя встречает отрешенный взгляд апостола Иакова кисти Эль Греко; кажется, что изгибы силуэта святого, покрытые пурпурным плащом, излучают свет. В следующем зале висит полотно «Истязание Христа», созданное с большой любовью к болезненным деталям анонимным мастером из Мюльдорфа около 1600 года — и в страдании Спаситель не теряет грации облика и выражает сострадание к своим мучителям. Третий зал украшают скульптуры святых жен с тонкими чертами лиц, чьи фигуры своей пластикой напоминают латинскую букву S. Они были вырезаны из липового дерева также около 1600 года.

С противоположной стороны коридора на них смотрят их русские «коллеги», приблизительно на триста лет моложе. Практически всю торцевую стену занимает «Русская Венера» Бориса Кустодиева — розовая великанша в бане, с детской невинностью радующаяся собственному телу. На изображении же «Дамы в лунную ночь» мастера портретной живописи Ивана Крамского тяжелые черты лица модели контрастируют с игрой света на ее кружевной шали и цветах летнего луга.

Поклонник искусства словно фланирует между орхидеями и одуванчиками.

Благородная простота, тихое величие

Роман русского искусства с собственной страной начался, когда крепостные крестьяне освободили Европу от Наполеона. Удивленный взгляд художников, до тех пор пораженный созерцанием красот европейского искусства, все чаще стал обращаться на собственный поработанный народ, который, держа государство на своих плечах, для европеизированного русского общества являлся чуть ли не экзотической расой. Во второй четверти XIX столетия, когда император Николай Первый впряг свою зараженную европейской бациллой империю в бюрократические удила, живописцы русского бидермейера узрели в безграмотных крепостных представителей прекрасного по сути своей человеческого рода.

Центральной фигурой этой эпохи является Алексей Венецианов, надевающий ее, как мне кажется, истинным сиянием. Землемер по образованию, Венецианов уехал из Петербурга и поселился в имении под Тверью, чтобы определить себя на службу русской природе и воплотить то, что она ему откроет, — так звучало его кредо. В образе русского крестьянина художнику открылся ни более ни менее — идеальный человек, прекрасный, подобно античным статуям. В правильных чертах лиц, в спокойном достоинстве представленных на его полотнах крестьянских юношей и девушек с нами говорит та «благородная простота и тихое величие», которые немецкий историк искусства Иоганн Иоахим Винкельман за пятьдесят лет до того узрел в древних греках. Босоногие, одетые в чистые льняные платья юные существа, волновавшие многие помещичьи сердца, гармонируют с простором идиллических

Б. Кустодиев. Русская Венера. 1925–1926

ландшафтов. Обласканные мягким солнцем раннего лета, они воплощают то состояние детской невинности, когда человек еще ничего не требует, но все обещает.

Император Николай Первый понимал, что крепостное право тормозит развитие России. Но при этом, по его убеж-

дению, страна более всего нуждалась в строгом контроле. Он запретил писать портреты врагов государства и тем самым фактически канонизировал их. Как выглядели декабристы, участники восстания 1825 года, стремившиеся к установлению в России конституционной монархии, нам известно лишь по

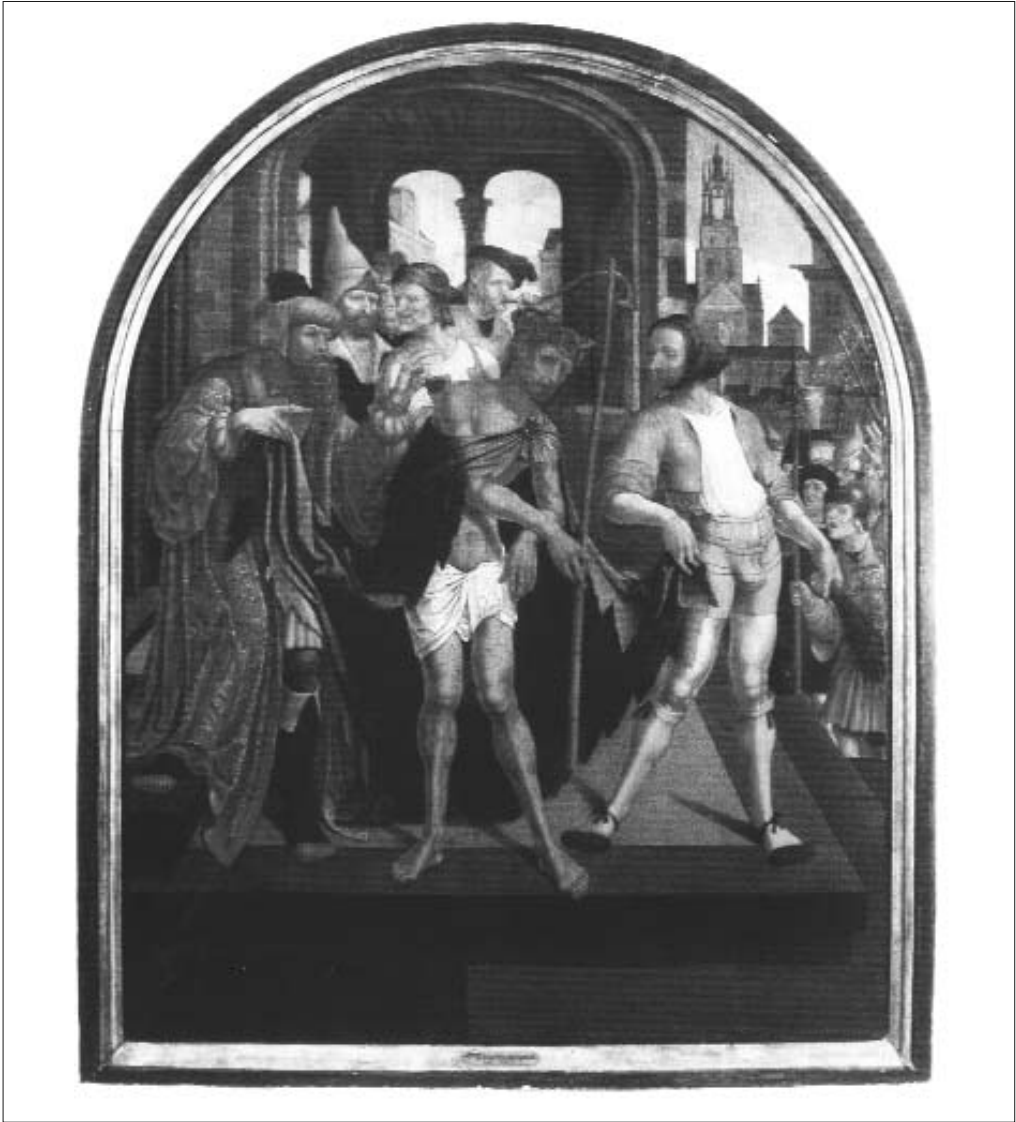
портретам, созданным во время сибирской ссылки тех из них, кто не был казнен. Первым «чисткам» подверглось при Николае и картинное собрание Эрмитажа. По распоряжению царя из него были удалены изображения фаворитов Екатерины Второй: эти портреты вызывали у императора неприятное воспоминание о тех любовных вольностях, которые позволяла себе его великая прабабка. Однако и сам Николай, как известно из источников, питал решительную склонность к прекрасному полу.

При всей строгости николаевской эпохи художники открывали целые неведомые ранее материи внутри собственной страны. Алексей Венецианов собрал вокруг себя многочисленный круг учеников и последователей. Один из наиболее выдающихся, Григорий Сорока, и сам был сыном крепостного, другой, Алексей Тыранов, происходил из мещанской среды. Они создавали немного кукольных людей, иногда напоминающих марионеток. Но своей лаконичной хрупкостью эти фигуры одухотворяют тот интерьер, куда их поместил художник, будь то тесная комната, тихий пруд или заснеженная тропинка к деревне. В этом художники русского бидермейера были естественными союзниками своего немецкого современника Генриха фон Клейста, хотя едва ли они могли знать о его эссе «О театре марионеток», где автор объясняет, что механические куклы куда грациознее, чем искусные танцоры.

Живопись Венецианова нашла поклонников и среди участников немецкого вторжения. В Крыму во время оккупации исчезла его картина «Охотник» — изображение крепостного юноши, вскинувшего к плечу легкую двустволку. Охотник мечтательно смотрит в сторону, но таким образом, что его глаз, подобно широкоугольно-

му объективу, следит за всем, что попадет в его поле зрения. Только мужчины смотрят так. Если женщина старается переключиться в режим подобной панорамной оптики, ее взгляд-прожектор собирает скорее некую сумму предметов. Винкельман был бы в восторге от благородных черт лица юноши в сидящей слегка набекрень ушанке. Накануне войны картина была отправлена Русским музеем на выставку в Алупку. С той же выставки военные (на сей раз предположительно уже «свои») позаимствовали и еще одно полотно, происходящее из окружения Венецианова — изображение группы крестьянских детей. В 2006 году картина всплыла в московской антикварной торговле и была задержана российским министерством культуры. А вот бдительный молодой охотник до сих пор не найден. Можно лишь надеяться, что он нашел приватное убежище где-то у себя на родине.

Русские художники, отправлявшиеся в качестве стипендиатов в Италию, вдохновлялись итальянскими ландшафтами так же, как и немецкие паломники. Но русские привозили из Италии чаще образы пестрого кипения жизни на живописном фоне — в отличие от «живых скульптур» в слегка педантично идеализированных кулисах их немецких собратьев. В музее Иркутска, где сегодня хранится немало трофейных картин, можно хорошо видеть эту разницу. Украшением собрания является большой (71 x 100 сантиметров) идеализированный ландшафт — копия картины Вильгельма Альборна работы Карла Фридриха Шинкеля. Во время войны это картина из Берлинской Национальной галереи украшала стену рейхсканцелярии и пропала отсюда в 1945 году. С садовой террасы открывается вид на далекие холмы, у подножия которых простирается утопический

Страсти Христовы. Неизвестный мастер из Мюльдорфа

город с пантеоном в центре. На переднем плане этого живописного «театрализованного прошлого» расположилась группа рыцарей-придворных, созерцающих античную утопию. Созданный Шинкелем образ — апофеоз того, что историк Сергей Соловьев называл «каменной цивилизацией», столь богатой статичными формами. Даже ветви и листья развесистой плакучей ивы, крона которой

простирается подобно шатру над всем изображенным, нарисованы с инженерной точностью, как будто это витраж собора.

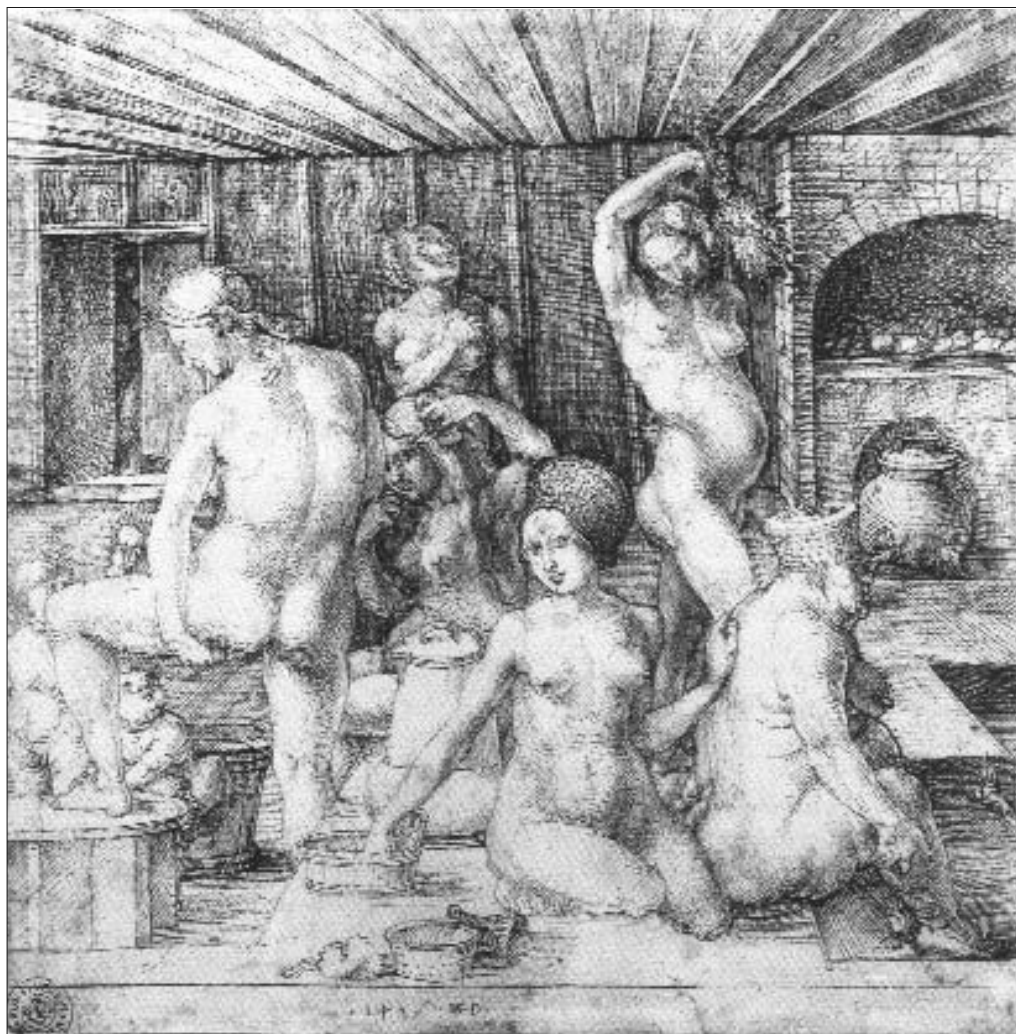
Всего в нескольких шагах от картины Шинкеля, в русском разделе экспозиции, мы видим Неаполь глазами художника Сильвестра Щедрина. В отличие от Венецианова, распахнувшего художественное окно во внутреннюю русскую Аркадию, Щедрин творил под

солнцем настоящего юга. Стипендиат императорской Академии художеств, он изобразил, как на загроможденной руинами прибрежной террасе чернокудрый юноша, аккомпанируя себе на мандолине, поет серенаду босоногой девушке. Под беседкой, увитой свежей листвой и опирающейся на утилизированную античную колонну, завязывается амурная история. Зрителю демонстрируется, как на останках прошлого снова и снова рождается новая жизнь. Немец Шинкель с его романтической меланхолией и Щедрин с его русским почвенничеством — два примера того, как северные гости вдохновлялись природой Италии, праматери изобразительного искусства Европы. И кажется даже справедливым, что обе живописные сцены попали волею судеб именно в Иркутск, куда вскоре после создания этих картин были сосланы декабристы, представители петербургской просвещенной элиты, которые и в Сибири начали сеять зерна европейской культуры, создавая литературные кружки и проводя домашние концерты. Находящийся вблизи границы с Китаем, Иркутск уже к концу XIX века имел единственную в Сибири художественную галерею. Московский коллекционер Феликс Вишнеvский, известный собиратель трофейных картин, приобретший и описанную копию Шинкеля, в советские времена дружил с директором художественного музея Иркутска Алексеем Фатьяновым. В семидесятые годы Вишнеvский дарил музею Фатьянова и русскую, и немецкую картины.

Женская баня

И для немецкого искусства катализатором и источником вдохновения при познании форм человеческой телесности стала культура страны с более мяг-

ким, нежели немецкий, климатом — Северная Италия. Первым «свободным», то есть не обусловленным библейским или аллегорическим сюжетом изображением обнаженной женской природы в искусстве Северного Ренессанса считается сцена «Женская баня», созданная 25-летним Альбрехтом Дюрером около 1496 года. Рисунок выполнен пером по бумаге, на нем изображены шесть обнаженных женщин юного, среднего и зрелого возрастов, занимающихся, стоя или сидя, уходом за своим телом в обшитом деревом помещении с печным отоплением. Композиция основывается на наброске, появившемся за полтора года до рисунка, во время первого путешествия Дюрера в Венецию, в одной из женских бань, которые зачастую являлись и домами терпимости. Переполненные и далекие от норм гигиены парные, разумеется, являлись рассадниками сифилиса. Болезнь бушевала тогда и в Нюрнберге. Дюрер, на протяжении всей своей жизни боявшийся инфекций, бежал через Альпы, в частности, именно от этой эпидемии. К счастью, в Италии молодой немец подхватил совсем другую болезнь — он был заражен искусством кватроченто и инфицирован восхищением обнаженным человеческим телом. В «Женской бане» подвижные, исполненные света тела вырываются из окружающего их пространства, как из темного шкафа. В отличие от итальянских женских образов, дюреровские женщины не обнаруживают черт сходства с античными мраморными статуями. В видении сына франконских лесов их тела больше походят на жилистые ветви деревьев. Округлости женской плоти, похоже, казались рисовальщику несколько странными. Старательными штриховками он словно «ощупывает» тела, изучая женскую анатомию.

А. Дюрер. Женская баня. 1946

Визуальные волны этого группового изображения расходятся вверх и наружу. В центре зрителя встречают зовущие взоры двух молодых женщин. Первая — в благонравном головном уборе замужней женщины, с открытым выражением лица; из-за ее плеча взирает волоокая лорелея, чешущая распущенные волосы. В глубине картины, над ними обеими, как некое воплощение вечной женственности, возвышается девушка, волосы которой убраны в девственные косы, а взгляд обращен к дощатому потолку. Ее рука закрывает

грудь, как у «Venus Pudica», стыдливой богини любви. Наблюдатель, изучающий режиссуру взглядов трех женщин, может быть смущен созерцанием трех пар грудей, которые, кажется, смотрят в шесть разных направлений. Зато остальные фигуры композиции как будто отстраняются от зрителя. Слева мускулистая мать закрывает телом своих детей. Старуха и беременная справа заняты исключительно собой. «Женская баня» Дюрера была приобретена в XIX столетии Иеронимусом Клугкистом, сооснователем Бремен-

ского союза друзей искусства, и после его смерти в 1851 году, согласно завещанию, передана в городскую коллекцию. Вместе с 1715 другими рисунками собрания, а также 50 картинами и тремя тысячами гравюр, «Женская баня» была вывезена в 1943 году, когда авианалеты союзников на Бремен становились все более частыми, в замок Карнцов под Берлином. Хозяин замка, граф Кёнигсмарк, сам страстный коллекционер графики, распорядился замуровать драгоценные экспонаты в подвале. За этим наблюдал некий «остарбайтер» — уроженец Поволжья, вывезенный в Германию на принудительные работы. В начале мая 1945 года замок Карнцов был реквизирован капитаном Виктором Балдиным под квартиры для Пинской инженерной бригады 61-й армии Белорусского фронта. Старшие по званию офицеры разместились в замке, чины среднего ранга, к числу которых относился и Балдин, сколотили для себя деревянные временки в лесу. Два месяца квартировала бригада в Карнцове, и перед отступлением в начале июля замок был основательно опустошен. Фарфор и канделябры офицеры отправили к себе на родину. Помог соотечественникам и освобожденный ими упомянутый остарбайтер. Скорее всего, именно он рассказал о тайнике в подвале.

В ночь перед отступлением, 6 июля 1945 года, солдаты отправились в подземелье на поиски сокровищ. Они осветили темный лабиринт факелами, которые втыкали в отверстия в стенах, и обнаружили тайник, заполненный картонными папками. К разочарованию красноармейцев, в папках хранились не золото и драгоценные камни, а картины. Перерыв кипы бумаг, они утешились изображениями обнаженной женской натуры, а остальное бросили на пол. Капитан Балдин, в тот

вечер находившийся на дежурстве, спустился в подвал, когда его товарищи уже повеселились вволю. На разбросанных по земле листах его взгляд эксперта опознал знакомые подписи — Рембрандт, Гойя, Ван Гог, а также АД — Альбрехт Дюрер. Балдин был потрясен тем, как одичавшие воины обошлись с перлами мировой культуры, разделив их между собой в соответствии с рангом и собственными примитивными вкусами, а большую часть попросту выбросив. Он собрал сперва листы с известными ему подписями — Рафаэль, Давид, Ренуар. Затем листы, которые произвели на него лично впечатление, но имен создателей которых он не знал. Наконец он понял, что, видимо, все листы представляют собой ценность и обречены на гибель в этом подвале. Балдин собрал все, что мог унести. В июле и августе Пинская бригада прошла тысячу километров на восток в сторону Бреста. По пути Балдин пополнял свою коллекцию. На губную гармошку и парадные сапоги он выменял у одного из товарищей рисунки Ван Дейка, Ведуте Гварди и «Голову Христа» Дюрера. И только изображения обнаженной женской натуры, полюбившиеся многим подразделениям и ставшие для них заветными талисманами, невозможно было выменять ни на какую «валюту». «Женская баня» Дюрера, подобно фигуре на носу корабля, украшала офицерский грузовик бригады минеров. Новый хозяин к любым предложениям Балдина оставался глух.

Необустроенность мирной жизни привела к тому, что многие из вывезенных произведений искусства снова оказались в музеях. Реставратор Балдин, беспечно показывавший свои рисунки каждому, кто проявлял к ним интерес, стал в 1947 году жертвой доноса: его вина заключалась в том, что он выра-

жал почтение к западному образу жизни. Балдин был исключен из партии. Чтобы спасти себя и свою коллекцию, он, историк архитектуры по образованию, обратился за протекцией к мэтру сталинской архитектуры Алексею Шусеву и подарил в его только что основанный Музей архитектуры свои рисунки. Позже Балдин был восстановлен в партии, а в 1963 году сам стал директором музея, в котором хранилась его коллекция.

Офицер же, которому досталась в качестве трофея «Женская баня», привез рисунок в Баку. Через два года после окончания войны шесть дюре-ровских женщин, а также еще десять листов рисунков и графики из Бременского музея были предложены национальному музею Азербайджана. В музее рисунками сразу же занялись сотрудники госбезопасности. Они были размещены в секретном архиве, чтобы Москва их не реквизиовала. В 1993 году независимый Азербайджан устроил выставку, где экспонировалась «Женская баня» и другие трофейные рисунки. Вскоре после этого музей объявил об их пропаже. При этом музейные двери и сейфы были в исправности, по всей видимости, вор воспользовался помощью сотрудников музея. Министр культуры Азербайджана Полад Бюль-Бюль Оглы, на которого ложилась ответственность за кражу, объявил, что речь шла о подделках или вещах, не имеющих ценности. В смуте девяностых годов многое казалось возможным. В Азербайджане, где западной экзотикой можно счесть даже русское искусство, отношение к старым немецким мастерам было, видимо, далеко не трепетным. В том же году сотрудники немецкого телека-

нала РТЛ купили три из пропавших рисунков в одном гамбургском отеле. Другие рисунки, среди них и «Женская баня», попали через Японию в Нью-Йорк. Некий японский бизнесмен пытался выступить посредником при их продаже, ему были нужны деньги на

*Волна экономической конъюнктуры
сделала искусство предметом большой
игры на ставки с множеством нолей*

операцию по трансплантации почки. Нити этой закулисной истории сходились в руках азербайджанского адвоката Натаван Алескеровой, бывшей сотрудницы генпрокуратуры в Баку, и ее супруга, олимпийского чемпиона по вольной борьбе. Американская полиция арестовала рисунки. В результате четырех лет переговоров и значительных финансовых вложений «Женская баня», совершив путешествие через полмира, к началу нового тысячелетия вернулась домой в Бремен.

* * *

В 2003 году российские власти дали официальное разрешение на вывоз 101 рисунка из собрания Бременского музея, хранившегося в течение десяти лет в немецком посольстве в Москве. Фронтовой товарищ Виктора Балдина, пожелавший сохранить анонимность, передал их весной 1993 года немецкому дипломатическому представительству. Эти рисунки, как и прочие из Бременского музея, по закону в принципе не могли являться собственностью российского государства, так как не были вывезены официально, а стали жертвами частного грабежа. На ветерана, который сам был художником и жил в Поволжье, вышел его зем-

ляк, историк Григорий Козлов, уроженец Волгограда. Этот уже очень пожилой человек хотел «умереть со спокойной совестью». Деньги, предложенные ему немецким государством в награду за передачу рисунков, он отказался принять. Его поступок стал также актом гражданского неповиновения государству, которое удерживало коллекцию Виктора Балдина — против воли его самого. В отличие от Балдина, чьи попытки вернуть свою часть рисунков Германии так и не увенчались успехом, волгоградский ветеран добился своего — его «посылка» дошла до адресата «всего» за десять лет. Как показывает эта история, пока лишь действия вопреки, подобные самоуправству, которые проявлял ветеран из провинции, достигают такой цели. И еще один пример: в середине девяностых другой ветеран, москвич, отправил три рисунка из бременской коллекции прежним хозяевам просто по почте (через Прагу). Обыкновенное письмо в запечатанном конверте благополучно прибыло по адресу, в целостности и сохранности доставив рисунки с суровой окраины европейской цивилизации на ее благоденствующий северо-запад, в Бремен, где благодарный получатель, кабинет графики Бременского музея, с удовлетворением вернул рисунки на их прежнее место.

Молодой Виктор Балдин и его товарищи-похитители из бригады минеров, как и множество других советских солдат, привезших из Германии картины в качестве трофеев, встретились с произведениями искусства в ситуациях, о которых никто из нас сегодняшних не может с точностью сказать, как повел бы себя на их месте. Их командиры отправляли домой грузовики и эшелон

ны со столовым серебром, мебелью и коврами, а они выбрали для себя картины и рисунки — ландшафты, библейские сцены, архитектурные композиции, но прежде всего — изображения женской натуры, перенесенные чувствительной кистью или пером на холст или бумагу. Эти солдаты или офицеры младших чинов доставили в своем багаже домой то, что они сняли со стен, нашли в тайниках или на земле — что в другом случае, наверное, погибло бы.

После войны многие из художественных трофеев различными путями попали в музеи. В девяностые годы, когда бесконтрольный российский капитализм зачастую отнимал у стариков последнее, три пожилых ветерана Второй мировой приложили максимум усилий, чтобы безвозмездно вернуть свою добычу туда, откуда она была похищена. То обстоятельство, что этих людей уже нет в живых и они не могут рассказать свою историю, делает их сегодня на их несчастной родине идеальными козлами отпущения. Волна экономической конъюнктуры подняла рыночную ценность искусства вообще и русского искусства в частности, но она же сделала искусство предметом большой игры на ставки с множеством нолей. Знаки доллара или евро отражаются в глазах любителей искусства куда ярче, чем золотая пыль на талиях Лукреции или Вирсавии. Увидеть след света, который уловили художники, многим из наших современников, имеющих счастье родиться позже той грозной эпохи, оказывается сложнее, чем тем скромным воинам, дни которых не вернутся.

Перевела с немецкого
Анастасия Бутско

CONTENTS

To Our Reader	5
Seminar	
Problems of the Law-enforcement System in Contemporary Russia <i>Elena Lukyanova</i>	7
Discussion	13
Freedom of Words	23
Theme of the Issue	
On Corruption in Contemporary Russia <i>Elena Panfilova</i>	24
A Fatal Law for the Government <i>Nadezhda Lisitsyna</i>	28
On the Issue of Opposition <i>Leonid Sedov</i>	30
Challenges and Threats	
Problems of the Moslem World <i>Alexei Malashenko</i>	34
The Crisis	
Prospects for the global economy <i>Ross Walker</i>	44
History and Modernity	
«The Fate of Nations is Defined by the Mind of Intelligentsia» <i>Serguei Magaril</i>	49
A Viewpoint	
Two Parallel Realities <i>Andrei Kolesnikov</i>	63
The Value of the Invaluable <i>Svetlana Babaeva</i>	68
Civil Society	
What is Civil Society? <i>Gasán Guseinov</i>	81
Regional Seminar	
Local Communities and the Government: the French Experience	99
City and Citizens	
From City Politics to the Politics of Cities <i>Alexander Sogomonov</i>	111

A Non-Metropolitan Nizhnii <i>Constantin Baranovskii</i>	119
Regional and Municipal Life	
«General Public in Waiting» <i>Elena Nikischenko</i>	123
International Experience	
European Justice: Unity in Variety <i>Emmanuel Barbe</i>	128
Historical Memory and Justice <i>Louis Bickford</i>	131
Global capitalism and social welfare — the Swedish experience <i>Gunnar Wetterberg</i>	135
Horizons of Understanding	
Our Culture and the Need for Enlightenment <i>Igor' Kharichev</i>	139
Announcement	
The Breaking of Nations: Order and Chaos in the XXI Century <i>Robert Cooper</i>	148
Geopolitics of Emotions <i>Dominique Moisi</i>	150
Beginnings of the Civil Rights in Russia — 1785 <i>Richard Pipes</i>	154
Books	
A Nasty Anecdote <i>Andrei Zakharov</i>	157
Regional Book Review <i>Maxim Vas'kov</i>	159
Counterpoint <i>Vladimir Ryzhkov</i>	161
Nota bene	
Trophy Art in the Russian Countryside <i>Kerstin Holm</i>	168

**СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ОБЩАЯ ТЕТРАДЬ»
за 2010 г.**

К читателю (№ 1, 2, 3—4)

Семинар

Барановский Константин
Заметки с семинара (№ 2)

Лукьянова Елена

Проблемы правоохранитель-
ной системы в современной
России (№ 3—4)

Плигин Владимир

О проблеме современного
понимания «либерального»
(№ 1)

Рогинский Арсений,

Трудолюбов Максим

Историческая политика (№ 2)

Тема номера

Дубин Борис

Постсоветский человек и
гражданское общество (№ 1)

Круглый стол: Язык граж-
данского общества (№ 1)

Лисицина Надежда

Фатальный закон для власти
(№ 3—4)

Панфилова Елена

О коррупции в современной
России (№ 3—4)

Рябов Андрей

Власть и общество в пост-
коммунистической России
(№ 1)

Седов Леонид

К вопросу об оппозиции
(№ 3—4)

Согомонов Александр

О языках гражданского
общества (№ 1)

Чубайс Анатолий

Инновационная экономика
в России — что делать? (№ 2)

Вызовы и угрозы

Карнеро Альберто

Европа после кризиса (№ 2)

Малашенко Алексей

Проблемы мусульманского
мира (№ 3—4)

Кризис

Васильев Сергей

Экономика России после
кризиса — что изменилось?
(№ 1)

Уолкер Росс

Перспективы глобальной
экономики (№ 3—4)

Идеи понятия

Большаков Сергей

Политический концепт сете-
вого управления (№ 1)

Гражданское общество

Шмелев Алексей

Поиск общего языка (№ 2)

История и современность

Магарил Сергей

«Судьбу наций определяет ум
интеллигентский» (№ 3—4)

Историческая политика

Шеррер Ютта

Историческая политика в
демократических обществах.
Инициатива гражданина
(№ 1)

Россия и Европейский союз

Гомар Тома

Есть ли место Европе в рос-
сийской внешней политике?
(№ 2)

Дискуссия

Балакирева Наталья

Управляемый Интернет: воз-
можности и пределы (№ 1)

Ценности и интересы

Трудолюбов Максим

Общее как жертва частного
(№ 1)

Трудолюбов Максим

Культурная революция (№ 2)

**Политэкономия российского
капитализма**

Рогов Кирилл

Режим мягких правовых
ограничений: природа и
последствия (№ 2)

Точка зрения

Бабаева Светлана

Цена бесценности (№ 3—4)

Волков Александр

Плыть по течению (№ 1)

Колесников Андрей

Две параллельные реально-
сти (№ 3—4)

Жизнь в профессии

Ерошок Зоя

«... Я хочу рассказать о боли,
памяти и памятке» (№ 1)

Гражданское общество

Гусейнов Гасан

Что такое гражданское
общество? (№ 3—4)

Шмелев Алексей

Поиск общего языка (№ 2)

Региональный семинар

Белых Никита

Верне Даниэль

Гончаров Жорж

Немировская Елена

Шаваньяк Уго де

Эрман Робер

Местные сообщества и
власть: опыт Франции
(№ 3—4)

Город и горожане

Барановский Константин

Нестолличный Нижний
(№ 3—4)

Согомонов Александр

От городской политики к
политике городов (№ 3—4)

**Региональная
и муниципальная жизнь**

Никищенко Елена

«Придворная обществен-
ность» (№ 3—4)

Шевцова Татьяна

Культурный хаос (№ 2)

Зарубежный опыт

Барб Эммануэль

Европейское правосудие:
единство в многообразии
(№ 3—4)

Бикфорд Луис

Историческая память и пра-
восудие (№ 3—4)

Веттерберг Гуннар

Глобальный капитализм и
социальное благополучие —
шведский опыт (№ 3—4)

Новые практики и институты

Иост Наталья

«Умная политика»: молодежь
в Российской ассоциации
политической науки (№ 2)

Горизонты понимания

Харичев Игорь

Наша культура и необходи-
мость просветительской дея-
тельности (№ 3—4)

Интервью*Корникова Анастасия**Исаев Павел*

Тысячелетие несбывшихся надежд (К 1000-летию Ярославля) (№ 2)

Наш анонс*Даль Роберт*

Политическое равенство (№ 1)

Купер Роберт

Раздор между народами.

Порядок и хаос в XXI веке (№ 3–4)

Моизи Доминик

Геополитика эмоций (№ 3–4)

Пайнс Ричард

Истоки гражданских прав в

России – год 1785 (№ 3–4)

Тодоров Цветан

Дух Просвещения (№ 2)

Книги*Захаров Андрей*

Ходорковский, Путин и дело

ЮКОСа (№ 2)

Захаров Андрей

Скверный анекдот (№ 3–4)

Маркедонов Сергей

Пятидневная война (№ 1)

Региональное книжное обозрение

Васьков Максим (№ 2, 3–4)*Захаров Андрей* (№ 1)**Контрапункт***Архангельский Александр* (№ 1)*Рыжков Владимир* (№ 2, 3–4)**Nota bene***Гапоненков Алексей*

Эпистолярный диалог Петра

Струве и Семена Франка

(1922–1944) (№ 1)

Хольм Керстин

Трофейное искусство в российской провинции (№ 3–4)

Шагжина Саяна

Американцы (№ 2)

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема: СОБСТВЕННОСТЬ И СВОБОДА**СЕМИНАР**

(Голицыно, 9–10 декабря 2010 г.)

Наши авторы:*Людмила Алексеева**Лев Гудков**Сергей Гуриев**Андрей Захаров**Андрей Зубов**Андрей Колесников**Кристофер Коукер**Евгения Шамис**Леонид Никитинский**Аркадий Островский**Ричард Пайнс**Михаил Федотов**Григорий Шведов**Андреас Шокенхофф*

Квитанция	<p><u>АНО «Московская Школа Политических Исследований»</u> (получатель платежа) ИНН 7709515010 КПП 770301001 р/сч. № 40703810900000020710 в Банк ВТБ 24 (ЗАО) г. Москва БИК 044525716 Сч. № 3010181010000000716</p> <p><u>Подписка на журнал «Общая тетрадь» (4 выпуска 2011 г.)</u> (наименование платежа)</p> <p>Плательщик (ФИО) Адрес: _____ Сумма платежа 800 рублей 00 копеек Подпись _____</p>
Кассир	
Извещение	<p><u>АНО «Московская Школа Политических Исследований»</u> (получатель платежа) ИНН 7709515010 КПП 770301001 р/сч. № 40703810900000020710 в Банк ВТБ 24 (ЗАО) г. Москва БИК 044525716 Сч. № 3010181010000000716</p> <p><u>Подписка на журнал «Общая тетрадь» (4 выпуска 2011 г.)</u> (наименование платежа)</p> <p>Плательщик (ФИО) Адрес: _____ Сумма платежа 800 рублей 00 копеек Подпись _____</p>
Кассир	

**Оформить подписку на журнал «Общая тетрадь»
можно следующим образом:**

- 1. Заполните квитанцию.** Укажите Ф.И.О., адрес с индексом, на который будет приходить бандероль с журналом.
- 2. Оплатите квитанцию в любом отделении Сбербанка РФ.** Копию оплаченной квитанции отправьте нам по факсу (495)699-01-73 или по эл. почте msps@msps.su
В цену подписки не включена комиссия Сбербанка.
- 3. Подписка для юридических лиц оформляется на основании заявки и оплаты выставленного счета.** Оформить заявку вы можете по эл. почте msps@msps.su или по тел. (495)699-01-73.

Подписано в печать 31.01.2011.

Формат 70×108/16.

Усл.-печ. л. 11,5.

Тираж 999 экз.

Заказ №

Московская школа
политических исследований
127006, Москва,
Старопименовский пер., д. 11/6, строение 1
e-mail: mpps@mpps.su
<http://www.mpps.su>

ЛР № 00972 от 14.02.2000.

ISSN 978-5-91734-019-7

9 785917 340197